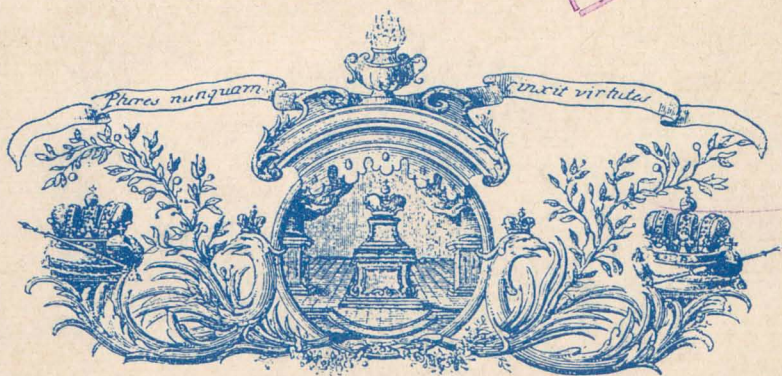

901-99
376-0

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА

МОСКВА — 1989

XS3.2

2 $\frac{90-14}{339-5}$

О. А. ОМЕЛЬЧЕНКО

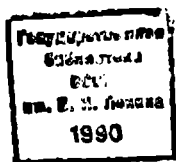
КОДИФИКАЦИЯ ПРАВА
В РОССИИ
В ПЕРИОД АБСОЛЮТНОЙ
МОНАРХИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Рецензенты:

кафедра теории и истории государства и права Военного Краснознаменного института Министерства обороны СССР;
ст. научный сотрудник НИИ АПН СССР, канд. ист. наук *В. М. Соловьев*

Ответственный редактор профессор, докт. юрид. наук *И. А. Исиев*

2007083522

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета ВКЗИ

От автора

Предлагаемое учебное пособие охватывает вопросы нескольких смежных тем и разделов курса истории государства и права СССР. Их освещение имеет как научные, так и учебно-методические основания. В своем большинстве эти вопросы неполно или неточно изложены в учебной и научной литературе, ряд из них только условно включался в программы курса, но не мог быть раскрыт из-за недостаточной изученности. Основное внимание в работе уделено поэтому конкретно-историческому раскрытию темы, и многие разделы основаны на исследовании преимущественно архивных материалов.

Комплексное соединение вопросов продиктовано не только потребностями научного подхода к теме. В учебно-методическом плане это позволяет показать развитие кодификации русского права в период формирования новой правовой культуры и новых законодательных форм, способствует уяснению проблем кодификации права как одной из важнейших самостоятельных характеристик состояния правовой системы.

В период абсолютной монархии, тем более в XVIII в., унификация права в России была еще далеко не завершена. Правобережная Украина, Прибалтика, некоторые другие территории, вошедшие в состав Российской империи к первой половине XVIII в., мусульманские народы Поволжья, Казахстана, Приуралья сохраняли обособленность правового регулирования. Однако систематизация права в этих областях права составляет специальный вопрос и не рассматривается в пособии. Под кодификацией права в России подразумевается развитие форм общегосударственного правового регулирования, преимущественно собственно русского права, которое получило силу и значение общеперского.

Основная часть работы посвящена кодификации права и ее влиянию на развитие форм законодательства во второй половине XVIII в. Такие хронологические рамки выбраны не произвольно. Именно в это время формировался и приобрел свой «классический» вид (с 1760-х годов) «просвещенный абсолютизм» в России. Стремление к всесторонней регламентации общества и деятельности государственной организации на основе единых правовых начал и, как следствие, к всеобъемлющей кодификации права составляло одну из характерных черт политики этого периода и самой формы феодальной монархии. В этом отношении работа дополняет и продолжает более обобщенное по содержанию исследование о «просвещенном абсолютизме» в России.

История кодификации права в XVIII в. — в большей степени история попыток этой кодификации и анализ ее основной тенденции. Далеко не все в этой истории обрело реальное законодательное воплощение (хотя, как будет сказано, и значительно большее, чем полагалось в литературе). Поэтому отдельных разделах работы изложены вопросы не только собственно истории права или законодательства, но и правовой идеологии в России второй половины XVIII в. Эти особенности содержания также продиктованы существом темы, многогранностью исторических проявлений «просвещенного абсолютизма».

Данная работа продолжает исследование, посвященное истории государства и права России в период абсолютной монархии. Поэтому в части методологических и исторических проблем существа и линии развития абсолютизма в России предполагается знакомство читателя с пособием «Становление абсолютной монархии в России» (М.: ВЮЗИ, 1986).

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Источники права и формы закона в период становления и развития абсолютизма в России (первая половина XVIII в.).

Утверждение в государственном строе России принципов абсолютной монархии, абсолютизма, и связанные с этим перемены в политической системе общества в целом сделали закон основным и безусловно преобладающим источником права. Соответственно этому определяющему началу изменение, обновление, дополнение или отмена правовых норм, которым следовали в своей деятельности государственные органы, также с необходимостью принимали форму закона — санкции верховной власти монарха. Признание этой власти единственным юридическим (не идейным!) источником государственного закона (одни из публично-правовых принципов абсолютизма) одновременно было утверждением самодовлеющего характера содержания этого закона: в качестве юридического акта закон (от побудительных мотивов к нему до его содержания и факта издания) определялся только волеизъявлением монарха.

Основным источником правовых норм, сводом реально функционировавшего права, в период становления абсолютной монархии в России оставалось Уложение 1649 г. Его правовая сила неоднократно подтверждалась специальными указами. Наряду с Уложением главными формами законодательства до времен преобразований Петра I были указы (царя или царя совместно с Боярской Думой) и так называемые боярские приговоры (постановления, вынесенные только Боярской Думой). Каких-либо определенных разграничений между сферами применения этих видов государственного закона не сложилось.

Новая система законодательных актов абсолютной монархии сформировалась в первой четверти XVIII в. и в дальнейшем не претерпела существенных изменений.

Основные формы законодательства XVIII в. Высшей правовой силой обладали манифесты (от латинского *manifesto* — объявляю). Этот вид законодательного акта мог издаваться только монархом и за его подписью. В форме манифестов проводились важнейшие политические решения: провозглашение вступления на престол или коронования очередного монарха, общегосударственной присяги ему, объявление войны или мира, правовых мер самого общего значения. Манифесты, как правило, не содержали конкретно-правовых норм, выражали политическую или общеправовую программу и должны были развиваться в дополнительных постановлениях. По установившейся традиции манифесты не подлежали в последующем отмене, сохраняли свое действие

надолго. Они были обращены ко всем государственным учреждениям и ко всему населению, непременно широко обнародовались. Обнародование манифестов, сам факт обращения в них «к истинным сынам отечества», обязательное дополнительное обоснование правительственных мер делали эти акты важнейшими документами официальной идеологии и публично-правовой доктрины¹. Манифесты были особым и потому не частым видом закона: их число за год редко превышало 10 актов; хотя в казусных случаях поводом к их изданию бывали и стремления пресечь «государственно опасные» слухи.

Вторым по значимости видом законодательного акта считались **именные указы**. Они издавались от имени и за подписью монарха по вопросам, имеющим большое государственное значение. Именные указы, как правило, заключали конкретные внутривластные решения, устанавливали основные правовые положения по регулированию деятельности отдельных учреждений или определенной сферы. Именные указы по вопросам общегосударственного значения также обнародовались, но в большинстве они направлялись только для сведения государственного аппарата. Как прямое выражение воли монарха, эти акты обладали юридической силой наравне с манифестами. Однако сфера применения их была уже, они могли быть отменены (строго говоря, традиция ограничивала время их действия царствованием издавшего их монарха). Именные указы нередко дополнительно содержали **уставы, регламенты, учреждения** (как особый подвид правового акта), в которых устанавливались принципы и конкретные нормы деятельности по отдельным государственным органам или по самостоятельной сфере права возможно длительного действия, но юридическая сила сообщалась им именными указами.

Наиболее распространенным видом законодательного акта были **указы**. Указы издавались или монархом, или, значительно чаще, от его имени высшими правительственными учреждениями². Как правило, они были направлены на решение конкретных вопросов государственного управления и по существу смыкались с собственно административными распоряжениями. Но устанавливаемые в них нормы имели общеобязательный характер. Большинство из указов адресовались или определенному государственному учреждению, или конкретному должностному лицу. Этим, в общей форме, определялась сфера применения указа. Указы фиксировались в специальных книгах учреждений или по канцеляриям высших должностных лиц. От имени монарха указ мог быть объявлен также устно (так называемый **объявляемый указ** как особый подвид правового акта) — строго определенным кругом высших сановников и придворных. Устные указы, приравненные с 1726 г. к закону,

¹ Такую роль правительство вполне сознательно отводило манифестам. Так, в одном из сенатских докладов 1764 г. по реформе содержания украинских полков в числе прочего отмечалось: «Как сия, почти общая в том народе перемена, сколько бы сама собою справедлива и полезна ни была, к разным иногда по новостям своей развратным понятиям несмысленным или привычкою в прежних неурядицах закоснелым людям повод подать может, то за нужно быть кажется... издать в народ о существе, надобности и пользе оных особый указ или манифест»//ПСЗ. Т. 16. № 12293. С. 1007.

² Право на издание указов, имевших силу закона, принадлежало Сенату, Верховному тайному совету (в 1726—1730 гг.), Кабинету министров (в 1731—1741 гг.), а также в пределах своих сфер Синоду, Коллегии иностранных дел, Военной коллегии и Адмиралтейств-коллегии.

также фиксировались в специальных журналах. Сходным по своей правовой форме видом законодательного акта были **утвержденные доклады** — резолюции монарха на доклады от центральных правительственных учреждений, как правило, Сената, или высших должностных лиц.

Источником права были и судебные решения, вынесенные монархом по конкретным делам (в виде специального указа или резолюции на представление судебного органа), и судебные постановления Сената. В этом смысле русское правоприменение в XVIII в. в значительной степени сохраняло прецедентный характер. ▽

Проблемы законодательного регулирования и систематизации. Несмотря на очевидные различия в правовой форме, строгих разграничений по содержанию, сфере или по правовой силе между манифестами, именными указами, указами и т. д. в XVIII в. да и в целом за период абсолютной монархии, не сложилось. Отсутствие формально-правовой определенности (как следствие общих начал абсолютной власти) приводило к резкому росту числа актов, имевших силу закона или бывших источниками правовых норм. Неизбежно нарастала и внутренняя несогласованность совокупности этих актов, а с нею и противоречия государственного закона в целом.

Почти за 50 лет, со времени принятия Уложения 1649 г. до начала единоличного правления Петра I (1696 г.), было принято около 1600 актов, имевших силу закона. Многие из них, например, «Новоуказные статьи о татейных и разбойных делах» (1649 г.) или «Новоторговый устав» (1667 г.) существенно видоизменили или дополнили нормы Уложения 1649 г. К концу первой четверти XVIII в. это количество дополнили еще свыше 3200 актов законодательства Петра I — разнопланового, поспешного, сложившего новый массив правовых норм без отмены или переработки прежних. В последующем, во второй четверти XVIII в., в среднем за год издавалось 200—220 актов, имевших силу закона. Объективная противоречивость такого неупорядоченного в формах законодательства множилась на российскую бюрократическую практику «сочинения указа на указ» и лишала текущее правоприменение именно того, на что направлялось столь обильное правотворчество, — законности (в духе политических начал того времени).

Дополнительные сложности применения закона создавало отсутствие достаточно полной публикации и распространения этих актов. Печатное издание манифестов и важнейших указов вошло в практику с 1710-х годов (тиражом до нескольких сот экземпляров). Объемные указы, регламенты обязательно печатались в виде книг: некоторые наиболее значимые акты дополнительно издавались и на немецком языке. Однако в целом эти публикации охватывали немногим более половины определявших правовые нормы актов. В 1720-е годы было издано несколько сводных хронологических собраний законодательных актов, но составленных выборочно и произвольно (книги указов за 1714—1718 гг., за 1719—1720 гг. и некоторые др.). Остальная масса правовых актов в государственных учреждениях в первой половине XVIII в. направлялась только по соответствующим канцеляриям и архивам.

Недостатки судебной практики, разноречивые, иногда прямо противоположные решения судов разных инстанций нередко были следствием не только общих несовершенств юстиции или злого умысла, но и разной меры осведомленности судей в государственных законах. Тем самым кодификация права в первой половине XVIII в. получила и вспомогательную задачу — разобраться в законодательстве, упростить его, сделать реальным единство государственного закона.

§ 2. Попытки кодификации русского права в первой половине XVIII в.

Палата об уложении 1700—1703 гг. Первый значительный опыт систематизации и обновления правовых норм со времени Уложения 1649 г. принадлежит так называемой Палате об уложении, созданной в феврале 1700 г.¹ В состав Палаты было назначено свыше 70 лиц из числа членов Боярской Думы и приказной администрации, но реально приняли участие в ее заседаниях не более 20 человек. Возглавил Палату боярин князь И. Б. Троекуров.

Задача Палаты состояла в том, чтобы собрать и «справить» со старыми судебниками и с Уложением все изданные указы и приговоры, для чего были посланы запросы во все приказы о присылке копий с имевшихся по их ведомствам указов. Вместе с тем, как гласил составленный заметным деятелем эпохи реформ Петра I А. А. Виниусом манифест-предисловие к готовившемуся своду, предписывалось обновить нормы закона по опыту судебной и управленческой практики и в согласии с правилами «св. апостолов и св. отцов», вписав и те статьи, «которые сверх Уложения и Новоуказных статей по вершенным делам состоялись, а в Уложении и в Новоуказных статьях об них на всякие государственные и земские дела не положено».

С большими перерывами деятельность Палаты продолжалась с 27 февраля 1700 г. по 14 ноября 1703 г. После получения от ряда приказов копий указов с марта 1700 г. началось «слушание» уложения по главам, в процессе которого производились дополнения и обновления норм. К июлю 1701 г. было заслушано все уложение, подготовлено «заглавие» и предисловие, но с августа (по не вполне ясным причинам) работа была начата заново с привлечением новых материалов, в основном по торговым и финансовым делам. К осени 1703 г. был готов и общий проект Новоуложенной книги.

Проект сохранил структуру Уложения 1649 г. (в 25 главах), однако его нормы были существенно обновлены с учетом последующих указов. К собственному законотворчеству Палата не прибегала, исключая только предложение о подсудности церковных людей* и крестьян (несвященнического чина) светскому суду. В целом это был опыт чистой систематизации существовавшего законодательства по сложившейся схеме с устранением формальных внутренних противоречий, и то лишь в рамках регулирования одного института или однотипной нормы, без устранения противоречий самих начал правового регулирования.

Конкретные причины того, почему итог работы Палаты не был реализован, неизвестны. Но очевидно, что растущая волна нового законодательства Петра I по меньшей мере не нуждалась в подготовленном старой Боярской Думой уложении, которое предполагалось сделать «твердо и непоколебимо вовеки».

Проблемы кодификации в ходе реформ Петра I. Представление о целях кодификации права и ее задачах в рамках правовой политики государства получило некоторое развитие на втором этапе преобразований Петра I в связи с созданием нового правительственного аппа-

¹ Именной указ от 18 февраля 1700 г.//ПСЗ. Т. 4. № 1765. С. 14. О деятельности Палаты об уложении см.: Поленов Д. В. Материалы для истории русского законодательства. Вып. I. Палата о уложении. СПб., 1865; Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Т. 1. СПб., 1887. С. 1—18.

рата. Указом от 20 мая 1714 г., где упоминалось и о предстоящем пересмотре Уложения, противоречия в законодательстве предполагалось разрешить посредством предписания судьям решать дела только по Уложению 1649 г. и по тем из указов, которые не противоречили его юрмам⁴. Во исполнение этого Сенат предписал особой комиссии во главе сенатором В. Апухтиным пересмотреть состоявшиеся после 1649 г. указы и приговоры, собрав их в специальной «табели»⁵. Эта работа, руководителем которой было поручено канцелярии Сената, по всей видимости, так и не развернулась. В скором времени правительство изменило и общий подход к кодификации, когда чистая систематизация норм Уложения и прежних указов уже не отвечала бы новым политическим видам.

В 1718 г., в связи с созданием коллегий и переустройством всей судебной организации, возник вопрос о том, какими правовыми нормами руководствоваться новым учреждениям. 9 мая 1718 г. Петр I утвердил доклад Юстиц-коллегии, в котором в числе прочего предлагалось принять в качестве нового источника правовых норм шведские законы, для чего сделать перевод шведского уложения, а впоследствии объединить в один свод «российское уложение, новосостоятельные указы и шведский устав». В части регулирования вотчинного землевладения Петр I особо указал использовать лифляндские законы. Был ли тогда подготовлен Юстиц-коллегией какой-либо цельный проект свода законов, построенных с учетом рецепции иностранного права, — об этом точных сведений нет. Президент коллегии А. А. Матвеев в одном из писем упоминал о своем «пребывании» в «повсемременном труде при своде шведского устава с российским уложением»⁶. Но не ясно, что он имел в виду: новое общее уложение или какой-то особый крупный акт, по типу «Генерального регламента» коллегиям, который именно тогда был разработан с широким использованием шведских, датских, немецких административных уставов. Во всяком случае, очевидна перемена задачи кодификации: не чистая систематизация русских законов, а более широкое обновление права с учетом и иностранного законодательства.

В декабре 1719 г. Сенату было повелено начать слушать подготавливаемое уложение с начала нового года и окончить все к октябрю 1720 г. Однако на деле была только создана новая кодификационная комиссия.

Комиссия 1720—1727 гг. В работе созданной по указу Сената от 8 августа 1720 г. второй (на протяжении XVIII в.) уложенной комиссии особенно проявился новый, более широкий подход к кодификации⁷. Первоначально в комиссию были назначены восемь человек —

⁴ Именной указ от 20 мая 1714 г.//ПСЗ. Т. 5. № 2828. С. 116—117.

⁵ Сенатский указ от 3 июня 1714 г.//ПСЗ. Т. 5. № 2819. С. 112—113.

⁶ Цит. по: Соловьев С. М. История России. Кн. 8 (Т. 16—17). М., 1962. С. 461.

⁷ О деятельности и проектах комиссии 1720—1727 гг. см.: Латкин В. Н. Указ. работа. С. 22—39; Маньков А. Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720—1725 гг.//Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970. С. 112—126; его же. Проект Уложения Российского государства 1720—1725 гг.//Проблемы истории феодальной России. Л.: ЛГУ, 1971. С. 157—166 (с публикацией перечня глав проекта уложения); его же. Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720—1725 гг.//Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М.: Наука, 1975. С. 159—180.

иностранные советники Камер- и Юстиц-коллегий и судьи центральных учреждений (в последующем ее состав неоднократно менялся и пополнялся Сенатом). Работа по составлению проекта уложения была, видимо, проделана секретарями комиссии: вначале Веселовским, затем Сверчковым.

С 31 августа 1720 г. по февраль 1725 г., когда деятельность комиссии замерла, было проведено более 200 заседаний. Первоначально работа заключалась в параллельном «слушании» Уложения 1649 г. и шведского уложения⁸, а также, следуя их плану, в составлении новых правоположений. Так, в 1721 г. комиссия «прослушала» девять глав Уложения 1649 г. 33 главы шведского уложения и составила 214 статей. В докладе Сенату 17 июня 1723 г. были упомянуты семь основных тем, над которыми шла работа: 1) о государственных преступлениях; 2) о партикулярных преступлениях; 3) о судебном процессе по партикулярным делам; 4) о криминальных делах; 5) о градских порядках; 6) о наследии; 7) о благочинном состоянии. Но в итоге содержание и структура разработанного в 1725 г. проекта нового уложения были существенно иными, а сам проект представлял собой опыт совершенно новой кодификации.

Завершенный проект уложения включал четыре книги: 1) «О процессе, то есть о суде, месте и о лицах, к суду принадлежащих»; 2) «О процессе в криминальных, розыскных и пыточных делах»; 3) «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют»; 4) «О цивильных, или гражданских, делах и о состоянии всякой экономии» (эта книга разделялась на титулы, посвященные земельным отношениям, торговле, опеке, брачному праву и наследованию). Всего было 120 глав и свыше 2 тыс. статей. Основными источниками сами составители выделили (в предварительном своде) Уложение 1649 г., Кормчую книгу, указы, Военный и Морской уставы, шведские и датские законы. Существенным было и обновление права: вновь сочинено до 30% статей (например, в главе о крепостном праве). В разделах о судопроизводстве и уголовном праве большинство норм были рецептированы. Проекту предпосылался манифест и особое предисловие. Согласно предисловию, основной недостаток Уложения 1649 г. состоял в том, что в нем внимание обращалось на «партикулярные прегрешения», по-новому же «собственный интерес его величества всегда взыскан быть может»⁹. Укрепление единства государственного закона, который воплощал бы и всецело нормирующую общество волю монарха, было главной линией проекта; специальная вводная глава посвящалась охране силы закона и «послушанию законодателю». Естественно, эта законность не выходила за рамки абсолютистской и за пределы феодально-сословного права. Идея всего законодательства — «государственная польза» — доминировала и в нормах проекта. По общему смыслу проведенная комиссией кодификация была уже не просто систематизацией изданных законов, а обновлением права на основе развития сложившихся принципов его системы, притом в новой структуре и с широкой рецепцией иностранного права.

⁸ В собственном смысле слова единого уложения в шведском праве до издания Свода 1734 г. не было. Такую роль выполняли собрание земского и городского права (изданное и в немецком переводе для Прибалтики (Schwedisches Landrecht und des Reiches Schweden Stadt-Recht. Riga, 1709) и Процессуальный устав 1695 г.

⁹ Цит. по: Латкин В. Н. Указ. работа. С. 529.

Завершение работы над проектом пришлось уже на время правления Екатерины II. В феврале 1726 г. Сенат указал назначить в комиссию восемь представителей от сословий (по два — от духовных, военных, гражданских и от магистрата). В июне именным указом Сенату повелевалось начать слушание проекта неоконченного уложения, чтобы приготовить его к рассмотрению в Верховном тайном совете. Однако конкретной реализации эти решения не имели, и даже после дополнительного «приговора» Совета (9 ноября 1726 г.) в комиссии реально состоял лишь обер-секретарь Сверчков при набело переписанном проекте в 2113 артикулах. V

Кодификационная работа во второй четверти XVIII в. В период дворянской реакции, когда многие из «новозаведений» Петра I были уничтожены или трансформированы, не остался без изменений и подход к кодификации права. Широкой реценции иностранных законов (в которых и не без оснований усматривали один из Петровых рычагов по умерению «шляхетских вольностей») была противопоставлена приверженность старорусским законам, а обновлению права возвращение к систематизации. 14 мая 1728 г. Верховный тайный совет указал все законы «разобрать» по-старому, то есть по Уложению 1649 г., и пополнить, учитывая указ 1714 г. Новшество правительственной правовой политики заключалось в стремлении придать новой кодификационной работе не чисто бюрократический, а (в духе времени) дворянско-сословный характер: от каждой из восьми губерний следовало выбрать по пять человек «из офицеров и из дворян добрых знающих людей».

Организованная на таких началах третья кодификационная комиссия Верховного тайного совета (1728—1730 гг.) реально работу не развернула: к сентябрю 1728 г. прибыли только 24 избранных депутата, в мае 1729 г. были назначены новые выборы и старые депутаты распущены. Но и эти выборы не завершились по причине восточества на престол Анны Иоанновны, которое произошло в смутной обстановке известной «ограничительной попытки» (или «затен верховников») 1730 г. и почти дворцового переворота.

Четвертая комиссия, кодификационная комиссия Сената (1730—1744 гг.) была создана в июне 1730 г.¹⁰ Задача кодификации увязывалась указом с общей линией правовой политики к устранению недостатков судопроизводства и к ограничению произвола «бессовестных судей» «чтоб во всей империи был суд равный и справедливый». Для работы над «совершенным уложением», кроме пяти членов комиссии (от Сената, Вотчинной и Юстиц-коллегии), следовало определить к «делу» «добрых и знающих в делах людей, выбрав из шляхетства, и духовных, и купечества» (представители последних двух сословий должны были участвовать лишь в том, «что до них касаться будет»). Однако выборов от сословий, по-видимому, не предусматривалось, депутаты не собирались и работа осуществлялась только должностными лицами, для чего Сенат в декабре 1730 г. назначил еще 10 членов комиссии. В создании сводного уложения Сенат предписал следовать схеме старого, но прежде всего заняться главами «о суде» и «о вотчинах». Предусматривалось решить и текущие задачи общеправовой политики — это стало новым фактором в определении содержания и итогов этой работы. К концу 1731 г. была составлена «вотчинная» глава (с учетом правовых новшеств 1720-х годов, в том числе устава о

См.: Именной указ от 1 июня 1730 г. // ПСЗ. Т. 8. № 5567. С. 284—285.

наследовании 1725 г.). В 1732 и 1733 гг. ее слушали в Сенате под руководством кабинет-министров А. И. Остермана и А. М. Черкасского. В марте 1735 г. Сенат указал немедленно окончить работы над проектом уложения, для чего следовало сверить его с последующими указами по коллегиям. За многократными запросами в разные учреждения и между ними собственно правовая работа потерялась, и комиссия практически прекратила свою деятельность. После обновления состава комиссии в 1737 г. в ней были разработаны некоторые правовые новшества, в том числе проекты об отмене пытки по малозначительным делам и нового Генерального регламента. Позднее состав комиссии неоднократно менялся, с 1740 г. ею руководил видный деятель правления Елизаветы Петровны Н. Ю. Трубецкой. С конца 1744 г. какие-либо сведения о работе комиссии и о самом ее существовании исчезают.

Новые формы кодификации. Неудача с общей кодификацией права на протяжении четырех десятилетий не означала отсутствия ее частных форм¹¹

В 1715 г. были изданы так называемые **Воинские артикулы** (утверждены 14 декабря 1714 г.)¹² Позднее они вошли в состав Воинского (1716 г.) и, в обработке, Морского (1720 г.) уставов. Это был цельный свод военно-уголовного законодательства, впервые охвативший преимущественно материальное право. Артикулы стали прообразом отдельного уголовного кодекса, являя собой пример наиболее последовательной рецепции в кодификации: основными их источниками послужили шведское военно-уголовное уложение в редакции 1683 г., другие шведские и немецкие правовые акты, но было учтено и русское законодательство. Правда, сфера применения Воинских артикулов была не всеобщей: только для военных судов, а также по делам против дворян и всех имевших государственные чины¹³ По своей структуре (24 главы, 209 статей) этот свод-кодекс перенял преимущественно родовую классификацию правовых норм (по роду деяния) с внутренним соподчинением соответственно важности деяния, следуя общей задаче закона; почти каждый из артикулов описывал собственный вид правонарушения и указывал вид санкции.

Генеральный регламент, или устав, коллегиям (утвержден 18 февраля 1720 г.)¹⁴ представлял собой свод правовых норм, охватывавших практи-

Возможно, общая кодификация была объективно неосуществима в тот период, когда вместе со становлением абсолютизма видоизменялся и сам путь формирования новой правовой системы, когда только начиналось размежевание законодательства по отраслям права и формировались сферы и структуры этих отраслей.

¹² См.: Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1986. С. 314—392. Однако в этом издании, где приведена обширная литература по истории Воинских артикулов, неудовлетворительно освещен вопрос об источниках этого правового памятника.

¹³ Споры о сфере действия Воинских артикулов пронизывают, как правило, из слабого знания судебной практики XVIII в., особенностей роли закона для судьи в ту эпоху, когда законы выписывались лишь «на пример» и еще не сложился принцип строгого следования в приговоре правовой норме. Судья любого суда не был ограничен в том, что из действующих законов брать ему «в пример». Это не учитывается и в новейшем комментарии к изданию Воинских артикулов (см.: Российское законодательство X—XX вв. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1986. С. 314—324).

¹⁴ Генеральный регламент... СПб., 1720 (и др. изд.); ПСЗ. Т. 6, № 3534 С. 141—160.

чески всю область новоформировавшегося административного законодательства. Регламент так же, хотя в меньшей, нежели Воинские артикулы, степени, был итогом рецепции права: в его основе лежал шведский Канцелярский устав 1661 г. (Cantselie Ordningh). Структура регламента (56 глав) также была подчинена позитивному определению объекта регулирования в его существе: от правоположений об обязанностях и о должности коллегий и государственных учреждений вообще, характеристики сферы и форм их деятельности, состава и категорий служащих вплоть до конкретных норм об их административной ответственности. Кодификационно-систематический смысл Регламента проявился и в том, что на его основе и следуя его нормам было составлено несколько регламентов для отдельных коллегий.

Частичная систематизация охватила и частное право. Правительством Екатерины I в развитие указа 1714 г. о так называемом «единонаследии» и ряда последующих актов о порядке наследования по закону были изданы **Пункты о вотчинных делах**¹⁵ (28 мая 1725 г.), которые представляли собой особый устав, посвященный регулированию наследственного права. По форме пункты были обобщением (регламентацией) судебной практики и толкования закона по вариантам правоприменения¹⁶. Эти толкования охватывали практически все стороны наследственного права и выражались во вполне определенных правовых нормах, значительная часть которых не столько развивала, сколько дополняла и изменяла предшествующее законодательство (в частности, практически узаконивая ту деформацию указа «о единонаследии», которой его подвергала практика). Иными словами, пункты были кодификацией даже не законодательства, а действующего права во всем его объеме.

Таким образом, в общей линии кодификации права в России в первой половине XVIII в. достаточно четко выработалась форма свода норм по отдельной отрасли или подотрасли права (соответственно классификации своего времени).

§ 3. Теоретическое и историческое в проблемах кодификации

▷ **Понимание сущности кодификации.** Совершенствование техники права, ее приспособление к потребностям нормативного регулирования правоотношений в обществе составляет важную сторону исторического развития права. Формально-техническое состояние правовой системы, характер источников правовых норм, их кодифицированность (или, напротив, отсутствие таковой) обусловлены общим уровнем правовой культуры общества, но, с другой стороны, могут считаться важной ее характеристикой.

По первоначальному своему историческому определению кодификация (лат. *codificatio* — делаю кодексы, то есть сборники) означала сведение воедино разрозненных правовых норм, безразлично к их источнику: государственный ли закон, судебная практика или обычное право. В таком смысле, на примере истории русского права, и Рус-

¹⁵ ПСЗ. Т. 7. № 4722. С. 474—497+7 л. схем. Изданные Пункты (10 июня 1725 г.) представляли собой небольшую книжку в 38 стр.

¹⁶ Такая форма кодификации в XVIII в. была свойственна не только русскому праву: во Франции, например, она была господствующей.

ская Правда, и судебники XV—XVI вв. были итогами и опытами кодификации права. Возрастание, особенно в период абсолютизма, значения государственного закона как источника правовых норм сделало упорядочение законодательства основным видом кодификации. Со временем кодифицированность стала рассматриваться как необходимая черта права. Так, по определению известного английского правоведа Д. Бен-тама (1748—1832), *вне кодификации нет права и нет закона вообще* (имея в виду главным образом естественно-правовой смысл права и закона).

Господствующее в современной советской правовой литературе понимание кодификации сводит ее исключительно к систематизации законодательства, чем достигается качественная переработка правовых норм с устранением противоречий или пробелов в законе¹⁷. Иногда под кодификацией понимается обобщение и «иных правовых актов»¹⁸. От кодификации принято отличать *инкорпорацию* правовых актов, когда они сводятся воедино без переработки собственно правовой нормы с целью охвата таким сводом всей области или отрасли права, а также *систематизацию* законодательства, когда существующие нормативные акты обрабатываются по единой системе с целью устранения противоречий и разночтений без правовых новаций. Несомненно, что такие и сходные представления о существе кодификации и технических соотношениях ее конкретных форм определены общетеоретическим подходом к праву исключительно как совокупности государственных законов. С другой стороны, кодификация характеризуется и как «вид правотворчества», а ее предметом названы непосредственно юридические нормы, а не нормативные акты¹⁹.

Как видно, общие представления о существе кодификации составляли и составляют проблему. Но любое понимание этого существа во всяком случае должно быть не априорной конструкцией, своего рода апорией, но опираться в том числе на то реальное содержание, какое получала кодификация в истории права²⁰, на то, какую роль она сыграла в правовом развитии общества.

Роль кодификации в истории права. Кодификация — это всегда переработка и обобщение существующих в данной правовой системе и являющих себя в ней в иных формах источников права (все различия в понимании кодификации — это одновременно и различия в теоретических оценках источников права). Очевидно, что обобщение и переработка не могут проходить иначе, как под углом определенных представлений о задачах правового регулирования в обществе и в государстве, о целях кодификации.

¹⁷ Ср.: Пиголкин А. С. Кодификация законодательства // Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 176. (Не вполне ясно, правда, как чистой систематизацией можно устранить пробел в законе)

¹⁸ См.: БСЭ, 3-е изд. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 375.

¹⁹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982. С. 254—255.

²⁰ Существенность общего представления о кодификации не следует, однако, и приуменьшать для историко-правового изучения. В конце концов, что теоретически будут рассматривать как соответствующее этому представлению, то и исторически будут оценивать как ее итог, отбрасывая прочее как не существенное.

«Кодифицировать — значит изменять, — так определяет роль кодификации в правовом развитии современный французский правовед Д. Таллон. Самое меньшее это изменять форму права... А в наиболее развитом смысле кодифицировать это также и всегда видоизменять право в существе»²¹ Представление о кодификации всегда связано с отношением к реформированию права. И это отношение различно в разных системах права: в одних наблюдается чуть ли не мистическое преклонение перед кодификацией как высшей формой законодательства и преимущественным инструментом реформы права, в других кодификация и реформа понимаются только раздельно.

Но и само представление о том, что кодификация может и должна быть проводником реформы права, также исторично: оно сложилось на рубеже XVII XVIII вв. и тесно связано с концепциями естественного права и правовой идеологии Просвещения²²

Историческая роль какой-либо кодификации для развития права всегда конкретна, и вряд ли можно эту проблему решать априорно и в общей форме. Кодификация неразрывно связана с правовой политикой государства, с общеправовым курсом правительства, служит их целям, выполняет не только технически-юридические, но прежде всего политические и идейно-политические задачи, а тем самым и социальную задачу реализую ли реформу или консервируя status quo под видом реформы.

²¹ Tallon Denis. Codification et Reforme du droit//Legal Theory comparative law. Budapest: Akademiai, 1984. S. 399. Д. Таллон отправляется от определения, данного в получившей научную известность книге: Charbonnier M. Essais sur les lois. P. 1979.

²² См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. С. 72—73 и др.

Глава I

УЛОЖЕННАЯ КОМИССИЯ 1754—1766 гг.: ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ «ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА»

§ 1. Создание и деятельность Комиссии

С середины 1750-х годов во внутренней политике российского абсолютизма начали проявляться черты «просвещенного абсолютизма». Правительство Елизаветы Петровны, фактически руководимое видным государственным и военным деятелем того времени графом П. И. Шуваловым (1710—1762) не без участия своего двоюродного брата И. И. Шувалова, имевшего особое влияние на императрицу, развернуло серию мероприятий, направленных на укрепление государственного хозяйства, сословного положения дворянства, на поощрение в духе протекционизма развития торговли и промышленности, на активизацию государственного регулирования во многих областях общественной и культурной жизни²³. Соответственно общему духу времени, когда усовершенствование законов и суда представлялись важнейшими факторами общественных улучшений в целом, и следуя конкретным потребностям государственной политики, одним из насущных стал вопрос о правовой реформе. Главный путь ее реализации, а попутно и решения многих несовершенств государственных законов и правоприменения, правительство усматривало в новой общей кодификации права²⁴.

Несовершенство суда, противоречия в законодательстве²⁵ стали предметом специального рассмотрения в Сенате 11 марта 1754 г. По докладу П. И. Шувалова Сенат записал решение, «вынесенное» императрицей:

²³ См.: Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 42—58 (в статье названы и другие работы автора, посвященные этим аспектам темы); Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII столетия. Борьба за наследие Петра I. М.: Мысль, 1986. С. 43—78; Brennan J. F. Enlightened despotism in Russia: The reign of Elisabeth: 1741—1762. New-York: Lang, 1987.

²⁴ Работа Уложенной комиссии 1754—1766 гг. объемно, но формально и путанно освещена В. Н. Латкиным (см.: Латкин В. Н. Указ. работа. С. 80—184) и более аналитично, хотя только в аспектах сословно-правовой политики, — Н. Л. Рубинштейном (см. Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. Т. 38. М.: АН СССР, 1951. С. 208—251).

²⁵ Этот вопрос прямо поднимал в одной из записок тех лет и И. И. Шувалов: «Неясность или разные законы на один случай останавливают правосудие, открывают путь к обидам и превратным иным судиям к преступлению должности» (см.: Русский архив. 1867. № 1. Стб. 81).

«1) О преимуществе перед прочими делами сочинить ясные законы и в том начало положить;

2) О временах и в них пременениях людей во обычаи и нравах, по которым необходимо и перемена законов быть должна»²⁶

В своем «приговоре» Сенат, принимая во внимание, «что никто один есть таков, дабы всех департаментов гласящих наших указ, так тонок, что все излишки отвратить в состоянии был (разве б быть человеку ангельского понятия)», постановил создать особую комиссию для выработки новых законов. После некоторого перерыва, в июле 1754 г., Сенат активно занялся организацией работы этой комиссии. В ее состав были назначены чины правительственной бюрократии, в основном из числа лиц, не чуждых правовой деятельности: генерал-рекетмейстер И. И. Дивов, вице-президент Юстиц-коллегии Ф. И. Эмме, советники и ассессор коллегий И. И. Юшков, Н. Безобразов, В. Лапунов, «штатный» правовед Академии наук профессор Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, судья Главного магистрата И. Вихляев, обер-секретарь Сената А. И. Глебов; при комиссии сформировалась и своя канцелярия. В составе комиссии высших сановников не было, и все значимые решения обсуждались и утверждались Сенатом.

Правда, под пером язвительного, но пристрастного критика государственного «повреждения нравов в России», дворянского публициста и крупнейшего историка XVIII в. князя М. М. Щербатова и состав комиссии, и ее деятельность получили весьма не лестную характеристику: «Сочинение уложения не лучший успех имело, ибо были к сему толь полезному делу государства определены люди не те, которые глубокою наукою состояние государства и древних прав, сообщенные с наукою логики и моральной философии, а равно и с долговременным исполнением беспорочно своих должностей, могли удостоиться имени законодателей и благожелателей своего отечества. Но Емме, человек ученый, но груб и бесчеловечен с природы; Дивов, глупый, наметливый на законы человек, но мало смыслящий их разум, а к тому же корыстолюбивый. Ешков, добрый и не издонищник и знающий по крайней мере российские законы человек, но ленивой, праздной и не твердой судья. Козлов, умной и знающий законы человек, но током пред тем вышел из-под следствия по издонищствам и воровствам (здесь Щербатов что-то напутал об участии И. Ф. Козлова в Комиссии. — О. О.). Глебов, угодник графу Шувалову, умной по наружности человек, но соединяющий в себе все пороки... Такие люди, таково и сочинение. Наполнили они сочиненное свое уложение множество пристрастными статьями, по которым каждый хотел или свои дела решить, или начавши новые воспользоваться разорением других. Наполнили его неслыханными жестокостями пыток и наказаний...»²⁷

Первый этап работ комиссии (1754—1755 гг.). На первых заседаниях комиссии, которые состоялись 3 и 4 августа 1754 г., был выработан общий план работы. Он содержал, по сути, схему будущего уложения. В течение последующих дней план был представлен в Сенат, где был утвержден без каких-либо исправлений, и на основе таких предварительных решений 24 августа 1754 г. создание комиссии было официально оформлено указом Сената²⁸, который содержал и план-проспект кодификации.

²⁶ Цит. по: Рубинштейн Н. Л. Указ. работа. С. 220.

²⁷ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России (1786)//О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М.: Наука, 1983. С. 110—111.

²⁸ См.: ПСЗ. Т. 14. № 10283. С. 201—209.

По этому указу комиссии предстояло разработать новое уложение из четырех книг, или частей:

«Первая часть. Содержит в себе все то, что надлежит до суда и судебных мест и в каких случаях письменные и словесные суды производить и по них решения чинить.

Вторая часть. Гласит о таких правах, которые подданным в государстве, по разному их состоянию, персонально принадлежат.

Третья часть. Содержит в себе все то, что до движимого и недвижимого имущества и до разделения оного принадлежит и по каким крепостям и случаям оные кому и каким образом крепки быть должны.

Четвертая часть. Показывает, каким порядком и в каких случаях розыск и пытки производить и каким за разные преступления казни, наказании и штрафы положены»²⁹.

Исходное правительственное решение от 11 марта 1754 г. предполагало, что результатом работы по кодификации законов должны стать и широкое обновление права, «перемена законов», и их приспособление к новой правовой политике. План свидетельствовал, что и сами формы кодификации должны были существенно обновиться: только первая и четвертая книги (судоустройство и собственно свод уголовного права) были привычными для истории работ по кодификации права, третья книга лишь отчасти напоминала своим содержанием (имущественные права) одну из частей проекта комиссии 1720—1727 гг., и совершенно новой, направленной на позитивную регламентацию прав сословий, была заявлена вторая книга («О правах состояний»).

Подготовка нового уложения, согласно тому же указу, не должна была ограничиться только работой комиссии. В центральных ведомствах (коллегиях и конторах) предписывалось назначить специальных лиц (27 человек, по числу привлеченных ведомств) для выработки предложений по тем делам, «которые их касаются». Должны были также выработать свои предложения по отдельным вопросам законодательства шесть межведомственных комиссий (о правах однодворцев, государственных крестьян и т. д.). Подать свои пожелания к исправлению указывалось и местной администрации.

До конца 1754 г. комиссия провела еще несколько десятков заседаний, на которых были «прослушаны» Уложение 1649 г., указы и сделаны выписки по избранному плану. Одновременно Сенат рассматривал проекты по отдельным аспектам правовых реформ. На первом этапе работа комиссии сосредоточилась на разработке первой и четвертой из запланированных частей проекта: на «судной» и «криминальной». Эти части представляли, очевидно, наименьшие затруднения: вопросы, в них регулировавшиеся, не требовали увязки с проблемами правовой «большой» политики, а в подавляющем большинстве определялись действовавшими законами. К апрелю 1755 г. эти обе части были подготовлены и представлены в Сенат. После ряда обсуждений в апреле и июле 1755 г., исправлений и согласований с Синодом 25 июля Сенат принял решение о представлении их на утверждение императрице.

Итогом первого этапа работы комиссии стал составленный на высочайшее имя доклад Сената от 15 декабря 1755 г.³⁰. В нем конста-

²⁹ ПСЗ. Т. 14. № 10283. С. 204.

³⁰ См.: ЦГАДА. Ф. 16. Д. 188. Л. 1—Зоб. Подлинник подписан сенаторами А. Бутурлиным, Б. Юсуповым, М. Голицыным, П. Шуваловым и др. В докладе ставились и некоторые другие вопросы, в частности, по реорганизации Берг-коллегии. Был ли он подан императрице, неизвестно.

тировалось завершение работ над «судной и криминальной» частями проекта, предлагалось их «конфирмовать», «в общенародную пользу напечатать и публиковать» и ввести в силу через пять месяцев. Было упомянуто и о том, что третья и четвертая части «сочиняются и за помощью божиею скоро ко окончанию приспеют» и представлены будут особо.

Второй этап работ комиссии (1758—1763 гг.). После подготовки законченных проектов двух книг нового уложения работа комиссии замерла: за 1756—1758 гг. состоялось всего 14 распорядительных заседаний с решением на них текущих и делопроизводственных вопросов. Возможно, это объясняется тем, что внимание правительства было переключено на более острые политические проблемы, в частности, на развертывавшуюся Семилетнюю войну.

В эти годы в комиссию начали поступать «пункты» и другие материалы от центральных ведомств и от местной администрации, в которых содержались пожелания ведомств относительно правовых перемен, ставился ряд вопросов, касающихся правовой политики, и выражались «нужды и недостатки»³¹.

В январе 1758 г. Сенат вынес решение о необходимости скорейшей разработки остальных частей проекта с закреплением за отдельными членами комиссии конкретных заданий. Однако реальной активизации работы не произошло. Это отражено в записке И. И. Шувалова, видимо, представлявшейся императрице, в которой он писал, что «продолжение оного (уложения. — О. О.) совсем отставлено, и члены в разные места отлучаются», и дело «сколь нужное, столь славное» почти отставлено³².

В именном указе от 8 января 1759 г. содержалось предписание о скорейшем окончании работ. За несколько месяцев по первоначальному плану была составлена третья часть проекта «О состоянии подданных вообще», которая была, по сути, сводом сословных прав.

В сентябре 1760 г. состав комиссии существенно изменился, что отразило новую расстановку сил в борьбе правительственных группировок. Руководство было возложено на Р. Л. Воронцова и М. И. Шаховского, на место выбывших членов (А. И. Глебова, И. Вихляева, Ф. Г. Штрубе) были назначены другие, тяготевшие к «воронцовской», а не «шуваловской» партии в правительстве. Новое руководство внесло и новые начала в работу комиссии: 27 марта 1761 г. был издан указ о «неписании» в уложении смертных казней. В результате уже готовая вторая часть проекта «О криминальных делах» была несколько переработана, введены смягчения в санкции по преступлениям, сделаны существенные редакционные поправки. На основании решения комиссии 29 сентября 1761 г. Сенат издал указ о выборе депутатов (по двое от дворянства и по одному от купечества каждой провинции) для согласования проекта уложения с «желанием общества» и для его утверждения: «А как сочинение Уложения для управления всего государства весьма нужно, следственно всего общества и труд в советах быть к тому потребен, и потому всякого сына отечества долг есть советом и делом в том помогать»³³.

³¹ Этот обширный комплекс материалов (по сути, прототип наказов в будущую комиссию 1767 г.) до настоящего времени не изучен.

³² Русский архив. 1867. № 1. Стб. 76.

³³ ПСЗ. Т. 15. № 1335. С. 792—794.

К весне 1762 г. выборы депутатов (с определяющим влиянием местной администрации) частью завершились, и с марта депутаты начали съезжаться в столицу.

Под влиянием Р. Л. Воронцова и М. И. Шаховского, в духе тех идей, которые проводила «воронцовская» партия, особенно в правление Петра III (декабрь 1761 г. — июнь 1762 г.), была существенно переработана третья часть проекта нового уложения: специальные разделы посвящались правам дворянства, расширен спектр дворянских привилегий, пополнены и обновлены разделы о правах других сословий. Однако государственный переворот, в результате которого на российский престол была возведена Екатерина II, сменил и общий курс правительства. Комиссия, вместе с двором и правительством, была переведена в Москву, а в январе 1763 г. депутаты (те, кто был избран и приехал) распущены по домам. В 1763 г. работа комиссии, по видимому, практически прекратилась. Еще около четырех лет она формально существовала, ее канцелярия проводила раз в месяц распорядительные заседания, но собственно законопроектной работы уже не велось. В декабре 1766 г. комиссия была ликвидирована в связи с началом организации новой кодификационной комиссии по замыслу Екатерины II.

Поскольку и в материалах комиссии, и в посвященных ей исследованиях отсутствуют конкретные данные о времени прекращения работ и о судьбе проектов нового уложения, представляет интерес косвенное свидетельство. В октябре 1766 г., отвечая на запрос статс-секретаря С. М. Козмина о судьбе этих проектов, бывший уже к тому времени генерал-прокурором (и членом комиссии) А. И. Глебов писал: «1-е. Подлинные первого комиссиею положения первой и второй части уложенные главы, которые от Сената подносимы были е. и. в. государыне императрице Елизавет Петровне, в прошлом 763-м году, взяты его высокопревосходительством Никитою Ивановичем Паниным; а сверх того, 2-е, по третьей части подписанные прежней комиссией присутствующими семнадцать глав, и, 3-е, второго комиссиею по общему рассуждению с депутатами положения всех вышеписанных трех частей состоящие в 139-и главах всеподданейше от меня е. и. в. в 763-м в Летнем дворце поднесены и все в одной связке по повелению е. в. (Екатерины II. — О. О.) в малинком кабинете на левой стороне у дверей не развязывая положены...»³⁴.

§ 2. Проект нового уложения: основные правовые принципы

За время своего существования комиссия завершила проекты трех из четырех запланированных частей уложения. Над частью четвертой «О имущественных правах» работа велась, но были подготовлены только предварительные материалы. На втором этапе эти проекты были пересмотрены, в результате каждая из трех частей имеет по две редакции; итоговые редакции (так называемые «нынешнего последнего положения») относятся ко времени царствования Петра III. Позднее канцелярия комиссии продолжила работу над проектами, но дополнения и исправления носили редакционный и технический характер (видимо, они были внесены в процессе подготовки к «поднесению» Екатерине II, о котором упомянул в своем письме А. И. Глебов). Изменения частей проекта во второй редакции были неравнозначными: структура третьей части была переработана, она дополнена принципиально новыми главами и в целом обрела иное правовое

³⁴ Письмо А. И. Глебова С. М. Козмину 13 октября 1766 г.//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Ч. 2. Л. 216.

звучание; во второй части были составлены только новые редакции ряда статей, сделаны «выпуски», и хотя ряд вопросов обрел новое правовое решение, переработка существенной не была; наконец, первая часть осталась преимущественно без изменений.

Проект части первой «О суде». Первая книга нового уложения, насчитывавшая по «нынешнему последнему положению» 51 главу в 605 пунктах³⁶, регламентировала принципы судостроительства и общий порядок рассмотрения дел в судах.

Кодификационное построение книги основывалось на традиции русского судебного права, следуя в порядке правоположения драматически-хронологическому ходу процессуального действия: от определения полномочий суда, прав судей, общего порядка в суде до подачи челобития и вызова в суд, рассмотрения дела, вынесения решения, исполнения, порядка обжалования и наказания судей за неправильное рассмотрение дела и, наконец, правил повторного рассмотрения дела.

Согласно проекту, и общая система судебных органов, и принципы ее судебной организации (прежде всего тождество административных и судебных функций правительственных органов) сохранились; законом предполагалось закрепить более четкое определение ведомственности и соответствующего ей рода дел. В гл. 1 «О разных в нашем государстве правительствах и какие до которого правительства дела надлежат» подробно перечислены были все центральные учреждения (от Синода, коллегий, контор и особых канцелярий до Академии наук и Московского университета — всего свыше 50) и типы местных органов (епархиальные, воеводские, провинциальные канцелярии), охарактеризована сфера полномочий каждого учреждения и органа. Роль высших административно-судебных органов отводилась коллегиям Иностранных дел, Военной, Адмиралтейств-коллегии и Сенату, которые «над всеми вышепоказанными судебными местами имеют вышний суд, чего ради все оные правительства должны быть под главным их управлением»³⁶.

В правоположении общей задачи и политической направленности государственного «суда» официальная доктрина декларировала идею об общественном смысле государственной законности: «Для содержания порядка в государстве и разных потреб до благосостояния общества надлежащих, такожде для защищения обидимых и искоренения всяких пороков, учреждены разные вышние и нижние правительства, из которых каждое должно поверенное себе дело по сему уложению и по особливо данным уставам и регламентам отправлять честно и неленостно»³⁷.

Одновременно путь укрепления законности в сфере правоприменения, согласно проекту, усматривался в усилении единства и всесторонней конкретности нормоустанавливающей регламентации (в этом проявились и особенности правовой политики раннего «просвещенного абсолютизма», с превалированием в нем идеи «государственной пользы»).

³⁶ См.: ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 61. Ч. 1. Л. 3—395. Оглавление этой части опубликовано В. Н. Латкиным (см.: Латкин В. Н. Указ. работа. С. 140—143). Существует, правда, не вполне ясная по происхождению редакция первой книги из 52-х глав (добавлена еще одна) в делах статс-секретаря Г. В. Козицкого, принимавшего участие в литературном редактировании книги (см.: ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Ч. 4. Л. 1—395).

³⁶ ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 61. Ч. 1. Л. 25 об.

³⁷ Там же. Л. 5.

Соблюдение законности должны были обеспечить как более четкое нормирование полномочий судов и прав судей, апелляционного порядка, процессуальных действий сторон (подачи иска, вызова в суд, назначения поверенного, «стряпчего», отвода судей, дачи ответов и объяснений), так и узаконение детальной процедуры судебного рассмотрения дел: разбора и оценки доказательств, порядка вынесения и составления содержания приговора, исполнения приговора и т. д. Второе, что должно было обеспечить повышение уровня судебного права, — это личностные требования к судейскому аппарату в духе абсолютистской законности (указов «Зеркала правосудия» Петра I): «Судьям надлежит быть честными, совестными и беспорочного жития людям и потребное к отправлению судейской должности искусство иметь, понеже наиполезнейшие законы без действия останутся, когда ко отправлению правосудия такие определятся, которые или не знают, или не храня оных, ими как в карты, прибирая масть к масти, играют, и государственные права по беззаконным своим прихотям и по страстям несправедливо толкуют»³⁸. Те проблемы судебной организации и судебного права, которые стояли перед правовой политикой абсолютизма к середине XVIII в., проект предполагал разрешить только усилением регламентации и правительственного контроля, не меняя принципов судебного права. При рассмотрении дела, разборе и оценке доказательств сохранялся порядок «формы суда» (по указу 1723 г.), но с подробной конкретизацией и с предусмотрением вариантов возможных осложнений. Круг допускавшихся доказательств определялся не только в соответствии с законодательной традицией, но и с учетом судебной практики: собственное признание, письменное свидетельство, свидетели и повальный обыск, вольная или невольная присяга (ст. 1 гл. 24). При этом, согласно традиции розыскного процесса, «собственное признание есть лучше всех свидетельств»³⁹. Такой приоритет собственного признания распространялся, однако, только на неуголовные дела; процесс по «криминальным делам» был отличен и рассматривался во второй книге проекта.

Кроме письменного суда «по форме» (административно-бюрократического по своим истокам и введенного в 1723 г. без должного соображения с действительностью), в проекте, уступая реальности, узаконивалось судебное разбирательство с упрощенной процедурой и для крестьян (гл. 47), поскольку для городского, купеческо-ремесленного населения словесный суд был допущен в 1754 г. Это было одно из немногих реформационных правоположений проекта. Допускались также мировые соглашения между сторонами и третейский суд. Важным новшеством было установление единых норм определения судебных пошлин, издержек, а также порядка исполнения решения (ранее это не было урегулировано законом). Проект предусматривал положить конец такому серьезному недостатку судебной практики, как возможность переносить начатое дело в другой суд, перерешать дело в другом, «удобном» суде до исполнения решения, запрещая по данному иску и выданному решению чинить вновь суд. Заново разбирать дело можно было лишь по новым открывшимся обстоятельствам.

В целом проект предусматривал меры, направленные на совершенствование и развитие начал судебного права, только через централизацию и унификацию регулирования правоприменения и ограничение общими посылками возможности судебного произвола.

³⁸ ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 61. Ч. 1. Л. 43.

³⁹ Там же. Д. 61. Ч. 1. Л. 255.

Проект части второй «О розыскных делах». Второй книгой нового уложения должен был стать свод уголовного и уголовно-процессуального права под общим названием «О розыскных делах и какие за разные злодеяния и преступления казни, наказания и штрафы положены»⁴⁰. В том же, «нынешнем последнем положении», она включала 63 главы из 628 пунктов. Первые 15 глав были посвящены порядку судебного следствия по уголовным делам, остальные фиксировали собственно материальное право.

Общие нормы и порядок судопроизводства и вынесения судебного решения разработаны в первой части. С учетом этого во второй книге уделялось внимание тем особенностям рассмотрения дел, которые были обусловлены разбором именно «криминальных» деяний, прежде всего порядку возбуждения дела, розыску преступников и судебному следствию по таким делам. Основное внимание сосредоточивалось на методах «пристрастного распроса» и следственной пытки. Эти методы, в условиях зачаточного развития криминалистических приемов, очень небольших возможностей сбора доказательств и условного профессионализма судебно-следственного аппарата, исторически играли основную роль в уголовном расследовании. Однако огромный простор следственному и судебному произволу, открывавшийся этими методами, вызывал нараставшее недовольство, в том числе и господствующих сословий. Проект уложения сохранял основные начала следственного процесса с применением пытки; пристрастный допрос или пытка также были включены в число доказательств по уголовным делам (ст. 1 гл. 6)⁴¹. Однако судебный опыт позволял уже ставить под сомнение безусловную истинность собственных признаний, тем более полученных в «особых» условиях: «Собственное признание лучшее всего света свидетельство, но на одном таковом признании утвердиться не можно» (ст. 2 гл. 6). Следственная пытка поэтому была определена как «чрезвычайное средство к сысканию истины», ее предписывалось «без нужды не употреблять» (ст. 1 гл. 7), она должна была применяться только в случае наиболее тяжких обвинений, когда наказанием могли следовать смертная казнь, пожизненная каторга или ссылка (ст. 2 гл. 7). Комиссия стремилась регламентировать (и тем ограничить) произвольное применение пытки. Подробно, в особой главе, строго формально определялись условия (подозрения) для допущения пытки (гл. 8 в 32 пунктах), устанавливались упрощенные и единственно узаконенные три формы пытки с запрещением иных «изобретений» (гл. 9 в 17 пунктах), возрастные и некоторые иные объективные ограничения ее применения.

Общих уголовно-правовых понятий проект не содержал. В гл. 15—63 рассматривались конкретные группы и виды преступлений. Их классификация и оценка отражали, в основном, действующее право. Однако репрессивное, устрашающее начало уголовной политики (с другой стороны, все более регламентируемой абсолютистской законностью) должно было увеличить свой вес в праве. По большинству видов и групп преступлений предполагалось применение смертной казни или как единственной, или как максимальной санкции. Конкретным видом смертной казни устанавливалось отсечение головы, но за особо

⁴⁰ Проект в сопоставлении текстов двух редакций опубликован. См.: Проекты Уголовного уложения 1754—1766 годов. «Новоуложенной книги часть вторая...»/ Под ред. А. А. Востокова. СПб., 1882. Далее сокращенно — Проекты уголовного уложения.

⁴¹ Составители, конечно, допустили нарушение классификационного ряда — следовало обозначить: собственное признание или иное показание, полученное под пыткой (в том понимании это усиливало к ним доверие).

тяжкие деяния предусматривались особые формы казни (сожжение, колесование, четвертование). Они назначались за преступления против веры и церкви (богохульство, мятеж или преступление в церкви), против власти и личности государя или против государства (бунт и измена, брань по адресу монарха и т. д.), а также за убийство с отягчающими признаками (убийство родителей, супруга, с помощью яда) и за поджоги. Простая смертная казнь полагалась за умышленное и «без нужды» убийство, за грабежи и разбой, за кражу, воровство (если сумма украденного превышала 40 руб., или за кражу из церкви или дворца), за фальшивомонетничество или контрабанду, за так называемые колдовство, чародейство, налеты на дома или имения и за некоторые другие преступления. Проект конкретизировал введенное при Петре I понятие политической смерти как наказания: «Политическая, т. е. гражданская смерть состоит в том, когда кто в отдаленные места с наказанием или без... с лишением всех чинов и имения сослан... или ошельмован, ибо все оные люди от всякого гражданского общества вовсе выключены и для того в рассуждении прочих в гражданском обществе, за мертвых почитаются» (ст. 5 гл. 13)⁴². Гражданская смерть применялась или как дополнительное, или как основное наказание (за лжесвидетельство, писание пасквилей, ябедничество, то есть за все, в чем могло быть усмотрено преступление против «чести» и злоупотребление обычным в обществе доверием). За другие преступления предусматривались каторга (от вечной до срочной), ссылка, заключение в тюрьме или в монастыре (от двух недель до пяти лет — о больших конкретных сроках не упомянуто), телесные наказания (кнут, плети), лишение чина (за преступления против порядка управления) и штрафы; штрафы назначались, в сущности, за криминализованные проектом деликты (порча межи, причинение ущерба и т. п.), за административные проступки и нарушения «благочиния».

Как видно, проект отказался от членовредительских наказаний, и основной целью наказания было уже не возмездие, а чистое устрашение и пресечение возможности повторного преступления, а также отчуждение преступника. Сохранялось, правда, рвание ноздрей у приговоренных к каторге, но это рассматривалось как розыскное мероприятие, а не казнь.

В проекте не были описаны составы воинских преступлений. Вероятно, предполагалось, что Воинские артикулы сохранят свою силу.

Согласно проекту, по некоторым видам преступлений предполагалась альтернативность санкций. Критерием здесь полагались либо тяжесть причиненного вреда (как в случае с воровством), либо, и это было основным, наличие умысла. Отсутствие умысла (конкретно установленное по четко обозначенным признакам) смягчало наказание, а случайное, без вины, преступление не наказывалось вовсе. Освобождало от наказания и наличие обстоятельств необходимой обороны. Вниманию к умыслу в преступном деянии, придание ему самостоятельного значения обусловило в том числе и равное наказание, устанавливаемое и для преступников и для соучастников, а также недоносителей. Причем в ряде случаев подговор или соучастие могли караться строже самого деяния (например, при убийстве с особыми признаками).

⁴² Проекты уголовного уложения ... С. 55.

Оценка преступления зависела и от сословной принадлежности преступника, и наказание носило сословный характер. Так, убийство крестьянином своего помещика или покушение на него либо подговор влекло смертную казнь (ст.ст. 6—7 гл. 25), убийство же дворянином крестьянина каралось штрафом (ст. 19 гл. 25). Телесным наказаниям подвергались преступники низших сословий. Выезд без паспорта за границу мог повлечь для дворян лишение чина, для прочих — наказание кнутом; для крестьян это же деяние составляло особый состав — «побег» и каралось смертной казнью (ст. 4 гл. 62).

В отличие от прежнего законодательства такой очевидный сословно-привилегированный характер репрессии был конкретным выражением в сфере уголовного закона общих социально-правовых установок проекта уложения, в особенности представленных в третьей его книге.

Проект части третьей «О состоянии подданных вообще». Эта книга нового уложения была принципиально новой и по характеру содержания, и по кодификационному построению⁴³.

Кодификационная схема была сориентирована на последовательное развертывание правовой квалификации субъектов правоотношений российского общества: положение в государстве, перед лицом веры, в семье, в «гражданском обществе»; этим определялось соподчинение глав и общая законодательная идея. Третья часть проекта выбрала в себя основные правовоположения о правах и привилегиях сословий, хотя эти частные права получали (как то было привычно для политической идеи русского законодательства со времени Уложения 1649 г.) публично-правовую трактовку.

Необходимость сословно-правовых общественных различий обосновывалась не только государственной целесообразностью, но и — что было в духе времени и официальной публично-правовой доктрины — естественно-историческими обстоятельствами: «Все подданные в государстве не могут быть одного состояния. Природа, заслуги, науки, промыслы и художества разделяют их на разные в государстве чины, из которых каждый чин имеет особливые своему званию приличное преимущество и право, от которых благополучие их единственно зависят» (ст. 1 гл. 1). Правовые различия могли предопределяться и другими условиями: «Оные ж в государстве чины разнятся промежду собою содержанием веры, рождением, разного достоинства и звания» (ст. 2 гл. 1)⁴⁴.

На полноту прав влияло исповедование признанной господствующей в России православной веры греческого закона. Свобода других вероисповеданий признавалась, но запрещалась «пропаганда» других вер и незаконное их распространение. Помимо различных административно-правовых следствий, православные подданные имели очевидные привилегии в брачном праве⁴⁵.

⁴³ См.: Проект нового уложения, составленный Законодательной комиссией 1754—1766 гг. Часть III. «О состоянии подданных вообще»//Под ред. В. Н. Латкина. СПб., 1883. Далее сокращенно — Проект нового уложения.

⁴⁴ Проект нового уложения... С. 1.

⁴⁵ Подробнее см.: Омельченко О. А. Церковь в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России//Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России. М.: ВЮЗИ, 1988. С. 32—37.

Полнота прав характеризовалась и через семейный статус. Родители (соответственно традиции русского права особых различий между правами мужа и жены здесь не было) пользовались практически полной властью над детьми. Дети обязывались почитать родителей, за «ослушание» могли быть наказаны родителями без суда (ст. 14 гл. 4); детям было запрещено подавать какие-либо жалобы, требования или судебные иски в отношении родителей (ст. 15 гл. 4). Это находило отражение и в нормах уголовного права: убийство родителями своих детей каралось покаянием и заключением в монастыре на относительно небольшой срок. Закон возлагал на родителей обязанность обучать детей (ст.ст. 2, 10 гл. 4), причем проект распространял эту обязанность, ранее возложенную только на дворян, и на купечество. До 16 лет дети числились в недорослях, после чего обязаны были начать службу (ст.ст. 3—9 гл. 4). Содержал проект и довольно объемные разделы по регулированию опеки над малолетними и над умалишенными (гл. 5—15); определение опеки и надзор за ее исполнением был предписан местной администрации (ст. 4 гл. 6).

Основные различия в правах определялись сословным положением. Первое место в общественной структуре отводилось дворянству: «Во всех благоустроенных государствах премудрые правители на разные чины разделили свой народ, не без причины первое место благородному дворянству определили, присовокупив к сей части и особливые некоторые преимущества» (ст. 1 гл. 22)⁴⁶. Дворяне обладали личными правами на титул, герб и т. д. (ст.ст. 13, 14 гл. 22), их предписывалось не арестовывать без поличного и суда, не винить без суда, освободить от телесных наказаний (ст. 15 гл. 22). Также характеризовалась особыми привилегиями сфера имущественных прав дворян: только дворяне могли владеть деревнями и крестьянскими душами (ст. 16 гл. 22), заводить в вотчинах заводы и фабрики (ст.ст. 17, 18 гл. 22), им принадлежало монопольное право на винокурение. Как «недостойное» занятие дворянству была запрещена розничная торговля, но оптовая разрешалась (ст. 21 гл. 22). Объем собственнических прав дворян определялся по принципу: разрешено делать в имении все, что не противно закону и не мешает соседу (ст. 17 гл. 22). Полную свободу дворянство получало в наследственном праве (ст. 23 гл. 22). К числу политических прав относились привилегии на государственную службу и на ее оставление (ст.ст. 8—11 гл. 22), право на проведение земских съездов или собраний. Полнотой перечисленных прав должны были обладать только потомственные дворяне; действие Табели о рангах предполагалось ограничить, значительно повысив служилый ценз для производства в дворянское достоинство на военной службе и запретив таковое вообще на гражданской (ст. 5 гл. 22).

Права крестьянского владельческого населения специально не определялись. Статус крестьян вытекал из дворянских привилегий: «Дворянство имеет над людьми и крестьяны своими и над именем их полную власть без изъятия, кроме отнятия живота, наказания кнутом и произведения над оными пыток» (ст. 1 гл. 19)⁴⁷.

⁴⁶ Проект нового уложения... С. 175.

⁴⁷ Там же. С. 119.

« Что касается городского населения, то конкретные права устанавливались только для купечества (гл. 23). Их исключительным правом признавались торговля, промыслы, держание лавок. Купечеству разрешалось иметь в городе дом, содержать заводы и мануфактуры на вольном, не крестьянском труде, однако ограничивалось реальное право купцов тем, что они могли владеть землей только под один завод. Купцы пользовались и некоторыми личными привилегиями: освобождались от собственности подати, уплачивая ее под видом иных налогов, имели право судиться в особом купеческом суде.

Некоторые дополнительные особые права полагались для населения Малороссии, находившейся под особым управлением, для посадского населения городов. Привилегиями, хотя и ограничиваемыми, обладало духовенство: проект предполагал запретить ему распоряжаться принадлежащими церкви крестьянами.

Общий характер правовой системы, представленной в проекте, был, как видно, не только феодально-сословным и крепостническим. Совершенно особое правовое положение должно было получить дворянство. Подавая в комиссию свое прошение, купеческие депутаты не преминули отметить, что «в новосоздаваемом проекте нового уложения дворянство почти совсем выключено из общего для всех закону»⁴⁸. Эта черта проекта была, возможно, даже не столько реализацией действующего права, сколько основным принципом сословно-правовой программы формирующегося «просвещенного абсолютизма», направленной на укрепление основ феодально-сословного строя и привилегированного положения дворянства как главной общественной силы.

§ 3. Манифест о «вольности дворянской» 1762 г.

С проектом третьей части нового уложения был непосредственно связан один из самых заметных правовых актов начала 1760-х годов — манифест о «вольности дворянской» 1762 г. Манифест и проект объединяют не только единство линии правовой политики, но и история их создания.

Издание манифеста. Как уже отмечалось, с привлечением к руководству работой комиссии Р. Л. Воронцова и М. И. Шаховского на первом плане в правовой программе ее деятельности стояло отстаивание возможно более полного и прямого закрепления привилегий российского дворянства. В этом отразились проблемы общей социально-политической борьбы и идейного противоборства в правительственных кругах. Существенная переработка под этим углом зрения третьей части проекта обусловила то, что «в общей перестройке II редакции центральное место в составе занимает появившаяся новая глава 22 — «О дворянах и их преимуществах»⁴⁹, которая первоначально отсутствовала. Содержание этой главы отразило основные из требований программы дворянских реформ и вместе с тем основные проблемы внутриполитических взаимоотношений между абсолютизмом и дворянством в борьбе дворянства за свои сословные права⁵⁰.

⁴⁸ Цит. по: Рубинштейн Н. Л. Указ. работа. С. 249.

⁴⁹ Рубинштейн Н. Л. Указ. работа. С. 237.

⁵⁰ См., например: Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870; Яблочков М. А. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 329—580; Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855. СПб., 1906; Фирсов Н. Н. Петр и Екатерина II // Исторические этюды и характеристики. Т. II. Казань, 1922. С. 50—52; Троицкий С. М. Комиссия о вольности дворянства 1763 г. // Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1982. С. 140—191.

Одной из важных в числе этих проблем было закрепление «вольного» характера государственной службы — обязанности дворянства и связанных с этим привилегий. Она получала новое правовое решение в пп. 7—12 гл. 22: служба монарху и государству рассматривалась как почетный долг благородного дворянства, гарантировала некоторые привилегии, но не считалась уже правовой обязанностью сословия. Реальной гарантией «вольного» характера дворянской службы устанавливалось право дворянства на отъезд из России и на поступление на службу к другому государю. В правление Петра III, когда политическую линию правительства определяли Воронцовы, в силу целого ряда случайных обстоятельств этот раздел проекта нового уложения обрел вид отдельного законодательного акта, изданного 18 февраля 1762 г. под общим наименованием «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству»⁵¹.

Соотношение проекта нового уложения и манифеста было замечено еще дореволюционными исследователями, но оценивалось по-разному. Так, Г. В. Вернадский полагал, что нормы уже изданного манифеста были включены в проект, приписав авторство манифеста А. И. Глебову. По мнению Н. Л. Рубинштейна, проект был конкретной посылкой к изданию манифеста и раздел проекта стал его текстом; он связывал издание манифеста и его соотношение с проектом уложения с правовой программой Воронцовых⁵². Окончательно этот вопрос вряд ли может быть разрешен: материалы Кабинета Петра III и сведения о составлении акта, какие-либо предварительные бумаги не сохранились.

Современники рассматривали манифест и его издание как нечто случайное, хотя 17 января 1762 г. в своей речи перед Сенатом Петр III выразил пожелание об изменении принципов дворянской службы по образцу Лифляндии.

Князь М. М. Щербатов связал издание манифеста, по рассказу обер-секретаря Сената Д. В. Волкова, с минутным пожеланием Петра III сочинить что-нибудь «государственное», дабы оправдаться в своем ночном отсутствии перед любовницей, что, мол, занят был государством. Для чего Д. В. Волков был заперт до утра. «Но как он был человек догадливой, то вспомнил нередкие вытвержении государю от графа Р. Л. Воронцова о вольности дворянства, сел, написал манифест о сем. Поутру его из заключения выпустили и манифест был государем опробован и обнародован»⁵³.

Содержание и принципы манифеста. В объемном историко-политическом введении к манифесту, составленному по канонам официальной идеологии, дворянство представлялось «яко главный в государстве член». Обязанность всего дворянства к государственной службе возведена была к преобразованиям Петра I и к исполнению «государственной пользы»: «От того последовали «неисчетные пользы» и вкоренилась в сердца истинных сынов отечества верность и любовь к престолу, поэтому более нет той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени была»⁵⁴.

Согласно манифесту, дворяне имели право прекратить свою службу в любое время (кроме военного времени для военных), а тем самым получали и право вовсе не поступать на службу (п. 1). Те, кто про-

⁵¹ ПСЗ. Т. 15. № 11444. С. 912—914.

⁵² См.: Вернадский Г. В. Манифест Петра III о вольности дворянской и Законодательная комиссия 1754—1766 гг. // Историческое обозрение. Т. 20. СПб., 1915. С. 51—59; Рубинштейн Н. Л. Указ. работа.

⁵³ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова... С. 117—118.

⁵⁴ ПСЗ. Т. 15. № 11444. С. 912.

должал службу, пользовались некоторыми административными преимуществами перед выходившими в отставку, наиболее существенным из которых было чинопроизводство (пп. 2—3). Дворяне имели не ограничиваемое властью право выезжать из России с обязанностью вернуться по особому «генеральному позыву» и только от имени верховной власти (п. 4), право поступить на иностранную службу (п. 5). Разрешено было обучение дома (п. 7). Вместе с тем манифест установил важное социально-правовое новшество: все предусмотренные в нем привилегии не распространялись на прежде относимых к служилому дворянству однодворцев (свободных владельцев одного-двух крестьянских дворов), чем социально сужался круг дворянства (п. 7). Особенно важным с политической точки зрения было то, что принципам манифеста придавалась сила «фундаментальных законов»: сохранение «сего установления» провозглашалось условием для поддержки дворянством престола, то есть в публично-правовой доктрине оформлялся как бы правовой «договор» между властью и дворянством, хотя, по сути, октроированный.

Издание манифеста с большим воодушевлением восприняло дворянство, несмотря на общественный скепсис по отношению к личности Петра III. Этот акт, с одной стороны, продемонстрировал реальное воздействие кодификационных работ на законодательство, с другой — обозначил реальный социальный облик правовой реформы в программе «просвещенного абсолютизма».

§ 4. Формирование новых правовых начал в проектах комиссии

Конкретно-правовое содержание проекта комиссии, как видно, было наиболее тесно связано, во-первых, с состоянием действовавшего русского права и проблемами совершенствования правоприменения, во-вторых, с конкретными политическими и социальными программами определенных кругов в правительстве. Вместе с тем в проекте отразились новые начала, составившие позднее принципы и правовую схему «просвещенного абсолютизма».

Публично-правовой смысл проекта подчеркивает записка И. И. Шувалова об учреждении в России некоторых «фундаментальных законов»⁵⁵. Предпосылкой к этому правовому установлению декларировалось собственное желание императрицы, «чтоб при исправлении законов постановить некоторые фундаментальные, которые самая польза, благополучие В. И. В. подданных неперменными делают»⁵⁶. К числу таких законов были отнесены 16 правоположений всеобщего характера, фиксировавших положение монархической власти в России (п. 1), официальный характер православной церкви и, соответственно, признание православия главным элементом политической идеологии государства (ст.ст. 2—3), структуру и состав Синода, Сената, высшего руководства армии и правительственной администрации (пп. 4—8), а также важнейшие из привилегий дворянства: отмена конфискаций родовых имений (п. 13), освобождение от политической казни (п. 14) и ограничение службы (п. 15). По содержанию эти правоположения были программными, ориентированными на определенную линию в идеологии дворянства. Но важно, что представлены они были как нормы всеобщеправового, фундаментального характера (в отображение концепций естественного права), которые признает сама самодержавная

⁵⁵ См.: Русский архив. 1867. № 1. Стб. 82—85.

⁵⁶ Там же. Стб. 82.

власть в качестве вышестоящего закона. Иными словами, начала формироваться идея-принцип «правового абсолютизма», которая станет кардинальной для «просвещенного абсолютизма».

Эта идея нашла выражение и в проекте нового уложения. Воплощением идеи «фундаментальных законов» было правоположение сословной структуры общества и привилегированности дворянства в качестве неизменных характеристик «гражданского порядка» в России. Утверждение «свободы» дворянства и было, согласно проекту, тем узаконением, которое власть принимала «на вечные времена как основательное и неперменное правило, которое навсегда свято и ненарушимо содержаться в постоянной силе и преимуществах»⁸⁷.

В идейном отношении проект нового уложения вполне вписывался в систему постулатов официальной публично-правовой доктрины. Источником и условием права и справедливости были провозглашены «закон божий» и «государственная польза» («как закон божий, так и естественное право и общая государственная польза того требует»⁸⁸).

Наряду с тем появились отсылки и к естественному закону. Но доминировала все же идея «государственной пользы» и подчинения ей политико-правовой линии законодательной программы. В этом отразились и особенности концепции раннего «просвещенного абсолютизма».

Требование укрепления абсолютистской законности подводило в конкретных предложениях проекта к новой, по сути, высшей возможной степени сопряжения этой законности с концепцией лично-сословных прав подданного, прежде всего в части судопроизводства: запрет на признание кого-либо виновным без суда, установление исчерпывающего перечня составов по уголовным деяниям, отсутствие неопределенных санкций.

Основной гарантией законности было признание особы сословных прав и сословного статуса. Косвенно это выразило формирование правовой идеи о субъективном праве, присущем любому члену сословия. Однако правоположение прав низших сословий реализовывалось только пассивно — в этом также проявились особенности этапа раннего «просвещенного абсолютизма».

⁸⁷ Проект нового уложения... С. 181.

⁸⁸ Проект уголовного уложения... С. 33.

Глава 2

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА «ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА»: СОЗЫВ КОМИССИИ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ (1767 г.)

§ 1. Екатерина II и развитие идей правовой реформы

В первые годы правления Екатерины II политические, правовые и идейные принципы «просвещенного абсолютизма» утвердились в теории и практике российской монархии и стали определять общую линию правовой политики государства. Продолжая оставаться насущной потребностью укрепления абсолютистской законности, диктуемая острыми проблемами внутриполитического и социального свойства, правовая реформа получила новое решение. Представление в правительственной политике о характере реформы разросло до идеи всеобщего законодательного регулирования государственной организации и общественных связей. Вместо систематизации и обновления правовых норм смыслом правовой реформы провозглашено было установление «законной монархии», что, собственно, и стало одной из основных черт классического «просвещенного абсолютизма».

Эта идея оформилась уже в манифестах о восшествии на престол Екатерины II. Верховная власть «наиторжественнейше обещала... узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению

доброе во всем порядке, и тем... предохранить целость империи и нашей самодержавной власти»⁵⁹. Положение о «силе и принадлежащих границах» государственных органов, о необходимых «пределах и законах» для власти каждого из «правительств» будет повторяться и развиваться и в последующем⁶⁰.

Конкретными вопросами внутренней политики в 1762—1766 гг., составившими в длительном царствовании Екатерины II особый этап, занимался ряд правительственных комиссий: Комиссия о вольности дворянской 1763 г., которая на время стала даже своего рода советом при императрице, Комиссия о коммерции (1762—1764 гг.), Комиссия о церковных имениях (с 1762 г.). В их деятельности и подготавливаемых правовых проектах также проявилась тенденция разрабатывать те или иные политические или социально-правовые вопросы на уровне «фундаментальных» основ государственного строя. Главным в законодательной идее стало стремление «отделить права вечные от прав ныне настоящих», как несколько позднее характеризовала правительственную программу сама императрица⁶¹.

Оформление в правительственном курсе более широкого замысла правовой реформы преимущественно было обязано политико-правовым воззрениям Екатерины II, которая стала одним из виднейших идеологов и практиков «просвещенного абсолютизма» и главным его творцом в России.

Государство, право, общество в ранних политических заметках Екатерины II. Контуры замысла, в котором запечатлелись и вполне реальная линия политических интересов русской монархии, и особенности мысли Екатерины II, и прагматизм отдельных ее рассуждений, очерчиваются в политических выписках и заметках, которые делались ею «для себя» в бытность еще великой княгиней (1758—1761 гг.)⁶².

Центральная идея, интересующая здесь Екатерину II, — это наилучшее государственное устройство. В отношении формы устройства допускалась возможной только монархия. Соотношение прав монарха с интересами подданных решалось на сугубо этико-политической основе «добрых помыслов» монарха, которые бы установили «законное» правление, направленное к общей цели; этим гарантировалось бы необходимое «доверие народа»: «Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты — вот начало, от которого я отправляюсь»; «Хочу повиновения законам, но не рабов; хочу общей цели — сделать счастливыми»; «...Власть без доверия народа ничего не значит»⁶³. Конкретные вопросы внутренней политики теоретически решались исключительно усовершенствованием законодательства. Хотя Екатерина II и отмечала, что «вещь, более всего подверженная неудобствам, это составить какой-

⁵⁹ «Обстоятельный манифест» от 6 июля 1762 г.//Указы имп. Екатерины Алексеевны... по 1 января 1763 г. СПб., 1764. С. 22—23; см. также: Сенатский архив. Т. XI. СПб., 1904. С. 202.

⁶⁰ См., например: Манифест от 15 декабря 1763 г.//ПСЗ. Т. 16. № 11989. С. 462—463.

⁶¹ См.: Екатерина II. «Секретнейшее наставление» А. А. Вяземскому//РГО. Т. 7. СПб., 1871. С. 348.

⁶² См.: Сочинения имп. Екатерины II. Т. XII. Ч. 2. СПб., 1907. С. 613—627; ранее опубликовано с русским переводом. См.: РГО. Т. 7. СПб., 1871. С. 82—101.

⁶³ РГО. Т. 7. СПб., 1871. С. 83, 84, 85.

либо новый закон; сюда не умеют привнести довольно обдуманности и предусмотрения» и что могут быть законы временные, на случай, и что это заранее следует осознать, соразмеряя их значимость с временем действия⁶⁴.

Среди вопросов внутренней политики и правового регулирования едва ли не первое место в заметках было уделено положению дворянства, дворянской службе, воспитанию дворянских детей, праву дворян на выезд за границу, на свободу в наследовании имений. В заметках освещены аспекты судебной политики и практики судопроизводства (Екатерина II например, осудила практику чрезвычайных судов), а также отразились ее взгляды относительно некоторых экономических новшеств, крепостной зависимости, смертности среди крестьян и др., требующих общегосударственных усовершенствований.

«Наставление» генерал-прокурору и принципы реформы (1764 г.). Уже будучи императрицей, Екатерина II пыталась перенести плоды своих литературных размышлений в реальную государственную политику. В январе 1764 г., назначая на пост генерал-прокурора вместо А. И. Глебова, старого приверженца партии Шуваловых, князя А. А. Вяземского (он будет фактически главой государственного аппарата на протяжении почти всего царствования императрицы и одним из ее самых доверенных лиц), она составила для него так называемое «Секретнейшее наставление». Это была своего рода программа тех практических мер (на основе реалистичнейшего анализа государственных дел!), которые надлежало проводить генерал-прокурору, имея в виду в том числе и новые задачи.

«Наставление» характеризовало монархическое правление в России как непреложное условие политической действительности, как «основной» закон страны, и этому следовало подчинять все прочие политические решения и задачи: «Российская империя есть столь обширна, что кроме самодержавного государя всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочие медлительнее в исполнениях и многие множество страстей разных в себе имеют, которые все к раздроблению власти и силы влекут, нежели одного государя, имеющего все способы к пресечению всякого вреда и почитая общее добро своим собственным»⁶⁵.

В качестве важной государственной задачи укрепления государственной организации Екатерина II отмечала и необходимость реорганизации законодательства: «Законы наши требуют поправления. Первое, чтоб все ввести в одну систему, которой и держаться; другое, чтоб отрешить те, которые оной прекословят; третье, чтоб разделить временные и на персон данные от вечных и непременных...»⁶⁶.

Как видно, общая задача и цель обновления законодательства были поставлены Екатериной II принципиально иначе, чем ранее. Смыслом правовой реформы провозглашалось не только и не столько разрешение конкретных правовых или внутриполитических проблем (а они заявляли о себе все настоятельнее: например, проблема статуса прибалтийских губерний и особых прав дворянства, с которой Екатерина II прямо соприкоснулась в ходе поездки в Ригу в 1764 г., или крестьянский вопрос), но противоположение на новых началах целостной системы «вечных и непременных» законов.

⁶⁴ См.: РИО. Т. 7. СПб., 1871. С. 87—88.

⁶⁵ Там же. С. 347.

⁶⁶ Там же. С. 348.

Вопросы и идеи, затронутые в «Наставлении», вплотную подводят к зарождению у Екатерины II замысла создания новой кодификационной комиссии (этот замысел, по косвенным данным, относится именно к 1764 г.). Однако каких-либо конкретных сведений или предварительных проектов, которые бы можно было считать прямой предпосылкой будущей Комиссии уложения, пока не обнаружено. Несомненно, что в главном и идея создания новой комиссии, и ее разработка принадлежали самой императрице. Формально она могла опираться на номинально еще существовавшую елизаветинскую комиссию, проекты которой с 1763 г. «неразвязаны» лежали у нее в «малинком кабинете». В письмах к своим французским корреспондентам весной и летом 1765 г. Екатерина II неоднократно упоминала о своей работе над законодательством, имея в виду то, что станет будущим «Наказом». Но замысел созыва комиссии прямо еще не был выражен.

В позднейшей автобиографической заметке (относящейся, по-видимому, к 1790-м годам) Екатерина II увязала возникновение замысла создать кодификационную комиссию с осознанием потребностей государственного регулирования (хотя именно в части объяснений и политических прочтений, сравнительно с фактической стороной дела, ее автобиографические записи и заметки требуют максимальной осторожности): «В первые три года царствования моего, усматривая из прошений, мне подаваемых, из сенатских и разных коллегий дел, из сенаторских рассуждений и прочих многих людей разговоров, неединообразные ни об одной вещи установленные правила, законы же по временам сделанные, соответствующие сему умов расположению, многим казались законами противуречащими, и требовали, и желали, дабы законодательство было приведено в лучший порядок. Из сего, у себя на уме, я вывела заключение, что образ мыслей вообще, да и самый гражданский закон не может получить поправки иначе, как установлением полезных для всех в империи живущих и для всех вещей вообще правил, мною писанных и утвержденных. И для того я начала читать и потом писать Наказ Комиссии уложения, и читала я и писала два года, не говоря ни слова полтора года, последую единственно уму и сердцу своему с ревностнейшим желанием пользы, истины и счастья довести империю до вышней степени благополучия всякого рода людей и вещей вообще всех и каждого особенно...»⁶⁷.

§ 2. «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения»

История разработки «Наказа». Для созываемой новой кодификационной комиссии Екатерина II написала специальный «Наказ» — обширное произведение философско-юридического содержания, в котором были рассмотрены наиболее значимые политико-правовые проблемы государственной организации и общественного устройства, важнейшие задачи правовой и, шире, внутренней политики. В основу будущего уложения предполагалось (от имени верховной власти) положить выраженные в «Наказе» политические принципы и законодательные идеи.

История создания «Наказа» своеобразна. Он был составлен Екатериной II при широком использовании, по сути, литературном заимствовании, текстов произведений политической и правовой мысли Западной Европы. Основной массив текста составляли выписки из известнейшей в то время книги Ш. Л. Монтескье «О духе законов» и из комментариев, принадлежавших голландскому публицисту-просветителю и издателю Эли Люзаку (с этими комментариями книга Ш. Л. Монтескье издавалась неоднократно в Амстердаме в 1759—1765 гг.; по

⁶⁷ Екатерина II. Сочинения. Т. XII. Ч. 2. СПб., 1907. С. 523—524.

одному из таких изданий и делала свои выписки Екатерина II)⁶⁸. Одна из наиболее обширных глав «Наказа», в которой рассматривались уголовное судопроизводство и право, была полностью составлена по тексту также знаменитой в XVIII в. книги Ч. Беккарна «О преступлении и наказании» (во французском переводе аббата А. Морелле, рекомендованном императрице Вольтером). Использовала Екатерина II и статьи из «Энциклопедии», выходившей во Франции под редакцией Д. Дидро и Д'Аламбера, некоторые случайные русские источники, а также другие материалы, идентифицировать которые пока не удалось. Но эта множественность источников не изменила характера «Наказа» как производного по преимуществу от книги Ш. Л. Монтескье «О духе законов» (в переводах XVIII в. — «О разуме законов»), которую Екатерина II именовала «молитвенником государей».

Займствованный характер большей части текста «Наказа» (до 80% общего числа статей в нем и до 9/10 объема текста) не означал, однако, заимствованности его политических или правовых идей и общего идейного направления. Императрица компоновала текст по структуре, частично намеченной ею в ранних политических заметках 1758—1761 гг., произвольно обращаясь порой с оригинальной последовательностью текстов. Далеко не все главные и наиболее важные политически идеи Ш. Л. Монтескье, Ч. Беккарна или «Энциклопедии» находили отражение в выписках к «Наказу». По своей концепции «Наказ» был вполне самостоятельным произведением, вписавшимся в традиции официальной идеологии русского абсолютизма и вместе с тем отразившим именно взгляды Екатерины II и идеологию «просвещенного абсолютизма».

«Наказ» был написан в период 1765—1766 гг., когда в основном был готов авторский, французский его текст. В марте — апреле 1766 г. секретарями Екатерины II был выполнен перевод «Наказа» на русский язык. Императрица до трех раз просматривала этот перевод, внося деление на статьи и некоторые редакционные поправки. Затем русский текст от имени ее доверенного лица Г. Г. Орлова был передан для отзыва некоторым лицам из ближайшего окружения⁶⁹. Сделанные замечания, весьма частного характера, хотя и разные по оценкам, Екатерина II в значительной мере учла при окончательной доработке текста, одновременно сделав сокращения и пополнив его некоторыми новыми небольшими главами. После этого, в мае 1766 г., «Наказ» обрел окончательную структуру и работа над текстом завершилась. Работа над «Наказом», со всеми дополнениями, сокращениями и изменениями, велась Екатериной II единолично и в одном, изначально ею определенном направлении. Сложившееся в литературе мнение

⁶⁸ Трудно сказать, отдавала ли Екатерина II себе отчет в авторстве Э. Люзака. Имя это ей было неизвестно. Комментарии печатались анонимно, а автор скрывался под криптонимом «А». Вероятно, Екатерина II полагала, что имела дело с примечаниями Д'Аламбера, одного из редакторов знаменитой «Энциклопедии» и автора двухтомного «Разбора книги «О духе законов». Этим объяснимо и настоятельное желание императрицы узнать мнение о вопросах законодательства от Д'Аламбера, а также установить с ним переписку по поводу своей законопроектной работы.

⁶⁹ Мнения М. И. Воронцова, А. И. Бибикова, А. П. Сумарокова и В. Г. Баскакова см.: РИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 75—87; мнение митрополита Гавриила, архиепископа Иннокентия и иеромонаха Платона см.: Снегирев И. М. Жизнь митрополита Платона. Ч. 2. М., 1856. С. 116—121.

(на основании автобиографической заметки императрицы) о так называемом «обсуждении» «Наказа» персонами «вельми разномыслящими» и о неких значительных переменах в нем, сделанных Екатериной II в «угоду» критикам, представляет не более чем историкографическую легенду. Это мнение не соответствует тому реальному процессу работы над текстом, который подробно можно воссоздать по черновым рукописям «Наказа».

Предварительное ознакомление с текстом «Наказа» некоторых лиц из высшей администрации и ближайшего окружения императрицы не оказало значительного влияния в смысле каких-либо изменений на его содержание, но придало более глубокий смысл «Наказу» как политическому произведению. Ограничившись частными замечаниями, представители правящей верхушки солидаризовались с содержанием и политическими принципами «Наказа», в сущности, одоблив «Наказ» (разве что за исключением не совсем серьезной «критики» со стороны А. П. Сумарокова). Опубликованный позднее от имени верховной власти, «Наказ» стал уже не только выражением позиции Екатерины II как императрицы и отдельных представителей верхов, но и актом официального правительственного значения, официальным документом политики и идеологии самодержавного государства.

Значение «Наказа» как правительственного акта, официальный характер представленной в нем политической и правовой теории придавали безусловную социальную направленность этим доктринам как выражению идеи сохранения существующих общественных отношений в интересах господствующих слоев, прежде всего дворянства. Но и наоборот — официальное значение «Наказа» было predetermined именно восприятием в его содержании и отражением в его доктрине такого понимания задач внутриполитического и идеологического характера, которое отвечало не только коренным интересам господствующего класса, не только сословным интересам дворянства, но и собственным интересам абсолютизма. Сохранение и укрепление в новых условиях позиций дворянства во всех областях общественной жизни того времени, позиций самодержавной неограниченной верховной власти как выражения дворянской диктатуры было поэтому объективной основой всех политических принципов «Наказа». Субъективно это представало в обновленном виде концепции и доктрины «просвещенного», «правового» абсолютизма.

Основной текст «Наказа» состоит из 20 глав (526 статей), которые условно можно разделить на пять разделов⁷⁰. В первых пяти главах (ст.ст. 1—38) изложены общие принципы устройства государственной организации и положения о ее роли в обществе. В гл. 6 и 7 (ст.ст. 39—79), под близкими названиями «О законах вообще» и «О законах подробно», охарактеризованы основы государственного законодательства и общие формы правовой политики. Главы 8 и 9 (ст.ст. 80—141) посвящены специально уголовному праву и судопроизводству; к ним примыкает самая объемная гл. 10, где эти же вопросы освещаются несколько иначе, по книге Ч. Беккариа. В гл. 11—18 (ст.ст. 251—438) изложены основные положения сословно-правовой организации общества (крестьяне-земледельцы, дворянство, «средний род») и неко-

⁷⁰ Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения. М., 1767; то же//ПСЗ. Т. 18. № 12949. С. 192—280; № 13075. С. 473—478 (гл. 21); № 13096. С. 512—522 (гл. 22).

торые связанные с сословно-правовыми вопросы общеэкономической политики. Главы 19 и 20 (ст.ст. 439—521) посвящены теории законодательства и технике его; в них также выделены некоторые частные вопросы правовой реформы. Позднее, в 1768 г., Екатерина II дополнила «Наказ» еще двумя главами, которые также были составлены при широком использовании правовых сочинений западных мыслителей: той же книги Ш. Л. Монтескье и нового источника, двухтомного труда немецкого правоведа Я. Ф. Бильфельда «Политические установления» (по французскому переводу). Новая гл. 21 была посвящена организации и задачам государственного административно-полицейского управления, гл. 22 — принципам регулирования государственного финансового хозяйства.

«Наказ» — произведение многоплановое. В нем отразились едва ли не все важнейшие стороны социальных и политических связей феодального общества, теоретические проблемы и конкретные правовые нормы. Но прежде всего в нем выразилась идейно-правовая программа «просвещенного абсолютизма», ее структура и важнейшие элементы.

Политическая теория, развернутая в «Наказе» и ставшая исходной для всех положений той законодательной программы, которая в нем была намечена, представляла вполне самостоятельную по своей социальной и политической направленности концепцию. «Наказ» обосновывал политические принципы феодального государства — с абсолютной властью монарха, бюрократической системой государственной организации, сословным делением общества и с всемерной подчиненностью общественно-правового статуса подданных-граждан законодательному регулированию верховной власти. Основные понятия политических учений умеренного просветительства Запада, внешне связанных с «Наказом», были либо отвергнуты (теория общественного договора), либо существенно переработаны и преобразованы (идея о зависимости форм государственной организации от «естественного положения», теория разделения и распределения власти, естественно-правовое, а не «подзаконное» понимание прав граждан и положения сословий и др.). Обоснование этих понятий было подчинено собственным задачам политической теории «Наказа» применительно к условиям общественного и государственного строя России второй половины XVIII в. и проблемам внутренней политики абсолютизма того времени.

Исходя из важнейших принципов «естественного положения» России, «Наказ» характеризовал монархическое правление в ней как своего рода «фундаментальный» закон русской истории и политического строя России: монархия наиболее соответствует общественной необходимости русского народа (ст.ст. 10—12), она более всего отвечает цели любого государственного правления вообще (ст. ст. 14—15). Как и в официальной доктрине раннего абсолютизма («Правда воли монаршей» 1722 г.), в теории «просвещенного абсолютизма» монархия полагалась наилучшей формой государственного устройства общества. Отход от незыблемости этого принципа губелен для общества, так как «повреждение всякого правления начинается почти всегда с повреждения начальных своих оснований» (ст. 502).

К числу свойств «естественного положения» «Наказ» относил и неограниченность самодержавной власти. Монарх объявлен «источником всякой государственной власти» (ст. 19); все законы государственные «пронтекают от благоизволений» его (ст. 511), он «представляет» в своей особе «все общество» и соединяет «в своих руках всю

власть, обороняющую все общество» (ст.ст. 148—149). К прерогативам верховной власти монарха отнесено и право толкования законов (ст. 151).

Для лучшего исполнения власти в обществе учреждаются «власти средние, подчиненные и зависящие от верховной», что и составляет «существо правления» (ст. 18). Этим правительствам поручались «части правления», они полномочны регистрировать изданные монархом указы (ст. 25), делать представления монарху о несоответствии отдельных изданных постановлений «Уложению» (ст.ст. 21, 24), исполняют суд «именем государя по законам» (ст. 99). Полномочия и место в государстве «правительства», под которыми понимались существовавшие в России органы государственного аппарата, были только административно-бюрократическими (ст. 99).

Цель всех действий верховной власти «Наказ» предлагал видеть в «предохранении безопасности каждого особо гражданина» (ст. 33). Верховная власть «сотворена для народа» (ст. 520) и направляет действия всех людей «к получению самого большого от всех добра» (ст. 13). Конкретное воплощение этой задачи — обязанность монархии содействовать развитию общества в духе непрерывного совершенствования (ст. 58). Достигается этот «высочайший степенъ совершенства» (ст. 44) установлением в государстве наилучших законов (ст.ст. 42—43).

Этим последним положением «Наказ» засвидетельствовал приверженность его идее «общего блага», которая составляла одно из важных обоснований роли государства в идеологии раннего абсолютизма. Теория «просвещенного абсолютизма» придала этой идее новое, но чисто формальное развитие — до признания «блаженства каждого и всех» (что и стало девизом Комиссии уложения).

Однако эта провозглашенная цель государственной организации никак не реализовалась в правовоположениях о действиях государственной власти. «Наказ» предусматривал случаи, когда власть действует законно, в «пределах ею же самой положенных» (ст. 512), но все ограничения носили заведомо иллюзорный характер этико-политических принципов. Монарх должен править «отчасти кротко и снисходительно» (ст. 513), «не переменять порядок вещей, но следовать оному», «применяясь не к мечтаньям своим, но к своим благоизволениям» (ст. 511), должен довольствоваться «главным надзиранием одним» (ст. 510).

Стремление к «блаженству каждого и всех» требовало признания и нового статуса подданного-гражданина. «Наказ» признавал необходимость сочетания политики власти с «вольностью» граждан (так было заменено при переводе понятие «политической свободы» из книги Ш. Л. Монтескье «О духе законов»). Но «вольность» подданных «не в том состоит, чтоб делать все, что кому угодно» (ст. 36), а в праве «все то делать, что законы дозволяют» (ст. 38), в возможности «делать то, что каждому надлежит хотеть и чтоб не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно» (ст. 37). «Вольность» отождествлялась со «спокойствием духа» (ст. 39), которое обеспечивают или «изящество законов криминальных» (ст. 487), или «радушные законы дозволение, православноу нашею верою не отвергаемых» (ст. 495). Такое понимание не затрагивало полноты власти монарха, было подчинено государственной политике и не выходило за пределы абсолютистской законности.

Принципы сословно-правовой политики. Признанием общей для «граждан» абстрактной «вольности» и равнообязанности всех перед лицом государственной власти исчерпывалось в доктрине «Наказа» понимание равенства членов общества. В дальнейшем были открыто

заявлены и объяснены принципы неравного положения подданных как в их отношениях друг к другу, так и по отношению к верховной власти.

Много места уделено в «Наказе» характеристике деления общества на тех, «которые правят и повелевают», и на тех, «которые повинуются». Обоснование этому делению черпалось в основах «естества» человеческого общества и ранее признанной в доктрине необходимости его государственной организации: «Гражданское общество требует известного порядка... Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются. И сие есть начало всякого рода покорности» (ст.ст. 250—251).

Такое разделение подданных — в нынешнем понимании, по их роли в политической организации общества — «Наказ» соотносил с кажущимся не менее «естественным» делением общества по роду занятий его членов: «Земледельцы живут в селах и деревнях... и сей есть их жребий» (ст. 358); «в городах обитают мещане» (ст. 359); дворянство занято военной службой и отправлением правосудия (ст.ст. 365—367). Занятия дворянства являются, по конструкции «Наказа», самыми важными, поэтому положение дворянства на высших ступенях «гражданского общества» естественно и необходимо. Одновременно «Наказ» обосновывал идею, что такое положение дворянства даровано ему верховной властью в качестве «компенсации» за столь важную его роль в обществе (ст. 361) и потому, обставлено соответствующими привилегиями.

В «Наказе» объяснялось господствующее положение дворянства «естественными» аргументами. Но вместе с тем, выражая собственные интересы самодержавия, оно представлено всецело зависящим от верховной власти, с учетом выполнения дворянством своей «миссии» в интересах «общего блага».

Признанное «Наказом» разделение «состояний» в обществе являлось именно сословным (в современном понимании), потому что было связано с особыми, политически закрепленными правами: «В правлении, где есть разделение между особами, там есть также и преимущества особам, законами утвержденные» (ст. 110). В соответствии с характером и объемом этих преимуществ в общественной структуре установлено место каждого «состояния». Первое место отведено дворянству, второе — «среднему роду», последнее — «нижнему роду людей», крестьянству. Стремление к уравниванию этих «состояний» противоречит «основным законам» и поэтому губительно для общества: «Начальное основание... повреждается... когда вкоренится умствование равенства до самой крайности дошедшего и когда всяк захочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником» (ст. 503).

Единственно возможное равенство между членами общества «Наказ» связывал с государственными законами уголовно-правового порядка — чтобы закон старался «не благоприятствовать», смотря на «чины, поколения и состояния людей» (ст. 104): «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» (ст. 34). Очевидно, что такое понимание правового «равенства» не предполагало равного применения закона. Последнее в политических учениях просветительства было важнейшим положением. Именно это подметил в своих замечаниях на «Наказ», написанных после пребывания в России в 1774 г., Дидро: «К этому следовало бы добавить — в равной мере»⁷¹.

⁷¹ Дидро Д. Соч. Т. X. М.: ГИХЛ, 1947. С. 434.

Общие принципы законодательства. Политическая теория и социально-правовая доктрина «Наказа» характеризовали главные содержательные параметры законодательной программы «просвещенного абсолютизма». Помимо конкретных предположений и предписаний, развивавших основные направления политики абсолютизма предыдущих лет (в вопросах о положении церкви, судебной и уголовно-правовой политики; о гражданском праве, за исключением вопросов наследования, речи не велось), в нем выдвигались и некоторые новые кодификационно-законодательные принципы, поскольку Комиссии предстояло не только пересмотреть старые законы, но и выработать единое уложение на новых началах (см. приложение 1).

«Правильно» составленный закон — это основная гарантия и основной рычаг выполнения государственной властью своей задачи в обществе. Законы в обществе следует устанавливать «не с иным намерением», как «только чтобы сделать самое большее спокойствие и пользу людям, под сими законами живущим» (ст. 42). Установленные «просвещенной» властью законы должны быть сохранены «ненарушимо» (ст. 43) — в умении заложить в законе то, что обеспечит его последующую неизменность, и есть высшее искусство законосооставления (ст. 44).

Закон в доктрине «просвещенного абсолютизма» — не просто произвольное установление законодателя. «Законоположение должно применять к народному умствованию» (ст. 57), то есть к исторически сложившемуся и проявившемуся «духу народа», отраженному в том числе и основами «естественного положения». Однако цель этого «применения» — вовсе не в соблюдении в законе справедливости, а — и это еще раз подчеркивает монархический прагматизм концепций «Наказа» — в обеспечении полного и «сознательного» повиновения закону: «Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно и следуя природной какой склонности» (ст. 57).

В «Наказе» были выдвинуты и новые для понимания существа кодификации идеи о системе законодательства и о правовой технике закона.

Законы, согласно «Наказу», — это такие государственные установления, «которые ни в какое время не могут перемениться и таковы числу быть не можно великому» (ст. 444); в них-то и должны выразиться фундаментальные принципы общественной и государственной организации. Вторая часть законодательства — временные учреждения, определяющие «тот порядок, которым все дела должны отправляемы быть и разные о том указы и уставы» (ст. 445). Третья часть — указы — подвержены отмене, переменам и составляют, по сути, акты подзаконного управления (ст. 446).

Законы должны быть составлены в позитивном плане, описывая конкретное отношение, избегая толкований и исключений (ст.ст. 448—450). Они должны быть рассчитаны на общедоступное понимание (ст.ст. 452, 458), составлены по возможности просто, четко и конкретно в своих предписаниях и запрещениях (ст. 454). Закон не должен регулировать того, что безразлично для членов общества и для государства, в том числе действия, которые не могут быть оценены с точки зрения морали (ст. 461). Принципы кодификационной программы, изложенной в «Наказе» в общих чертах, предполагали разрыв с традицией систематизации правовых норм и даже законотворчества в целом в русском праве. В этой программе определяющим провозглашалось формально-законодательное переосмысление изначально существующей (и познанной законодателем) природы общественных и государственных связей. Кодификационная схема, классификация норм и т. д. должны

были соответствовать «естественным» соподчинениям этих связей. Тем самым должны были быть выделены и немногие принципы основополагающего, конституционно-правового значения.

Распространение и значение «Наказа». Предназначенный для Комиссии уложения, «Наказ» стал крупнейшим актом политики российского «просвещенного абсолютизма».

30 июля 1767 г., в день открытия заседаний Комиссии уложения, «Наказ» был официально опубликован, издан особой книгой, весь тираж которой был роздан депутатам Комиссии и разослан в высшие государственные учреждения. На протяжении XVIII в. он переиздавался семь раз общим тиражом до 5 тыс. экземпляров, что для того времени было огромной цифрой.

По инициативе императрицы были сделаны официальные переводы «Наказа» на французский, немецкий, латинский языки, также изданные в России. Кроме того, вышли переводы на итальянском и новогреческом языках; за границей был сделан и новый немецкий перевод. «Наказ» приобрел известность, и получил общественный отклик, главным образом, во Франции, германских государствах, в Италии, Дании.

Правительство широко пропагандировало идеи «законной монархии»: «Наказ» предписывалось регулярно читать во всех правительственных учреждениях, хранить его всегда на судейских столах рядом с петровским «Зерцалом правосудия» как новое слово абсолютистской законности, отрывки из него включались в школьные учебники и так называемые «прописи». Идеи «Наказа» развивались в официальной и полуофициальной публицистике. Хотя то значение государственного публично-правового акта, которое он имел, безусловно сужало возможности выявления различного и подлинного к нему отношения в общественной мысли России того времени.

§ 3. Правовые основы деятельности Комиссии

«Наказ» Екатерины II определил содержательную сторону законодательных разработок в будущей Комиссии уложения. Он был основным, но не единственным в системе правовых актов, которыми должны были регулироваться организация и формы деятельности Комиссии.

Манифест о созыве Комиссии и обряды о выборах. После завершения работы над «Наказом» (но до официальной его публикации), когда Екатерина II сочла законодательную программу определившейся, 14 декабря 1766 г. был дан указ Сенату «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового уложения и о выборе в оную депутатов» с приложением манифеста и специальных обрядов выборов депутатов⁷². Этими актами была задана правовая основа организации Комиссии.

В манифесте, составленном в канонах официальной доктрины времени «просвещенного абсолютизма», созыв Комиссии был связан

⁷² См.: ПСЗ. Т. 17. № 12801. С. 1092—1110. Манифест и обряд о выборах были составлены Екатериной II и отредактированы статс-секретарем Г. В. Козицким, основным ее помощником по работе над актами для Комиссии. В разработке обрядов о выборах Екатерины II использовала предложения А. А. Вяземского и некоторые другие материалы. См.: Флоровский А. В. Состав Законодательной комиссии 1767—1774 гг. Одесса, 1915. С. 1—218.

НАКАЗЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКІЯ
ДАННЫЙ
КОМИССИИ
О СОЧИНЕНИИ
ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ.
1770 года.

ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ! ВОНИ
МИ, И ВРАЗУМИ МЯ, ДА
СОТВОРЮ СУДЬ ЛЮДЕМЪ ТВО-
ИМЪ ПО ЗАКОНУ СВЯТОМУ
ТВОЕМУ СУДИТИ ВЪ ПРАВДУ.

*Domine Deus mi! exaudi me,
et da mihi intelligentiam,
ut consituum iudicium genti
tuae, quo secundum legem
tuam sanctam dicatur ei ius.*

НАКАЗЪ

INSTRVCTIO

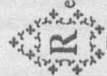
КОМИССИИ О СОСТАВЛЕНИИ
ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

Coetui ad condendam ideam
nou legum Codicis conuocato,
plenaque ad id donato po-
testate.

Законъ Христіанскій на-
часть насъ взаимно дѣ-
лаши другъ другу добро,
сколько возможно.

I.

Religio Christiana docet nos,
ut alter alteri mutuo tu-
tum boni faciamus, quan-
tum quidem in cuiusque nostrum
viribus situm est.

I.

Рис. 1. Титульный лист и первая страница «Наказа» в издании 1770 г.
(с параллельным текстом на русском, латинском, немецком и французском
языках)

с реализацией провозглашенной пять лет назад в актах о восшествии на престол идеи «узаконить государственные установления», сохранявшиеся бы неизменными, и которые бы служили «к соблюдению доброго во всем порядке». Состояние дел в империи вызвало особую потребность знать недостатки и пути их исправления, особенно в части суда и законодательства: «Несовершенное различие между непрменными и временными законами, а паче всего, что чрез долгое время и частые перемены разум, в котором прежние гражданские узаконения составлены были, ныне многим совсем не известен сделался: при том же и страстные толки часто затмевали прямой разум многих законов, сверх того еще умножили затруднении разница тогдашних времен и обычаев, несходных вовсе с нынешними»⁷³. В этом положении формулировалась главная задача Комиссии — не систематизировать и обновлять старые законы, а учитывая недостатки и нужды империи, составить законодательство, основанное на новом «разуме» законов. Для лучшего же сведения о нуждах и недостатках и для того, чтобы дело отвечало «общему добру», в Комиссию созывались депутаты. Созывались они императорской властью, ею же будут распущены; подготовленный ими проект будет подлежать монаршему утверждению. Таким образом, и роль, и права корпуса депутатов изначально были сугубо совещательными, и даже направление этой «совещательности» рекомендовалось «Наказом». От депутатов ожидалась лишь «благодарность и послушание — чрез что сохранится благоденствие, тишина и спокойствие государственных»⁷⁴.

Выборы депутатов определялись сословно-бюрократическими началами. Всем центральным государственным учреждениям следовало направить по одному депутату, которого избирали согласно собственному внутреннему порядку или принятому в Адмиралтейств-коллегии порядку выбора на морские должности. На местах депутатов избирали от сословий: по одному депутату от дворянства уезда, от жителей каждого города, и по одному — от однодворцев, пахотных солдат или государственных крестьян каждой провинции; депутата от провинции посылали также так называемые «некочующие народы», то есть нерусское население (в основном Казанской, Сибирской и Оренбургской губерний). Депутатов должны были направлять и казаки — по одному депутату от полка или от так называемой «линии».

Прав избрания своих сословных депутатов было лишено духовенство (в этом отразился не только момент внутриполитической ситуации после начала секуляризации церковных земель, но и направленность правовой политики «просвещенного абсолютизма» на ликвидацию сословной самостоятельности церковнослужителей), а главное, основная масса крестьян — частновладельческие, экономические (бывшие церковные) и дворцовые, составлявшие до 67% населения страны. Не посылали депутатов и некоторые мелкие слои зависимого населения, а также армия и флот (до 4% населения).

Депутатами могли быть избраны представители своего сословия с учетом возрастного ценза (не моложе 25 лет). Для крестьян и всей низшей курии устанавливались и дополнительные требования к депутатам: они должны были иметь свой дом в том уезде, городе или провинции, то есть быть самостоятельными хозяевами, иметь семью,

⁷³ ПСЗ. Т. 17. № 12801. С. 1093.

⁷⁴ Там же. С. 1093—1094.

быть не моложе 30 лет, грамотными, не числиться «в штрафах и пороках» (главным образом не судимые), а также «доброго и незазорного поведения».

Обряды о выборах определяли процедуру проведения выборов по каждому сословию — в целом единую, но с некоторыми различиями. Выборы, кроме дворянских депутатов, были многостепенными, проходили под контролем местной администрации. Помимо собственно депутатов в Комиссию, дворянству предписывалось для управления местными сословными делами избрать уездных предводителей; в городах вводилась выборная должность городского головы. Предводитель и голова оставались бы и на последующее время «общественной» администрацией сословий на местах.

Хотя формально избрание депутатов шло снизу, общий круг депутатов был определен рамками феодального государственного механизма. И принципы отбора депутатов реализовывали, по существу, в факте избрания не делегацию полномочий от определенной части населения, а указание на способности того или иного лица представлять интересы этого населения (что также было началом консервативным)⁷⁵.

«Генерал-прокурорский наказ». Еще одним правовым актом, касавшимся общих принципов деятельности Комиссии, был специальный «Генерал-прокурорский наказ», по которому и маршалу поступать⁷⁶. Он разрабатывался Екатериной II одновременно с «Наказом» и опубликован вместе с ним. «Генерал-прокурорский наказ» должен был, по мысли императрицы, определить политико-правовые позиции руководителей Комиссии (главным образом, генерал-прокурора Сената) по регулированию кодификационных работ. Изложенные в нем философско-правовые идеи были своего рода критерием для руководства Комиссии: соответствует или нет сочиненное тем задачам, что ставились и предполагались Екатериной II.

В отличие от «Наказа» (и при всей общности их политико-правовой доктрины), в «Генерал-прокурорском наказе» подчеркивался государственный прагматизм законодательной программы: никакие из приведенных в нем положений не должны быть обращены «во вред отечеству» (ст. 2); монархическое «состояние государственное» России полагалось таким постулатом, который не мог быть «посягаем в новых законах» (ст. 7). Основное содержание «Генерал-прокурорского наказа» (ст.ст. 3—10) составляла отвлеченная характеристика «родов законов», которые определяют жизнь общества (право божественное, естественное, народное, государственное общее и особенное и т. д.). Характеристика получилась у Екатерины II эклектичной: почерпнутое у Ш. Л. Монтескье она пополнила собственными теоретическими посылками, не вникая в общий смысл конечной схемы. В собственно законосоставительной работе руководители Комиссии могли опереться лишь на два три положения этого акта. Так, прямо указывалось не только на допустимость, но и на необходимость переменить государственные установления, следуя современному состоянию общества, подчиняя их «самоу высочайшему закону» — сохранению в целостности государства

⁷⁵ О различиях между современным пониманием депутатского мандата и смыслом избрания депутата в XVIII в. см.: Новгородцев П. И. Спорные вопросы политической теории марксизма//Труды русских ученых за границей. Т. 1. Берлин, 1921. С. 115.

⁷⁶ ПСЗ. Т. 18. № 12930. С. 281—283.

(п. 11 ст. 11). Тем самым не следовало допускать в Комиссии оспаривания задуманной законодательной перестройки под предлогом, что сложившееся «государственное право» России иное. В другом положении было предельно сужено понимание «естественного права». Соответственно основам теории «просвещенного абсолютизма» эта важнейшая посылка доктрин Просвещения была представлена в виде «естественных прав» граждан на: 1) познание бога; 2) прокормление; 3) защиту личности; 4) желание жить в обществе (ст. 5). На основе такой трактовки следовало разрешать возможные противоречия законов гражданского и государственного (ст. 11). И наконец, отчетливо была выражена лишь политико-этическая гарантированность провозглашенного упрочения законности: «Вся наука законов состоит в обращении людей к добру, в препятствовании и уменьшении зла и в отвращении той беспечности, коя последует во всем правительстве от привычки и нерадения; к чему обороною служат закон общий без изъятия лиц, невозможности избыть от повеленного в оном и поспешности в наказании» (ст. 12).

Смысл и задача «Генерал-прокурорского наказа» как особого акта не вполне ясны. По содержанию он был дополнением к «Наказу». Возможно, с учетом того, что руководитель Комиссии был назначен помимо мнения депутатов, этот акт должен был официально засвидетельствовать, что руководители Комиссии никаких «скрытых» указаний от императрицы не получали и действовать будут соответственно только идеям «общего разума» законов.

«Обряд управления Комиссии». Процедурные и организационные вопросы деятельности Комиссии регулировались «Обрядом управления Комиссии о сочинении проекта нового уложения»⁷⁷, который был разработан Екатериной II и официально опубликован вместе с «Наказом».

В «Обряде», состоящем из 31 пункта, регулировались различные по значимости вопросы: порядок открытия заседаний Комиссии с церемониальным расписанием процедуры шествия на торжественную службу, заранее намеченную в Успенском соборе Московского Кремля (пп. 3—5); процедура избрания руководства депутатов (пп. 6—7); распорядок работы собрания депутатов, прений, обсуждения предложений, произнесения речей; порядок представления будущего законченного проекта. Как наиболее существенные можно выделить две условные группы правоположений «Обряда».

«Обряд» установил общий статус депутатов и их полномочия в работе над уложением (ст. 15). Они наделялись особыми правами независимо от сословной принадлежности (или в дополнение к ней): освобождались пожизненно от смертной казни, пытки и от телесных наказаний за любые преступления, могли подлежать суду только с последующим утверждением приговора императрицей; особо защищалась их неприкосновенность. Депутатам выдавались особые знаки с девизом Комиссии «Благенство каждого и всех», депутаты-дворяне могли в дальнейшем использовать эти символы в родовом гербе. Депутаты обязывались к присутствию в Комиссии и к участию в делах (правда, вместо себя можно было избрать поверенного — п. 21); они получали право выступать с речами «с тою смелостью, которая потребна для пользы дела» (п. 13), а также подавать письменные «мнения». Дополнительные права депутатов не были связаны с фактом изорания, и

⁷⁷ ПСЗ. Т. 18. № 12948. С. 182—192.

представительского «мандата» депутат не имел: специально оговаривалось, что все особые права предоставлялись лишь тем, кто действительно участвовал бы в работе Комиссии.

В «Обряде» была также определена система руководящих лиц и органов Комиссии, характеризовались направления их деятельности. Представителем верховной власти и правительства в Комиссии был независимый от нее генерал-прокурор. Кроме него, из числа депутатов Комиссии избирался (баллотировался) депутатский предводитель — маршал (по аналогии с польским сеймом), однако окончательное его утверждение было во власти императрицы (ст. 4). Генерал-прокурор и маршал, без которых «все собрание вне действия» (ст. 17), определяли порядок работы Комиссии, решали, какие вопросы или законы выносить на обсуждение; маршал следил и за ходом прений. Они имели право участвовать в работе всех органов и частных комиссий, а также голосовать там наравне с депутатами. Роль своеобразного организационного президиума отводилась Дирекционной комиссии, которая формировалась из числа депутатов и должна была руководить определением состава и работой частных комиссий, выносить решения о «сходстве» с «Наказом» подготовленных проектов. Кроме Дирекционной, «Обряд» указывал на необходимость создать частные комиссии.

По общему смыслу этого акта Комиссия была подчинена доминирующей роли руководящих лиц; все решения в итоге зависели от маршала и генерал-прокурора, причем последний не был даже формально депутатом.

«Обряд» назначал и время открытия Комиссии: через полгода после издания указа о выборах.

§ 4. Выборы депутатов и состав Комиссии

Выборы депутатов. Во исполнение указа и манифеста о созыве Комиссии в январе 1767 г. Сенат предписал всем 14 коллегиям и 14 другим центральным учреждениям определить своих депутатов; руководство выборами на местах было возложено на губернаторов⁷⁸. Губернаторы получили несколько десятков тысяч экземпляров актов 14 декабря 1766 г. для их распределения по местным и епархиальным властям, которые должны были обнародовать их и привлечь население к выборам.

Конкретные сроки проведения выборов на местах также назначались губернаторами. Иногда выборы откладывались по усмотрению выборщиков или по случайным обстоятельствам (отсутствие необходимых помещений, а то и просто отсутствие избирателей данной категории). В основном выборы депутатов прошли в марте — апреле 1767 г.⁷⁹

Проходили выборы в точном соответствии с предписаниями обрядов о выборах по указанным в них сословным группам. Дворянские депутаты в большинстве были избраны на уездных собраниях, хотя в ряде

⁷⁸ См.: Указ Сената от 4 января 1767 г.//ПСЗ. Т. 18. № 12812. С. 3—4. Указом Сената от 6 марта 1767 г. дополнительно право избрания депутатов было предоставлено еще двум центральным учреждениям (см.: там же. С. 54—55).

⁷⁹ О проведении выборов и составе избирательных собраний на местах см.: Флоровский А. В. Указ. работа. С. 219—584.

мест на эти собрания не съезжалось требуемых по закону 15 выборщиков и местной администрации приходилось объединять собрания на несколько уездов, но и при этом депутат направлялся от каждого уезда. В Новгородской губернии, где не было уездов, выборы проходили от исторически сложившихся территориальных единиц — пятин⁸⁰. Особого интереса к выборам депутатов и уездных предводителей местные помещики не проявили. Многие из них просто не являлись в дома для выборов, а один решительный новгородский помещик отказался принимать участие в новой «повинности», сославшись на манифест о «вольности дворянской» от всякой государственной службы.

Осложнениями и острыми конфликтами сопровождался выборы в прибалтийских губерниях и особенно в Малороссии. Местное дворянство проявило недовольство правительственными начинаниями по ликвидации местных дворянских привилегий и правовой обособленности в целом этих областей. В Малороссии вопрос о круге дворянских выборщиков был осложнен тем, что собственно понятие «дворянство» там не существовало, а шляхетство представляло довольно небольшую прослойку. Возникла необходимость в хотя бы условном социально-правовом размежевании, что не могло пройти бесконфликтно. Реально же в выборах малороссийских депутатов от дворянства приняли участие многие из казачьей старшины и чиновных людей. И если в Лифляндии генерал-губернатору Ю. Ю. Броуну удалось погасить остроту конфликта, то на Украине президент Малороссийской коллегии П. А. Румянцев, будущий крупный военный деятель и полководец, сумел лишь приглушить недовольство и своей властью изменить ход выборов, а также их результаты.

Избрание городских депутатов проходило (в зависимости от численности подпадающих под требования избирателей) непосредственно на собрании избирателей либо двухступенно — первоначально на собраниях по частям города. В большинстве городов депутаты избирались не непосредственно всеми жителями города, а предварительно избранными поверенными. Так проходили выборы в Петербурге и Москве. Здесь выборы были обставлены торжественно, продолжались по несколько дней (в Петербурге с 15 января по 21 февраля, в Москве — с 9 марта по 25 апреля), о них подробно извещали две российские газеты — «Санкт-петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Основная часть избирателей от города принадлежала к торгово-промышленному населению, большинство были купцами. Но немалую долю составляли дворяне и чиновная администрация; доля же крестьян и ремесленников, хотя и участвовавших в выборах, была ничтожной, они допускались к выборам лишь там, где по разным причинам не было домовладельцев-дворян.

Выборы депутатов от сельского населения в основном проходили по предписанной трехступенной структуре: погост — уезд — провинция; собственно депутата избирали поверенные на провинциальном собрании. В практике проведения избирательной кампании имели место некоторые отклонения от обряда о выборах. Так, в январе 1767 г. генерал-прокурор, ссылаясь на именное повеление императрицы, предписал губернаторам подключить к участию в выборах приписных государственных крестьян. В связи с отсутствием точного уездного деления не везде была возможность строго соблюсти трехступенность.

⁸⁰ См.: Именной указ о порядке выборов по Новгородской губернии от 19 января 1767 г. // ПСЗ. Т. 18. № 12819. С. 27.

При выборах депутатов от казачьих войск основным типом избирательного «округа» стала военно-административная единица — полк. О порядке избрания депутатов от так называемых «некочующих инородцев» сведений практически нет. Видимо, выборы были условными, и депутатами становились местные князья, главы родов и представители мусульманского духовенства; иногда депутаты просто назначались правительственной администрацией на местах.

Состав депутатского собрания Комиссии. Число избранных в Комиссию депутатов с абсолютной точностью неизвестно. Депутатских «мест», от которых направлялись депутаты, образовалось в итоге 564. Однако реально депутатов, принявших участие в работах Комиссии за все время ее деятельности, было значительно больше — не менее 620. Ко времени начала работы Комиссии в Сенат «заявлено» 545 депутатов (но явились не все, и в первых заседаниях участвовали от 420 до 450 депутатов). Исходя из 545 депутатских «мест»,

Сенат определил суммы жалованья депутатам⁸¹. Однако впоследствии прибывали новые депутаты, продолжались выборы, особенно в далеких губерниях. Некоторые депутаты позднее сдавали свои полномочия другим (соответственно разрешению «Обряда управления»); несколько депутатов умерли за время работы Комиссии, и на их места определялись другие. В 1773 г., после присоединения части белорусских земель к империи (входивших прежде в состав Речи Посполитой), депутаты были избраны от новообразовавшихся уездов и провинций. Происходили изменения в численности депутатов и по другим причинам.

Пропорциональность представительства и тем более социальный состав депутатов не соответствовали удельному весу основных сословий в населении страны, отражая классовую реальность политической структуры феодального общества и социальный адрес правительственной политики⁸². Свыше 33% от общего числа депутатов составили представители дворянства (0,6% населения страны), 36% — депутаты от городов (около 3% населения), около 20% — депутаты от сельского населения (около 20% населения). Однако реальный удельный вес дворян в числе депутатов был выше. Некоторые города направили своими депутатами сановных дворян (от Москвы — князя А. М. Голицына, от Петербурга — графа А. Г. Орлова) или лиц чиновной администрации. Среди депутатов от казачества было немало офицеров и шляхты. Дворянами были и все депутаты от правительственных учреждений (кроме Синода). Фактически приравнивалась к дворянству знать «некочующих инородцев». Всего не менее 45% депутатов были потомственными или личными дворянами, и это заранее определяло преобладающе дворянский характер деятельности Комиссии, а тем самым — и правовой облик ее разработок.

Наказы в Комиссию. Одновременно с выборами депутатов происходило и составление наказов от сословий и групп избирателей. Депутаты представляли подписанные своими избирателями указы в качестве

⁸¹ Дворянам-депутатам назначалось по 400 руб. в год, депутатам от городов — по 122 руб., прочим — по 37 руб. См.: Ведомость явившимся депутатам // Русская старина. 1896. Т. XI. С. 449—450.

⁸² В указанной выше работе А. В. Флоровского сделан несколько формальный подсчет депутатского представительства. Более точный, хотя не абсолютный по приведенным цифрам подсчет см.: Беляевский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965. С. 81—85.

своего рода мандата (хотя в значительном числе случаев сами депутаты и были главными составителями наказов). Основная роль наказов заключалась в том, чтобы выразить «нужды и недостатки» местного населения, а также соответствующие пожелания, обращенные в адрес правительственной политики и, тем самым к составлению будущего уложения⁸³. Многие депутаты от сельского населения привезли с собой по несколько десятков наказов своих избирателей; депутаты представляли и дополнительные «пункты» по разным случаям. Всего в Комиссию поступило около 1600 различных наказов и подобных материалов.

В наказах от правительственных учреждений преимущественно затрагивались вопросы совершенствования законодательства по ведомствам. В наказах дворян и от городов шла речь в основном о проблемах закрепления и расширения отдельных сословных и имущественных прав, законодательной охраны этих прав от посягательств и от «повреждения» низшими сословиями. В наказах сельского населения, крестьян и однодворцев содержались конкретные, но практически общие для всего сословия «просьбы» о снятии тех или иных повинностей или об иных «облегчениях». Вопросы общеправовой политики почти не затрагивались, всеобщим было лишь требование о «праведном и скором суде». В общих политико-правовых вопросах требования всех наказов (и прежде всего дворянских) не выходили за пределы признания существующего политического строя⁸⁴.

⁸³ Наказы стали основным объектом исторического изучения деятельности Комиссии уложения, поскольку позволяли характеризовать не только политико-правовые представления сословий, но и реальное социальное положение основных групп населения. По своей массовости и объективным характеристикам наказания представляли едва ли не исключительный для XVIII в. источник. Практически все наказания правительственных учреждений, дворянства и городов опубликованы в изданиях Русского исторического общества. Наказы от сельского населения, в частности, от крестьянства, опубликованы только частично.

⁸⁴ См.: Бочкарев В. Н. Вопросы политики в русском парламенте XVIII века. Опыт изучения политической идеологии XVIII века. [Тверь] 1923. С. 14—19.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОЕКТЫ КОМИССИИ УЛОЖЕНИЯ.

I: БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ ДЕПУТАТОВ — РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ — ОРГАНИЗАЦИЯ КОДИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ

§ 1. Деятельность Большого собрания депутатов (1767—1770 гг.)

К июлю 1767 г., примерно в установленные «Обрядом управления» сроки, в Москву съехались около 460 депутатов. Екатерина II, двор и правительство находились в Москве уже с середины января, отъезжая только в апреле—июне в двухмесячное путешествие по верхне- и средневолжским городам. 24 июля 1767 г. был издан указ Сенату о назначении на 30 июля открытия Комиссии и о порядке его проведения⁸⁵.

Открытие работы Комиссии было ознаменовано торжественной службой в Успенском соборе Московского Кремля в присутствии императрицы, двора и всех депутатов (депутаты-нехристиане оставались вне храма) с последовавшим затем приемом депутатов. Депутаты подписали особую присягу, которой заверялось, что они приложат «чистосердечное старание в великом том деле сочинения проекта нового уложения» и что возложенное на них дело будет вестись «в правилах богоугодных, человеколюбие вселяющих и добронравие к сохранению блаженства и спокойствия рода человеческого, из которых правил все правосудие истекает»⁸⁶. Затем в аудиенц-зале Кремлевского дворца (ныне не существующего) был произведен «обмен речами»: от имени депутатов митрополит Новгородский и депутат от Синода Димитрий благодарил императрицу «за неоцененные для блаженства нашего подвиги», от лица Екатерины II отвечал вице-канцлер А. М. Голицын, вручив депутатам официальные акты — «Наказ», «Обряд управления» и «Генерал-прокурорский наказ».

Первое заседание Комиссии состоялось на следующий день, в Грановитой палате Кремля, специально для этого оснащенной. Первые семь заседаний (31 июля — 14 августа 1767 г.) были посвящены организационно-процедурным вопросам⁸⁷. Согласно «Обряду», Собрание баллотировало нескольких депутатов на должность депутатского предводителя (маршала); из нескольких кандидатов, получивших относительное большинство голосов, Екатерина II утвердила маршалом депутата от костромского дворянства А. И. Бибикова⁸⁸. Затем были образованы

⁸⁵ См.: ПСЗ. Т. 18. № 12945. С. 181—182.

⁸⁶ РИО. Т. 4. СПб., 1869. С. 36.

⁸⁷ Подлинные протоколы («дневные записки») Большого собрания см.: ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 114. Кн. 1—4. Протоколы были частично опубликованы в «Сборнике Русского исторического общества» 1869—1886 гг.

⁸⁸ Назначение несановного, хотя и влиятельного А. И. Бибикова было некоторой неожиданностью. В бумагах Екатерины II времени созыва Комиссии нет прямых высказываний о том, кого она желала бы видеть депутатским предводителем. Косвенно можно заключить, что она предполагала таковым Г. Г. Орлова. По-видимому, кандидатура А. И. Бибикова (уже известного Екатерине II) «прошла» с активного содействия А. А. Вяземского, который «сработался» с ним еще в 1763—1764 гг. во время подавления волнений на Урале.

Рис. 2. Аллегория «Екатерина II — законодательница»: вдохновленная Мудростью и руководимая Разумом, Екатерина II дарует разным народам ее империи новый кодекс законов; «Наказ» поддерживаем Правосудием (с современной французской гравюры 1777 г.)

главные руководящие органы Комиссии: Дирекционная комиссия и Комиссия о разборе наказов — каждая из пяти депутатов.

Большую часть времени на начальных заседаниях Комиссии занимала процедура выдвижения и баллотирования кандидатов, поскольку число кандидатов достигало нескольких десятков. Однако Собрание приняло одно решение — литургическое по своему характеру, но обретавшее особый политический смысл в атмосфере тех лет правления Екатерины II и определенных противоречий в правительстве.

Политическое решение Комиссии. 9 августа, после раздачи депутатам золотых знаков с девизом «Блаженство каждого и всех» (и после того, как было закончено первое чтение «Наказа» Екатерины II) по инициативе депутатов митрополита Дмитрия и князя М. Н. Волконского было принято решение о поднесении императрице титулов «Великой Екатерины, Премудрой и Матери Отечества». Маршалу было поручено испросить на сие согласие монархии. Екатерина II (по крайней мере внешне) встретила эту идею с настороженным недоумением, поручив А. И. Бибикову объявить благодарность депутатам за «ревность и любовь», но равно же отклонить предложенные звания «за преждевременность».

10 августа Екатерина II написала маршалу записку: «Господин Депутатской Предводитель. Известно мне сделалось, что вчерашний день в полном депутатском собрании соглашеность в знак благодарности на аудиенции поднести мне чрез вас звания, изображающие их великой усердие и чувствительность. Объявите господам депутатам, собрав оных нарочно для того, что я с отменным удовольствием вижу ревность и любовь их ко мне и отдаю справедливость их благодарности, которая мне весьма приятна; но желаю, чтоб еще до времени мне от них даваемые столь отличные звания остались без употребления; ибо кроме господ депутатов еще мало кто знает, сколько далеко мои намерения/распространяются к блаженству Империи. И я сии звания за прилично не нахожу до тех пор, пока своим делом чрез них не приобретется та слава, что подданные будут пользоваться правилами, мною во основание законов положенными».

Августа 10 д., 1767 г.

Екатерина»⁸⁹.

Но 12 августа императрица «дозволила» депутатам явиться на испрашиваемую аудиенцию, выслушала благодарственную речь, которую произнес маршал, и ответ от ее имени, сказанный А. М. Голицыным, а затем, в нескольких фразах отклонив из числа подносимых звания «великой» (то, мол, суд потомства определит) и «премудрой» («один Бог премудр»), оставила за собой титул «матери Отечества» и тем приняла выражение депутатской солидарности.

Политическая жизнь в России никогда не обходилась без таких литургических «спектаклей». Но в данном случае все это имело особый политико-правовой смысл. Депутатское «поднесение» было оформлено особым официальным актом, который был подписан всеми присутствовавшими депутатами⁹⁰. Тем самым Екатерина II, получившая власть в результате дворцового переворота 28 июня 1762 г., обрела законное ее «утверждение»: представители «всего Отечества» единодушно выразили желание видеть ее во главе империи, что создавало определенную политическую атмосферу; кроме того, Екатерина II получила тем самым правовую опору для пресечения посягательств

⁸⁹ ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 310. Л. 1/1 об.

⁹⁰ Подписание акта, оформленного в книгу, состоялось 27 сентября 1767 г. См.: ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Ч. 3. Л. 205—250. В ПСЗ этот документ вошел неполностью (см.: ПСЗ. Т. 18. № 12978. С. 349—355).

правительства на ее власть. Таким образом, Комиссия, помимо всего прочего, сыграла особую политическую роль, создав особое общественно-правовое признание власти Екатерины II. Это решение Комиссии осталось единственным, имевшим реальное государственное значение.

Ход работы Большого собрания. Конкретная задача и формы деятельности Собрания не были точно определены. Сама форма, несомненно, не годилась для текущей кодификационно-законодательной деятельности. Но чтобы уяснить изначальное противоречие замысла и его претворения, Екатерине II и руководству Комиссии требовалось время. Предполагалось, что в Большом собрании будут зачитываться те из старых законов, «в поправлении коих более настоит нужды» (п. 8 «Обряда управления»). Депутаты вынесут рекомендации, определив общее правовое направление для разработки новых законов (следуя принципам «Наказа»), которые будут переданы в руководящие органы комиссии, а затем — в частные комиссии для кодификационной работы. Будет ли Собрание рассматривать и одобрять итоги работы, руководящие правовые акты не отмечали.

Чтение старых законов и указов в подлинных и полных текстах заняло, в итоге, наиболее значительную часть времени заседаний Собрания. На процедурные вопросы (избрание руководящих органов, неоднократные баллотирования членов в частные комиссии, утверждение передачи депутатских полномочий), неоднократные прочтения текста «Наказа» пришлось примерно 3/4 условной общей продолжительности работы Собрания. Многие заседания были целиком посвящены чтению старых законов или некоторых из представленных наказов. Остальное время уделялось обсуждению также далеко не полностью. На каждом заседании зачитывался и утверждался протокол («дневная записка») предыдущего заседания, выслушивались сообщения маршрута и переданные через него указы императрицы, касающиеся работы Комиссии.

В своем основном, начальном составе Собрание действовало с 31 июля по 12 января 1769 г. За этот период состоялись 203 заседания. Первоначально заседания проходили четыре-пять раз в неделю, позднее — два раза в неделю (как правило, с 10 до 12—13 часов). Были и длительные перерывы, связанные с общими кратковременными «ропускками» Собрания или Комиссии, а также с переездом Комиссии в конце 1769 г. в Петербург.

Соответственно тем вопросам, которые выносились на обсуждение, в работе Собрания можно выделить несколько этапов. Но эти этапы в известной мере условны, поскольку не знаменовались какими-либо определенными решениями.

Первый этап работы Собрания (август—декабрь 1767 г.). С 8 по 21 заседание (20 августа—11 сентября 1767 г.) Собрание, помимо решения организационно-процедурных вопросов, было занято чтением и обсуждением 12 наказов, представленных от разных категорий государственных крестьян (большинство было от сельского населения Среднего Поволжья).

В зачитанных наказах излагались конкретные «нужды и недостатки», связанные с общим положением крестьянства: плохие урожан, излишнее налогообложение, дополнительные, в том числе незаконные повинности (подворная, мостовая и др.), волокита и разорительность судов, самоуправство в отношении крестьян со стороны местных помещиков и администрации. В их обсуждении приняли участие около 60 депутатов, и более половины из них — дворяне. В основном в их выступ-

лениях выражалось несогласие с требованиями крестьянства предпринять меры по облегчению положения сельского населения. Поддержано было только требование об установлении упрощенного словесного разбирательства в суде дел государственных крестьян. В выступлениях депутатов-купцов явно звучало желание потребовать законодательного запрещения для крестьян на занятия их торговлей, ремеслом, что, однако, не было поддержано депутатами-дворянами. В этом отчетливо проявлялся сословный характер идейных противоречий в Комиссии, о нарастании которых при обсуждении столь острого вопроса свидетельствует выступление депутата от дворянства Обоянского уезда М. Глазова, «язвительными словами и бранью преисполненное» в адрес депутата от однодворцев М. Давыдова.

Оно стало предметом особого разбирательства депутатами, и за «бесчестие» М. Глазов был, согласно «Обряду управления», оштрафован. Но это выступление показало, что среди депутатов имелось немало сторонников такого отношения к проблемам крестьянства, в соответствии с которым все эти проблемы считались вызванными лишь самими же крестьян «леностью и нераспорядительностью» (ранее, на заседании 21 августа, против такого подхода выступал Г. Г. Орлов).

Заседания 22—31 (12 сентября — 2 октября 1767 г.) были посвящены обсуждению законов о правах дворянства. На нескольких заседаниях было зачитано около 60 актов: от отдельных статей из Уложения 1649 г. до сенатских постановлений 1766 г., посвященных преимущественно порядку чиновничьего производства дворян по службе, их личным правам, положению в суде, а также (частично) правам в распоряжении имениями. На этих проблемах и сосредоточилось последующее обсуждение.

В выступлениях депутатов от дворянства (практически только они и приняли участие в этой стадии обсуждений) главной для необходимого совершенствования законодательства была проблема общего укрепления и расширения личных прав и привилегий дворянства как «нарицания в чести» для «наиболее добродетельнейших и более других служащих людей» (ср. ст. 361 «Наказа»). Тон был задан пространным выступлением депутата от дворянства Ярославского уезда князя М. М. Щербатова. Он сформулировал основные позиции, которые в целом соответствовали правительственной политике конца 1750-х — начала 1760-х гг., и в то же время развивали правовые требования дворянства: 1) ограничение права и возможности на приобретение дворянского звания (или даже полное запрещение) иным путем, кроме персонального пожалования монархом; 2) закрепление права дворян на военную и гражданскую службу в качестве привилегии; 3) запрещение подвергать дворянство наказаниям с посягательством на телесную неприкосновенность; 4) укрепление личных и родовых прав дворян в распоряжении и владении имениями⁹¹.

Однако в вопросе о ликвидации «выслуженного дворянства» для недворян (основной социальной реформы, реализованной законодательством Петра I) дворянские депутаты были далеко не единодушны, что отражало идейно-политическую борьбу в среде господствующего класса, значительная часть которого во второй половине XVIII в. состояла из тех, кто вряд ли мог насчитать в роду более двух поколений дворян. Депутат от украинских полков Н. Мотонис обратил внимание на то, что «во всяком роде» был кто-то первый, когда-либо получивший дворянство, и что таковой был «не подл, но добродетелен

⁹¹ См.: РИО. Т. 4. СПб., 1869. С. 149—153.

и заслужен», что сохранение этой традиции вовсе не противоречит «Наказу»⁹². Немногие депутаты от однодворцев и от казачества, выражая прежде всего собственный социальный интерес, также высказались против закрытого характера дворянского сословия. Соответственно духу времени многие видели решение главных правовых проблем посредством «вхождения» в высшее сословие и через приобретение новых привилегий. Однако разногласия мнений приобрела все более идейно обостренный характер; с новым «мнением» выступил непримиримый М. Глазов, охарактеризовав все попытки к социальному размыванию дворянства «лукавым пронырством»⁹³. Поэтому А. И. Бибиков счел за лучшее перейти к новой теме обсуждений.

Заседания 31—67 (2 октября — 26 ноября 1767 г.) были посвящены обсуждению законов о сословных правах купечества и городского населения. Чтение старых законов и указов (свыше 150) началось еще 25 сентября, но собственно мнения депутатов стали поступать со 2 октября. Законы зачитывались не хронологически, а по проблемам: 1) городской суд и права магистратов; 2) сословные права купечества; 3) запись в купечество и (отдельно) в ремесленные цехи; 4) налогообложение городского населения; 5) порядок торговли в городах и др. На них сосредоточились и выступавшие.

Обсуждение законов о купечестве было более «многоголосым», круг выступивших — разнообразнее; особенно активными были депутаты от городов и от казачества. За отдельными проблемами постепенно вырисовывалось и главное требование: закрепить сословную обособленность купечества и городского населения, расширив привилегии городского сословия и запретив крестьянству «конкурирующие» занятия и промыслы. «Российское дворянство приняло уже положение, которого лучше нельзя и желать, — заключал в своем обширном «мнении» депутат от г. Рыбинска А. Попов. — Поэтому и купечество...уповало... что и при сочиняемом проекте нового уложения получит способы к поправлению бедного своего состояния»⁹⁴. «Главный способ» большинства выступавших видели лишь в обособлении купеческих прав и в предоставлении купечеству, наряду с дворянством, права владения крепостными.

Дворянскую программу решения правовых проблем городского населения предложил в своем выступлении (по сути, целом трактате) князь М. М. Щербатов. Его поддержали депутаты-дворяне, но отразить посягательства на исключительность прав дворянства удалось не вполне. Более того, депутат от казачества А. Алейников в повторном, ответном «мнении» 12 декабря, абсолютизируя те из положений «Наказа», где шла речь о «равенстве» и о «вольности», поставил под сомнение уместность и естественность частного владения крестьянами⁹⁵.

О нарастании идейных разногласий свидетельствует и то, что выступления по вопросу о праве казачества и купечества владеть крепостными продолжались и после того, как 26 ноября маршал предложил перейти к следующей теме.

Заседания 68—77 (27 ноября — 14 декабря 1767 г.) были посвящены вопросу о сохранении особого правового статуса Прибалтики и, в особенности, привилегий лифляндского и эстляндского дворянства, основанных на исторической традиции. Этот вопрос являлся одним из самых

⁹² См.: РИО. Т. 4. СПб., 1869. С. 167—170.

⁹³ Там же. С. XXXVI, 211—213.

⁹⁴ РИО. Т. 8. СПб., 1871. С. 38—39.

⁹⁵ См.: там же. С. 369—375.

острых для правительственной политики тех лет⁹⁶. Особого его обсуждения депутаты прибалтийского дворянства потребовали еще в октябре, беспокоившись тем, что при обсуждении прав дворянства вообще полностью забыли особый их статус⁹⁷. Но тогда Собрание, по инициативе маршала, постановило отложить обсуждение.

С 20 ноября были прочтены 20 актов об особых привилегиях Прибалтики, ее городов и дворянства. Робкие попытки депутатов от г. Риги и от лифляндского дворянства отстоять сохранение правовой автономии, а с ней и дополнительные привилегии («права и привилегии лифляндские вполне соответствуют расположению живущего под ними народа») не увенчались успехом. Позицию дворянского большинства Собрания категорично выразил депутат от дворянства Любимского уезда Н. Толмачев (поддержанный более чем 50 депутатами): разность законов «невозможно согласить» со стремлением к «общему благу» и с предписанием «Наказа» о сочинении одинаковых для всех «Ее величества подданных народов» одинаковых законов. Такое же категоричное заключение о непримлемости сохранения действия магдебургского права на Украине Н. Толмачев высказал и по поводу выступления депутата от г. Кнева⁹⁸.

14 декабря, согласно с ранее данным уведомлением от 20 ноября, А. И. Бибииков объявил о перерыве в заседании Комиссии на два месяца. В ходе первого этапа работы Собрание последовательно обсудило основные проблемы социально-правовой политики, намеченные «Наказом»: характер прав дворянства, крестьянства и купечества, или «среднего рода людей». Решений или рекомендаций выработано не было, но высказанные мнения свелись к признанию необходимости унификации правового статуса, регулирования и укрепления прав по сословиям, причем представители каждого из сословий выступили за расширение собственных прав и привилегий.

Второй этап работ Собрания (февраль — декабрь 1768 г.). С 18 февраля 1768 г. Комиссия возобновила работу уже в Петербурге, в Зимнем дворце.

Заседания 78—155 (18 февраля — 10 июля 1768 г.) были посвящены обсуждению законов о юстиции (переход к этой теме был в известной мере логичен: после установления начал сословно-правовой политики, касавшейся отдельных сословий, ставились на обсуждение те правовые начала, которые должны были быть едиными для всех «граждан»). Было заслушано около 200 актов за 1649—1766 гг., регулировавших судопроизводство, формы судопроизводства и частные случаи правоприменения. В последовавшей затем дискуссии депутаты высказали, однако, стремление рекомендовать для разработки законодательства о юстиции новые начала, опираясь на требования наказов по этим проблемам, а не сохранить или переутвердить старую судебную систему и старое судебное право.

Активной критике подверглось судопроизводство по «форме суда», к тому времени практически утратившее судебный смысл и превратившееся в обмен крючкотворными жалобами и обвинениями⁹⁹. Депутаты (Ф. Языков, В. Неклюдов) поставили вопрос о создании словесных судов для всех сословий с упрощенной процедурой. Обсуждение

⁹⁶ См.: Зутис Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946.

⁹⁷ См.: РИО. Т. 4. СПб., 1869. С. 220—222.

⁹⁸ См.: там же. С. 330—331, 338—339.

⁹⁹ «Мнения» А. Толстого, Р. Воронцова, И. Попова, А. Шишкова см.: РИО. Т. 14. СПб. 1875. С. 61—62, 76—82, 88—92, 170—172.

сконцентрировалось на необходимости введения самостоятельной системы судебных органов, подразумевающей реорганизацию действующих судов, упразднение Юстиц-коллегии, учреждение выборных дворянских судов на местах и др. Правда, некоторые депутаты выступали лишь за частичные усовершенствования судебных порядков, однако доминировало требование (прежде всего депутатов-дворян) придать правосудию и судебной организации общественный смысл: «Чтоб люди худова поведения не думали б, что в суде проволочат дело лет 20 и правосудия не сыщут». Идеиные разногласия прорвались наружу, когда ряд депутатов от низших сословий коснулись социального облика правосудия и судебной власти. Примерно с апреля, занявшись рассмотрением указов о сыске и наказании беглых крестьян и об исках по крепостным отношениям, Собрание не могло миновать обсуждения вопроса о правовом положении крестьянства.¹⁰⁰ Совмещение этих двух вопросов выразилось в формировании своего рода объективного политического паллиатива (единственно возможного в рамках принципов «просвещенного абсолютизма»): депутаты все более отстаивали принцип сословности суда как средство исполнения «блаженства каждого и всех».

В марте-апреле Комиссия получила от Екатерины II новые правовые акты в дополнение к тем, которые определяли ход ее работ: гл. 21 и 22 «Наказа» и «Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового уложения».¹⁰¹ В «Начертании» Комиссии предписывалось переключить внимание с обсуждений (порой сопровождавшихся нежелательной остротой) на конкретную работу и организацию частных комиссий по отдельным отраслям проекта (три частные комиссии существовали с сентября 1767 г., но система их устанавливалась только теперь). В апреле-мае 1768 г. свыше 70% времени заседаний Собрания занимали выборы и утверждение состава частных комиссий. Обсуждение законов о юстиции было свернуто.

На заседаниях 155—174 (10 июля — 6 октября 1768 г.) обсуждался первый из завершенных в Комиссии законопроектов: «Проект правам благородных». Посвященный комплексному регулированию сословных прав дворянства, он был подготовлен частной комиссией о государственных родах¹⁰², прошел апробацию в Дирекционной комиссии и, с поправками, был вынесен на рассмотрение Собрания. Такое несколько неожиданное отступление от логической схемы «Наказа» было, по-видимому, обусловлено тем, что летом 1768 г. у Екатерины II возник замысел (самостоятельно или в ответ на представление Комиссии — пока не ясно) о срочном решении вопросов, касающихся дворянства и дворянской службы.

Прения по пунктам и содержанию проекта показали, что дворянство по-разному восприняло правительственный курс решения проблемы укрепления его сословных прав. Не все в этом проекте было безусловно принято; снова, как и при обсуждении законов о дворянстве, в центре внимания оказались вопросы о смысле и характере дворянской службы, о расширении личной и имущественной «вольности» дворян. Хотя «Дополнением к Обряду управления»¹⁰³ предписывалось путем голосования решать разногласия и принимать поправки к проекту, Собрание этого не делало. Обсуждение могло длиться бесконечно, и 6 октября руководство Комиссии предложило, а Собрание «согласилось» отослать проект с замечаниями в Дирекционную комиссию.

¹⁰⁰ См.: Белявский М. Т. Указ. работа. С. 202—238.

¹⁰¹ См.: ПСЗ. Т. 18. № 13075. С. 413—478; № 13095. С. 503—512; № 13096. С. 512—522.

В ходе второго этапа работы Собрание обсудило, с довольно очевидным единством подхода, общие начала судебной политики. Требования сословий в целом показали неприятие существующей системы суда. Но одновременно, на примере итогов этой дискуссии и в особенности итогов обсуждения проекта, все более очевидной была бесцельности таких форм кодификационной и законопроектной работы.

Заключительный этап работ Собрания (октябрь 1768 г. — январь 1769 г.). В последние месяцы своего существования — заседания 175—194 (9 октября — 15 декабря 1768 г.) — Собрание слушало «старые законы, принадлежащие до поместий и отчин» (в общем плане эта проблема была поставлена в гл. 18 «Наказа»). Было зачитано свыше 100 актов, регулировавших порядок приобретения и распоряжения имениями. В небольшом — и по времени и по числу выступивших — обсуждении депутаты затрагивали только вопросы о закреплении точного порядка признания прав на имущество (в том числе недвижимое) и о порядке наследования. Много времени в ноябре 1768 г. заняла процедура поздравления Екатерины II по случаю благополучного окончания ее оспопрививания¹⁰⁴. Обилие же законов о наследстве не давало возможности что-либо конкретно обсудить.

В октябре 1768 г. Турция объявила России войну. Ответный манифест от 18 ноября 1768 г. знаменовал официальное начало русско-турецкой войны.

На заседании 18 декабря 1768 г. А. И. Бибииков объявил о получении указа, согласно которому, по случаю «нарушения мира и тишины», Комиссия реорганизовывалась: поскольку многим из депутатов надлежало прибыть к местам службы, заседания Большого собрания прекращались, все депутаты, кроме избранных в частные комиссии, распускались, «доколе от Нас паки созваны будут»; в частные комиссии указывалось дополнительно избрать новых членов.

Заседания 195—203 (18 декабря 1768 г. — 12 января 1769 г.) были посвящены выборам новых членов в частные комиссии. 12 января 1769 г. А. И. Бибииков произнес заключительную речь, в которой призвал депутатов и далее «вкоренять во всех человеколюбие и просвещение». Несмотря на идейный пафос его речи, чувствовалось явное нежелание вернуться к этой форме работы Комиссии. На этом работа Большого собрания прекратилась. В последующие годы деятельности Комиссии оно (уже далеко не в полном составе) несколько раз собиралось по торжественным случаям или по процедурным вопросам. Но лишь одно из таких заседаний зафиксировано последним, 204 протоколом от 8 июля 1770 г. — даты официального прекращения деятельности Собрания.

§ 2. Организация и правительственное руководство Комиссии. **Общий характер деятельности Комиссии и значение Большого собрания**

Прекращение заседаний Собрания никоим образом не означало ликвидации Комиссии. То, что дискуссии в Собрании и вся его деятельность не завершились принятием определенных законопроектных решений, не означает безуспешности кодификационной деятельности Комиссии

¹⁰² О содержании проекта и работе этой частной комиссии см. ниже, § 2 гл. 4.

¹⁰³ ПСЗ. Т. 18. № 13159. С. 716—718.

¹⁰⁴ Екатерина II была инициатором введения в России этого метода предохранения от оспы. Личный пример, по ее мысли, должен был служить лучшей рекомендацией.

в целом. С самого начала ее создания Комиссия представляла сложный многоэлементный организм.

Создание Комиссии не было результатом борьбы общественных сил. Оно обуславливалось задачами реализации правовой политики монархической власти. Поэтому и формы ее работы не могут рассматриваться вне связи с эпохой, вне государственной организации «просвещенного абсолютизма».

В научной литературе нередко характеризовали Комиссию уложения как законодательную; Большое собрание рассматривали как своего рода российский парламент XVIII в. Такие оценки особенно часто встречались в дореволюционной русской историографии второй половины XIX — начала XX вв. распространены они и в современных западных работах по истории царствования Екатерины II. Однако конкретно-историческая характеристика организации и деятельности и Собрания, и Комиссии в целом не давали для этого никаких оснований. Подобные оценки были продиктованы желанием исследователей — сознательным или неосознанным — выдать политически желаемое за исторически действительное. Соответственно этой общей посылке к оценке работы и общественного значения Собрания применяли чуждые ему критерии парламентского учреждения, а затем, выяснив и так довольно очевидные несовпадения, различными обстоятельствами объясняли «неудачи екатерининской комиссии» (так называлась одна из наиболее примечательных работ по истории Комиссии, принадлежащая перу видного историка права В. И. Сергеевича, оказавшая большое влияние на последующие исследования и научные подходы¹⁰⁵).

Комиссия уложения, однако, не была русским парламентом XVIII в. ни по реальному смыслу своей деятельности, ни, что главное, по политическим и правовым основам своей организации и работы. Большое собрание составляло в рамках работы Комиссии важную, но далеко не исключительную и не основную форму ее деятельности. Более того, в рамках тех задач, что возлагались на Комиссию, широкая деятельность Собрания была излишней и бесплодной. Комиссия представляла собой особую форму привлечения прежде всего господствующего сословия к управлению государством преимущественно на административно-бюрократических началах (которые только и были возможны в рамках абсолютистской государственности), в ней реализовывались принципы «просвещенного абсолютизма» строго в пределах его государственной организации.

И в отношении правовых основ организации, и в отношении реального функционирования в Комиссии изначально доминировали начала не общественного самоуправления и политической самостоятельности учреждения, а правительственного контроля и руководства. Они определяли даже наиболее «общественную» сторону работ Комиссии: статус и полномочия депутатов.

Статус депутатов Комиссии. Депутаты Комиссии прежде всего были лишены общественной и правовой связи с их выборщиками, которая единственно могла обеспечить хоть какую-то независимость и самостоятельность сословного представителя перед правительством. Как уже отмечалось, в основу выборности был положен не принцип делегации полномочий депутату от отдельной группы населения, но указания

¹⁰⁵ См.: Сергеевич В. И. Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. Т. 69. С. 188—264.

на всего лишь способности депутата участвовать в работе этого органа. Правительство пресекало какие-либо попытки депутатов рассматривать себя как представителей пославшего их населения. Специальным указом Сената депутатам воспрещалось ходатайствовать по делам своих «избирателей» в правительственных учреждениях¹⁰⁶, им предписывалось не участвовать в разрешении частных конфликтов или просьб, а «ожидать на представленные от них в оной (Комиссии, — О. О.) наказы новых к общенародной пользе государственных установлений». Еще более категорично отношение правительства к статусу депутатов проявилось в одном из указов 1773 г. Депутаты, вернувшиеся к этому времени домой, вступали в конфликты с местными властями, объявляли себя не подсудными местному суду, подавали от имени выбравшего их населения прошения, ссылаясь на дарованные им по «Обряду управления» привилегии. Сенат прямо указал, что «депутаты по сему званию не что иное суть как только члены Комиссии и должны упражняться в том, для чего она учреждена, а отнюдь не имеют права быть начальниками в своих жилищах»; было запрещено принимать от депутатов какие-либо прошения неличного свойства, а также разъяснялось, что они вполне подсудны обычным судам¹⁰⁷.

Полномочия депутата также не были связаны с фактом его избрания. Как и само звание, они могли быть переданы другому лицу на время или навсегда. Этим правом и воспользовались по разным обстоятельствам около ста депутатов (за все годы деятельности Комиссии). Причем передача полномочий утверждалась Собранием либо (когда оно уже было распущено) другими руководящими органами Комиссии. «Обряд управления» предусматривал право Собрания исключить кого-либо из членов Комиссии за «проступки, противные депутатскому званию». В различной форме разными правовыми актами оговаривалось, что все депутатские полномочия и личные гарантии связываются лишь с реальным участием депутата в законопроектных работах, а не с фактом избрания его. Таким образом, Комиссия уложения не может рассматриваться как представительство населения или сословий.

Екатерина II в руководстве Комиссией. Непосредственного участия в работах Комиссии императрица не принимала. Она не присутствовала (официально) ни разу на заседаниях Собрания, других органов или комиссий. Несколько раз Екатерина II наблюдала за работой Собрания из специального потайного помещения в верхнем ярусе Грановитой палаты Кремля¹⁰⁸. Однако влияние императрицы на текущую работу Комиссии не ограничилось теми несколькими официальными церемониями, которыми сопровождалось открытие ее работ. Екатерина II не устранилась от руководства деятельностью Комиссии. Ее многочисленные, иногда скрупулезные и мелочные указания руководящим лицам Комиссии зафиксированы в более чем 30 отдельных записках и документах (не считая актов, закрепляющих правовые основы деятельности Комиссии). Эти указания еще раз свидетельствуют об отсутствии в деятельности Комиссии существенной самостоятельности.

¹⁰⁶ См.: Указ Сената от 19 июня 1768 г.//ПСЗ. Т. 18. № 13135. С. 691.

¹⁰⁷ См.: Указ Сената от 28 февраля 1773 г.//ПСЗ. Т. 19. № 13953. С. 729—730.

¹⁰⁸ Эта комната была оборудована еще в XVI в. для того, чтобы женские особы царствующего дома могли наблюдать за приемами иностранных послов, по этикету не имея права при этом присутствовать.

Наиболее значительным событием в этой скрытой, «второй» жизни Комиссии было директивное подавление оппозиции лифляндских депутатов. Желание депутатов от прибалтийского дворянства отстоять собственный правовой статус было известно Екатерине II еще до открытия Комиссии. Стремясь предотвратить создание единого «фронта» депутатов остзейского рыцарства, она специальным указанием предоставила (через генерал-прокурора) право избрать своих депутатов и так называемому ландшафту (помещикам, не занесенным в матрикул — дворянско-рыцарский список и находившимся в несколько ущемленном положении)¹⁰⁹. Хотя сам ландшафт был готов отдать полномочия рыцарским депутатам, поскольку по «Обряду о выборах» прав на избрание депутатов не имел. Неприязненно отнеслась императрица к попытке ряда лифляндских депутатов во главе с депутатом от г. Дерпта Ф. Гадебушем противопоставить «Наказу» иную правовую программу.

«Читала я Гадебушева сочинения, которая не токмо весьма дурно переведена, но сверх того вся выписана из Юстинианова права и много во Всероссийской Империи не в поре будет, а очень и вредно; лучше бы они поболее сматрели в Большой Наказ... Я много сие приписываю лифляндской замашки, чтоб быть нашими законодателями, а не от нас получить хотят узаконении»¹¹⁰.

Из этой записки князю А. А. Вяземскому видно, что Екатерина II рассматривала программу «Наказа» в качестве единственно возможного — теоретически и политически — русла для разработок Комиссии. Подобного же превентивного осуждения удостоился с ее стороны ряд депутатов (Г. Ф. Миллер, Ф. Штрубе де Пирмонт, Т. фон Клингштедт), которых она также заподозрила в неприятии «Наказа» и в попытке противопоставить ему «ученую юриспруденцию». Причем идейное несогласие Екатерина II перевела в организационную плоскость, предписывая руководителям Комиссии «быть примечательны, дабы их предубеждении не произвели импрессию противны моим правилам, о чем я стараться буду всячески знакомых не допускать; они же теперь упражняются всякими теперь сочинениями, кои истинно наполнены кривотолками, хотя себя делать имя у слепых, полуученых и полуумных»¹¹¹. При организации работ частных комиссий Екатерина специально озабочилась предписать, чтобы «лифляндцы и эстляндцы посадили в разных частных комиссиях»¹¹². Автор же возмущившего императрицу «клеветнического» трактата Ф. Гадебуш в скором времени был принужден сдать свое депутатство (по-видимому, не без косвенного или прямого давления).

Не выпустила из-под своего контроля Екатерина II и персональный состав руководящих органов Комиссии, а также частных комиссий, которым предстояли основные законопроектные разработки. До выборов депутатов в частные комиссии она предписывала руководству «увещевать» Собрание, с тем чтобы избирали «нужных для дела» людей, причем предполагала и своего рода «кулуарную» подготовку

¹⁰⁹ См.: Указ А. А. Вяземскому от 16 июля 1767 г.//РИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 213.

¹¹⁰ Журнал министерства юстиции. 1915. № 10. С. 201—202.

Екатерина II. Записка «Для известия его сиятельства князя А. А. Вяземского и будущему господину Предводителю К[омиссии] о У[ложении]» [июль] 1767 г.//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 311. Л. 1.

¹¹² Екатерина II. Заметки о порядке выбора в частные комиссии (1767 г.)//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Ч. 1. Л. 145.

этих вопросов («сверх того говорить о том и вне комиссии с депутатами разных чинов»); если же Собрание будет «людей не способных сажать», то руководителям Комиссии следовало выдвигать своих кандидатов, а если же и это не принесет успеха, то «согласить Собранию, чтоб представили мне, дабы я означила, кому быть»¹¹³. Из этого следует, что в распоряжении руководства оставались минимум два средства настоять на желательном составе тех или иных органов (частей) Комиссии. Помимо отдельных указаний, связанных с текущей работой, Екатерина II не упускала случая напомнить руководителям Комиссии о необходимости следить за вопросами для прений, заранее опуская даже из старых законов то, что могло бы вести к ненужной (по ее мысли) их остроте¹¹⁴.

Руководство Комиссии. Руководителями Комиссии были три должностных лица, располагавших разными полномочиями и выполнявших различные функции: генерал-прокурор Сената, маршал, или предводитель депутатов, и директор дневной записки.

Согласно «Обряду управления», генерал-прокурор и маршал должны были играть примерно равнозначную роль, но главным лицом Комиссии был именно генерал-прокурор Сената — князь А. А. Вяземский (1727—1793). Генерал-прокурор как бы представлял в Комиссии позиции верховной власти. Поэтому его организационно-политическая роль была подчинена интересам правительства и самой Екатерины II. Генерал-прокурор обладал рядом императивных полномочий. Как уже отмечалось, решения Собрания, принятые в его отсутствие, не имели правовой силы. Согласно дополнительной специальной инструкции Екатерины II, генерал-прокурор «имел смотрение» за деятельностью частных комиссий и они должны были принимать во внимание его сомнения и мнения; депутаты не могли представлять что-либо для доклада императрице без согласия генерал-прокурора¹¹⁵. Практически именно ему подчинялась делопроизводственная и канцелярская сторона деятельности Комиссии.

Наличие еще одной руководящей должности в Комиссии — маршала, или депутатского предводителя, который должен был руководить не содержательной, но преимущественно организационной стороной заседаний и ходом прений и быть своего рода воплощением депутатского корпуса, было вызвано также соображениями административной политики. Введение императрицей должности маршала вызвало некоторые недоумения в Сенате и среди высших сановников, да и А. А. Вяземский расценил это как своего рода недоверие. Екатерина II сочла необходимым дополнительно разъяснить свою цель. Общий смысл ее разъяснения («естыи б возможности было одного человека к тому употребить, я б двух не определила») заключался в том, что двойное управление Комиссией поможет избежать субъективизма при принятии решений, большее внимание будет обращено на «благополучие империи». Маршалу с генерал-прокурором надлежало «как возможно дружнее, откровеннее и советнее жить, обходиться и поступать, и чтоб и вида разногласия не подавать», довести «дело к благополучному концу»¹¹⁶.

¹¹³ ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Ч. 1. Л. 145.

¹¹⁴ См.: Журнал министерства юстиции. 1915. № 10. С. 199—203.

¹¹⁵ См.: набросок инструкции [1767 г.]//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 315. Л. 2—4 об.

¹¹⁶ См.: ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 317. Л. 1—2; Дух журналов. М., 1816. Ч. XIII. С. 20—22.

Маршал располагал сходными с генерал-прокурором полномочиями. Как наиболее доверенным своим лицам, Екатерина II поручала им делать те или иные официальные заявления и выступать от ее имени. Эти должности дополнительно оплачивались (по 5 тыс. руб. в год).

К числу руководящих лиц Комиссии был отнесен и директор дневной записки. Им был назначен граф А. П. Шувалов (1744—1789), депутат от пахотных солдат Орловской провинции. Полномочия его Екатерина II определила в дополнительном секретном (!) наказе.¹¹⁷ Директору надлежало руководить составлением протоколов Большого собрания (которые он лично утверждал и представлял императрице), а также ведением протоколов частных комиссий: «онные записки вести и сочинять под его директора смотрении, которой из оных имеет составлять недельный журнал». Все протоколисты и секретари Комиссии отдавались под начало директора, имевшего право «определять их по своему рассмотрению». Сам же директор объявлялся зависящим только от монарха: «Директор независим ни от кого кроме Нас». Тем самым Екатерина II определила директора дневных записок еще одним руководящим лицом в Комиссии, особенно важным для нее тем, что, не подвергаясь влиянию ни маршала, ни генерал-прокурора, он представлял ей письменные отчеты о делах и прениях в Комиссии. При возможных осложнениях в работе руководители Комиссии должны были, по указанию Екатерины II, советоваться между собой, «в чем всем троем мы надежны». Однако с роспуском Большого собрания должность директора была упразднена.¹¹⁸

Руководящие органы Комиссии. «Обрядом управления» предусматривалось, что работа Комиссии, кроме Собрания, будет проходить в особых, частных комиссиях. Три из них занимали особое положение, поскольку не имели конкретных задач по разработке той или иной кодификационной части и играли своего рода организационно-руководящую роль.

Дирекционная комиссия была как бы президиумом Комиссии уложения. Основные ее права, задачи и полномочия характеризовались в п. VII «Обряда управления»: руководить формированием состава частных комиссий, контролировать организацию их работ, а главное — содержание разрабатываемых проектов. Комиссия была образована 9—20 августа 1767 г. По большинству голосов и по утверждению императрицы (далеко не в соответствии с относительным большинством полученных голосов) членами Дирекционной комиссии стали митрополит Дмитрий, граф И. Г. Орлов, граф З. Г. Чернышев, Д. В. Волков и Н. Муравьев; позднее кандидатами в комиссию (только с совещательным голосом) были выбраны М. С. Мордвинов, князь М. М. Щербатов, граф П. И. Панин. Как видно, члены этой комиссии были исключительно дворянскими депутатами и к тому же принадлежали к высшей сановой бюрократии.

За четыре года работы Дирекционная комиссия провела около 200 заседаний, которые преимущественно были посвящены кодификационным вопросам: рассмотрению планов по отдельным частям проекта уложения, их утверждению, согласованию работ частных ко-

¹¹⁷ См.: Черновик наказа. [13 августа 1768 г.]//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Ч. 1. Л. 144об.

¹¹⁸ См.: Указ Комиссии от 5 июня 1769 г.//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 564. Ч. 5. Л. 36об.

миссий, внесению необходимых исправлений и представлению материалов для обсуждения в Большом собрании. Кроме протоколов, основными документами Дирекционной комиссии были так называемые экстракты (выписки из протоколов), которые посылались в другие органы Комиссии и которые были обязательны к исполнению. Дирекционная комиссия руководила также организационно-техническим обеспечением всей деятельности Комиссии уложения: запросами в архивы, в Сенат и т. д.

«Обряд управления» предусматривал создание специальной Экспедиционной комиссии, задача которой полагалась в том, чтобы «других комиссий положения написать по правилам языка и слога», без этого ничего не могло быть внесено в доклад императрице (п. IX). Учреждена она была 27 августа 1767 г., когда Собрание избрало в нее пять членов, а позднее еще пять кандидатов — князя М. Н. Волконского, графа Г. Г. Орлова, И. П. Елагина, М. Н. Приклонского, Г. В. Козицкого, Г. В. Полетнику, С. Глебова, В. А. Всеволожского. Однако к реальной работе Экспедиционная комиссия, по-видимому, не приступала, и никаких ее материалов в делах Комиссии уложения не сохранилось.

Третьей важнейшей общего значения комиссией была Комиссия о разборе наказов и проектов. Она была образована 14 августа 1767 г. Собрание избрало в нее пятерых депутатов: графа Р. Л. Воронцова, графа А. Г. Строганова, П. Орлова (одно время замещавшегося Е. Фефеловым), И. Пискарева (также временно замещавшегося А. Кукиным), И. Мещанинова, М. Фелисова, а позднее еще трех кандидатов.

Деятельность этой комиссии была наиболее продолжительной: за пять лет было проведено свыше 300 заседаний. Основная задача состояла, во-первых, в разборе наказов под углом определения депутатских полномочий, то есть она стала своего рода мандатным органом Комиссии уложения; во-вторых, в анализе наказов и других подаваемых мнений и проектов депутатов. На основе этого анализа делопроизводители Комиссии о разборе наказов составляли экстракты и выписки «по материям», которые передавались в другие частные комиссии и служили основой для выяснения пожеланий и требований по отдельным правовым проблемам.

Руководящие органы Комиссии уложения практически были полностью дворянскими. Так, из пяти членов и трех кандидатов Дирекционной комиссии семь депутатов были дворянами и один — из высшего духовенства; пять членов и три кандидата Экспедиционной комиссии были дворянами; из восьми членов и кандидатов Комиссии о разборе наказов только двое были городскими депутатами и принадлежали сословно к мещанству. Причем более половины членов были не только дворянскими депутатами, но и принадлежали к правительственной бюрократии или высшему сановному слою. Дворянство и дворянская элита явно доминировали в руководящих органах Комиссии, которые занимали важное место не только в организации работ, но и в определении содержательной стороны кодификационных разработок.

Комиссия уложения располагала обширным секретариатом при генерал-прокуроре, при директоре дневных записок и при Дирекционной комиссии. В него были направлены свыше ста делопроизводителей из канцелярий Сената, а также студенты Московского университета и младшие офицеры гвардейских полков (в качестве писцов и младших секретарей). В числе последних оказались будущий российский фельд-маршал и полководец М. И. Голенищев-Кутузов, известный книго-

издатель и общественный деятель Н. И. Новиков, будущие писатели М. И. Попов, Г. Р. Державин и другие видные деятели эпохи русского Просвещения.

Руководил общей канцелярией и секретариатом С. Кошкильт, который занимал ту же должность и при Комиссии 1754—1766 гг. на втором этапе ее деятельности. Протоколы частных комиссий вели держатели дневных записок. Секретарские обязанности в комиссиях исполняли так называемые сочинители (как правило, чиновники Сената); в их обязанности входило составлять планы работ, отчеты и, главное, тексты проектов и предположений частных комиссий по законодательству.

Руководящие лица Комиссии уложения привлекали к работе и профессиональных законоведов. «Генерал-прокурорским наказом» Екатерина II предписала привлечь к работам «законоискусников» (п. 12). При генерал-прокуроре князе А. А. Вяземском в качестве такого юрисконсульта состоял специально вызванный из Франции не очень известный, но весьма квалифицированный парижский адвокат Шарль Де Вильер, который рассматривал большинство представлявшихся в Дирекционную комиссию планов и делал предварительные заключения и замечания для генерал-прокурора. Директор дневных записок А. П. Шувалов для этих же целей привлек одного из первых русских ученых-юристов С. Е. Десницкого, который представлял ему рассуждения и замечания общетеоретического характера.

Работе Комиссии уложения на первых порах правительство стремилось придать общественный и гласный характер. Начало работ и выборы первых комиссий, организация Комиссии подробно освещались «Московскими ведомостями». В потайную комнату в Грановитой палате для наблюдения за работами Собрания допускались посторонние лица. Такая же комната была и в Петербурге. Допуск туда осуществлялся по билетам¹¹⁹. Информация о заседаниях и о порядке сбора депутатов вывешивалась у Грановитой палаты, а также при полицейских «съезжих» дворах¹²⁰. Таким образом, работа Комиссии уложения стала доступной для общего знакомства и послам иностранных государств, хотя оценивали они ее значение и направленность по-разному¹²¹.

¹¹⁹ См.: Указ А. А. Вяземскому от 8 марта 1768 г.//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 464. Л. 153об.

¹²⁰ См.: Указ от 3 августа 1767 г.//Там же. Л. 140.

¹²¹ См.: Кнорринг Н. Н. Екатерининская Законодательная комиссия 1767 г. в освещении иностранных резидентов при русском дворе//Сб. статей, посвященный П. Н. Милюкову. Прага, 1929. С. 327—350.

Глава 4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОЕКТЫ КОМИССИИ УЛОЖЕНИЯ. II: РАБОТА ЧАСТНЫХ КОМИССИЙ

§ 1. Организационные принципы деятельности частных комиссий

Второй и, сравнительно с деятельностью Большого собрания, более важной формой работы Комиссии уложения стала деятельность частных комиссий, которые создавались для работы над проектами отдельных частей будущего уложения.

Организация частных комиссий была предусмотрена в общем виде «Обрядом управления» (п. VII): они должны были создаваться по рекомендации Дирекционной комиссии в составе не более пяти депутатов; предполагалось, что Дирекционная комиссия будет руководить их работой и в нее будут представляться завершенные проекты¹²². Частные комиссии могли иметь сношение с местными органами управления, решения в отношении разработки порученных им частей уложения должны приниматься большинством голосов (пп. VIII, XVIII) — других характеристик статуса частных комиссий «Обряд управления» не отмечал¹²³.

Такое первоначально ограниченное внимание Екатерины II к частным комиссиям, по-видимому, объяснялось, во-первых, ее преувеличенными представлениями о возможностях деятельности Собрания депутатов, во-вторых, — недостаточной проработкой форм конкретной законопроектной деятельности Комиссии. По мере того, как проявлялся общественно-идейный смысл заседаний Большого собрания, внимание императрицы и руководства Комиссии к другой стороне ее деятельности усиливалось.

Это нашло отражение в заметке Екатерины II, где она явно имела в виду опыт работы Собрания: «Все многочисленное собрание народа или представителей не способно решать инако, как через «Да» или «Нет», так как когда в первую голову зачтут то, что пятеры установят и чтобы развернулся спор между депутатами надо свести вопрос к простому и потребовать: желаете ли так или нет?»¹²⁴.

Первые частные комиссии были созданы уже в начале деятельности Комиссии уложения — в сентябре-октябре 1767 г. 6 сентября Собрание депутатов баллотировало членов в частную Комиссию о разборе государственных родов¹²⁵, 11 сентября она была уже сформирована. 24 сентября начала свою работу частная Комиссия о юстиции, 11 октября — Комиссия об именах. Этими тремя комиссиями первоначально и ограничилось руководство Комиссии уложения (и инициатива образования, и исходные общие указания о направлении деятельности исходили только от ее руководства, депутаты принимали в этом пассивное участие). Как видно, первоначально частные комиссии

¹²² См.: ПСЗ. Т. 18. № 12948. С. 183—184. Здесь же были названы возможные (только для примера) комиссии: для рассмотрения юстицких, отчинных, судебных, до торговли касающихся, земледельческих, деревенских, о сохранении лесов, городских, полицейских и прочих законов, обрядов и указов.

¹²³ См.: там же. С. 184, 190.

¹²⁴ Цит. по: Флоровский А. В. Указ. работа. С. 27.

¹²⁵ См.: РИО. Т. 4. СПб., 1869. С. 132, 137.

предполагались элементом, подчиненным работе Большого собрания, и создавались они в зависимости от тех вопросов, которые выносились (или предполагалось их вынесение) на его обсуждение, для доработки подготовленных депутатами указаний и разработки законопроекта.

С изданием «Начертания о приведении к окончанию Комиссии проекта нового уложения» (апрель 1768 г.) система частных комиссий обрела большую широту и новый смысл: именно в частные комиссии направленно переносилась основная работа по выработке уложения. И сама система этих комиссий устанавливалась Екатериной II в зависимости от структуры будущего свода законов с тем, чтобы каждой комиссии предстояло подготовить определенную книгу или главу этого свода. Согласно «Начертанию», предписывалось создать (с учетом трёх существующих) 15 частных комиссий: о порядке государства в силе общего права; о городах; духовно-гражданскую; о правосудии вообще; для остережения противоречий между воинскими и гражданскими законами; о благочинии; о училищах и призрения требующих; о почтах и гостиницах; о размножении народа, земледелия, домостроительства, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах; о рудокопании, сбережении и растении лесов и о торговле вообще; для рассмотрения образа сборов и образа расходов; о государственных родах жителей; о разных установлениях, касающихся до лиц; о имениях; о обязательствах. Правовые разработки частных комиссий должны были охватить все сферы законодательного регулирования государственной и общественной организации и отвечали не только чисто прагматическому замыслу правовой политики, но и теоретической схеме будущего свода законов, как он виделся Екатерине II.

Образование новых и преобразование прежних частных комиссий и выборы членов заняли большую часть работы Собрания в апреле-мае 1768 г. В ноябре-декабре 1768 г. состав комиссий был изменен и дополнен в связи с прекращением работ Большого собрания, сдачей многими депутатами полномочий и их отъездом. Но в целом персональный состав частных комиссий был определен на первых выборах.

В каждую частную комиссию избирались по пять депутатов. Некоторые из членов комиссий брали себе помощников (с совещательным голосом) или кандидатов. С учетом частичного обновления состава в каждой комиссии работало по пять-семь членов и до трех кандидатов. Всего это составило до 94 депутатов — членов частных комиссий и до 45 депутатов — кандидатов. Формально 95 из них были депутатами от дворянства и 44 — от других сословий, но фактически дворянами были 106 депутатов (33 депутата принадлежали к другим сословиям). Доминирование дворянства в частных комиссиях было не таким разительным, как в руководящих органах Комиссии уложения, но достаточно очевидным. Соотношение депутатов-дворян и депутатов от других сословий в частных комиссиях (примерно 3:1) было значительно выше, чем в составе Комиссии. Кроме того, значительную часть депутатов в частных комиссиях составляли служащие высших правительственных учреждений. То есть изначально законопроектная работа была подчинена не только интересам дворянства, но и правительственной политике.

«Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового уложения». «Начертание» дополнило круг тех актов, которыми устанавливались правовые основы деятельности Комиссии уложения¹²⁶. Оно

¹²⁶ См.: ПСЗ. Т. 18. № 13095. С. 503—512.

содержало и некоторые дополнительные общеправовые идеи, которые продолжали и развивали политическую доктрину «Наказа» Екатерины II.

Как и «Наказ», «Начертание» было составлено самой императрицей, которая использовала некоторые предварительные разработки других лиц¹²⁷. Замысел создания этого акта, как и идея «приведения к окончанию» работ Комиссии, возникла у Екатерины II, очевидно, с началом второго этапа деятельности Большого собрания и Комиссии уложения: именно тогда она поручила директору дневной записки графу А. П. Шувалову составить общий план разработки государственных законов, которому бы надлежало следовать Комиссии. А. П. Шувалов составил план, в котором использовал некоторые предварительные заготовки своего консультанта — впоследствии известного правоведа и просветителя С. Е. Десницкого, а также выписки и материалы Екатерины II из ее заготовок к «Наказу». Затем этот план был дважды переработан императрицей, многое было изменено и исключено, частично в силу расхождений ее теоретических и политических воззрений с предложениями А. П. Шувалова. 8 апреля 1768 г. «Начертание» было официально направлено в Комиссию уложения.

«Начертание» развивало законодательную программу «Наказа», но уже с учетом теоретической и логической схемы будущего уложения. Распределение отдельных правовых норм и правовых разделов должно было, по идее Екатерины II, следовать разделению всей работы на то, что относится к *праву общему* (отражающему регулирование «положения государства»), и на то, что относится к *праву особенному*, «которое сделано для пользы каждого лица особенно» (отражающему регулирование «положения гражданина»)¹²⁸.

При разработке принципов *права общего* надлежало установить «обыряды общие, необходимо нужные для сохранения целости, доброго порядка и тишины государства»¹²⁹, то есть правоположения о полномочиях верховной власти, нормы для регулирования прав и полномочий органов государственного управления, принципы административно-территориального деления и, в частности, деления городов согласно этому делению, права и положение православной веры и церкви, порядок судопроизводства и судебную систему, основы уголовного права, воинского управления, а также полицейского управления и «благочиния». К сфере права общего было отнесено регулирование государственного хозяйства и общественных учреждений (учебные заведения, медицинские, почты и гостиницы). Соответственно давались общие указания о направлении работы каждой из частных комиссий, которым поручалась подготовка разделов общего права.

При разработке принципов *права особенного* надлежало подготовить «все те узаконения и установления, которыми каждому гражданину, живущему с прочими в обществе, как в рассуждении его самого, так и в рассуждении его имущества и обязательств», гарантируется «польза и безопасность». Эти принципы должны были зафиксировать, в качестве правовых объектов: 1) лица; 2) вещи; 3) обязатель-

¹²⁷ Об истории создания «Начертания» см.: Флоровский А. В. Два произведения имп. Екатерины II для Законодательной комиссии 1767—1774 гг. // Русский архив. 1917. Кн. 2/3. С. 1—44.

¹²⁸ См.: Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового уложения. СПб., 1768. С. 2. Далее сокращенно — Начертание. В выделении общего и особенного права доктрина «Наказа» — «Начертания» обнаруживала влияние той правовой школы Запада, где от римского права сохранялось деление на публичное и на частное.

¹²⁹ Там же. С. 2—3.

ства¹³⁰. Этим подразумевалась регламентация сословных прав («Начертание» уже вполне определено, по сравнению с «Наказом», указывало на три сословия: дворянство, «средний род людей» и «нижний род людей»), брачно-семейного права и опеки, прав лиц по распоряжению имуществом (согласно «Начертанию» — движимым и недвижимым) и обязательств в имущественных отношениях. В отличие от той, что посвящалась праву общему, эта часть «Начертания» содержала и позитивные характеристики правовой материи, которую предписывалось развивать соответствующим частным комиссиям.

«Наставления» Дирекционной комиссии. На основе «Начертания» и развивая его принципы, в Дирекционной комиссии были разработаны два обширных наставления, в которых доводились до сведения создаваемых частных комиссий их конкретные задачи и формулировались общие кодификационно-технические приемы работы. Эти наставления, утвержденные Дирекционной комиссией 27 апреля 1768 г., представляли собой отправные организационные акты, положившие начало работе частных комиссий¹³¹.

Первое из наставлений — «Наставление для всех частных комиссий равно служащее» — посвящено изложению порядка работы комиссий и общих кодификационно-технических приемов. Комиссиям предписывалось, следуя «Начертанию» и «Наказу», составить планы работы, которые бы отражали структуру правового содержания разрабатываемых разделов уложения, и представить их на утверждение Дирекционной комиссии; затем на основе тематического анализа старого законодательства определить правовые принципы своего раздела. Дирекционная комиссия специально обращала внимание на то, что приверженность старому законодательству не обязательна и даже нежелательна, и комиссиям следовало сочинять законы, руководствуясь более общими идеями — действительным положением государства, «прочной оною для переду (то есть на будущее. — О. О.) пользе и славе и вкореняемому в народе благонравию и премудрым, никогда не опровергаемым правилам большого Наказа». Основными источниками при сочинении законов должны были стать, «во-первых, Наказ, а потом — здравой рассудок, любовь к отечеству и должная благодарность к строительнице блаженства нашего». Также указывалось на общие технические приемы выписок и заготовок к законопроектам, на необходимость сношения различных частных комиссий между собой и с правительственными учреждениями, но под контролем и через посредство Дирекционной комиссии. Все возникающие осложнения и затруднения в работе предписывалось разрешать особо в Дирекционной комиссии.

Второе, «Большое наставление»¹³² — содержало конкретные предписания для каждой из 16 комиссий, подведомственных Дирекционной (частной Комиссии о разборе наказов и 15 отраслевых), касающиеся того, чем и на основе каких правовых принципов им надлежит заниматься и какие начала должны быть отражены в итоговых проектах. С точки зрения содержания эти предписания незначительно, в рамках доктрины, но все же отклонялись от «Наказа». В них было усилено государственническое прочтение основных принципов «просвещенного абсолютизма», подчеркивалась необходимость соблюдения не столько «прав и безопасности гражданина» (как то было в «Наказе»),

¹³⁰ См.: там же. С. 16—17.

¹³¹ Оба наставления были размножены по числу частных комиссий. Копии в числе 15 экземпляров см.: ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 143. Л. 32—352. (см. приложение 2).

¹³² ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 112. Кн. 2. Л. 3—32.

сколько государственного интереса, в том числе в осуществлении правосудия, в охране законности, в мере предоставляемых имущественных прав.

«Наставления» свидетельствовали о том, что руководящие органы Комиссии уложения не оставляли без контроля содержательную сторону законопроектных разработок даже на стадии их планирования. Частным комиссиям давались директивные указания не только о формах и порядке работы, но и о правовых принципах содержания законопроектов.

↑ **Порядок работы частных комиссий.** В силу конкретности инструктивных предписаний, родства порученных задач во всех частных комиссиях сложился примерно одинаковый порядок работы. Возможно также, что они получили и соответствующие дополнительные указания о процедуре заседаний и общем ходе составления законопроектов, потому что порядок их работы довольно точно следовал тому, который намечен в черновой выписке императрицы.¹³³

Задача каждой комиссии была поставлена «Начертанием» и конкретизирована «Большим наставлением» Дирекционной комиссии. Этим определялась правовая сфера и главные идеи законопроектов. Конкретный материал черпался из старого русского и иностранного законодательства. На заседаниях частных комиссий зачитывались относившиеся к их деятельности законы и указы (начиная в основном с 1649 г., но бывали и экскурсы в церковное право, а также в более раннее по времени законодательство). Вторым источником, с которым подробно, в извлечениях или полными текстами, знакомились члены частных комиссий, были депутатские указы и материалы обсуждения в Большом собрании. Затем члены частной комиссии составляли, утверждали план-проспект своих занятий, который одновременно был канвой соответствующей части уложения. План-проспект передавался в Дирекционную комиссию, утверждался там и возвращался в частную комиссию (иногда предварительно планы возвращались для исправления).

Затем, как правило, план-проспект раздавали отдельным членам частной комиссии для разработки каждым своего раздела. Текст подготовленных законопроектов обсуждался на заседаниях, в него вносились поправки и дополнения, он согласовывался с Дирекционной комиссией, с другими частными комиссиями. В дополнение к собственному законопроекту, если он был выработан окончательно и утвержден комиссией, составлялся свод указаний и ссылок на старое законодательство, откуда брались нормы. Этой работой занимались уже не депутаты, а сочинители-секретари комиссий. Как правило, не реже одного раза в месяц каждую частную комиссию посещал кто-либо из руководящих лиц Комиссии уложения. Заседания продолжались по 1—2 часа, по утрам, два-четыре раза в неделю. Частыми были отсутствия кого-либо из депутатов-членов комиссий: по обстоятельствам службы, болезни, отпуску и др.

Документы частных комиссий. Частные комиссии выработали и собственное однотипное делопроизводство, которое, с одной стороны, отражало их деятельность, с другой — представляло главный материал их работы. Все частные комиссии, помимо наставлений Дирекционной комиссии, получали экстракты (выписки) из ее протоколов с решениями по предмету работы частной комиссии. Из Комиссии о разборе

¹³³ «Всякая частная комиссия положить должна правилом, чтоб прежде всего толковать точно по правилам Большого наказа, что есть та часть, о которой ей поручено трудиться. Потом — к какому концу ее вести, потом разобрать по сему местные указы, кои сходственны или несходственны. Потом зачнет

наказов все частные комиссии получали сводки соответствующих наказов и депутатских мнений (правда, Комиссия о разборе наказов окончила эту работу довольно поздно, к 1770 г.). Кроме того, из Сената, его архива, архивов коллегий (через Дирекционную комиссию) передавались тематические подборки законов. Иностранные законы представлялись в переводах, сделанных при Дирекционной комиссии. Некоторая часть депутатских мнений и представлений передавалась в частные комиссии в полных текстах.

Главной формой делопроизводства частных комиссий, отражавшей их работу, были протоколы заседаний — дневные записки, которые велись по определенной форме и содержание которых контролировалось руководством Комиссии уложения. Правда, содержание обсуждений протоколы передавали лишь в самом общем виде. Почти все частные комиссии представили свои планы-проспекты и пояснительные к ним материалы; большинство комиссий выработало также законопроекты по отдельным разделам уложения или областям права. Некоторые из членов частных комиссий представили собственные записки и планы законов. Наконец, комиссии представляли в Дирекционную комиссию краткие отчеты о ходе своей работы. Запросы в другие частные комиссии и ответы на них оформлялись отношениями, которых было немного и содержательное значение которых невелико.

§ 2. Законопроектная работа частных комиссий¹³⁴

Комиссия о порядке государства в силе общего права была образована в апреле 1768 г. В ее состав вошли граф А. П. Шувалов (руководитель работ), А. Нарышкин, Ф. Веригин, граф И. Головкин и барон Ф. Левенвольд. За исключением А. П. Шувалова, который считался депутатом от пахотных солдат Орловской провинции, все они были депутатами от дворянства и должностными лицами центральных государственных учреждений.

Комиссия о порядке государства работала около четырех лет — с 22 апреля 1768 г. по 6 октября 1771 г. За это время проведено 248 заседаний, большая часть которых состоялась в первые два года¹³⁵.

И в «Начертании», и в «Наставлениях» Дирекционной комиссии задачи комиссии сформулированы в самой общей форме. Объясняется это тем, что она должна была зафиксировать в законе принципы государственной организации и структуру государственного аппарата — то есть решить самые принципиальные вопросы, не столько правовые, сколько политические. Поэтому Комиссия о порядке государства считалась одновременно «под собственным ведением» императрицы и от нее получила конкретный план работы. Это, а также то, что комиссию возглавлял А. П. Шувалов, один из руководящих лиц Комиссии уложения, ставило комиссию в особое положение.

План работы комиссии составили специально написанные Екатериной II «Три урока»¹³⁶. В первом «уроке» предлагалось выяснить

делать статьи и сколько прилично придумает и оных справляет с Большим наказом»//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 318. Л. 14.

¹³⁴ Ниже освещены работа и правовые разработки только важнейших комиссий. Отбор диктовался прежде всего тем, насколько те или иные проекты и предложения комиссии касались собственно вопросов права.

¹³⁵ См.: «Дневные записки» комиссии//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 123. Кн. 1—4.

¹³⁶ Официальные копии «уроков» (29 апреля, 20 мая и 26 мая 1768 г.) см.: ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Ч. 3. Л. 284—289. Об истории текста «уроков» см.: Фадоровский А. В. Два произведения имп. Екатерины II для Законодательной комиссии 1767—1774 гг.//Русский архив. 1917. Кн. 23. С. 24—44.

«нынешнее состояние государства во всех оного частях», прежде всего «какие суть ныне правительства в России», проанализировать систему государственных учреждений и административно-территориального деления с точки зрения «неудобств» и проблем усовершенствования. Во втором «уроке» предлагались конкретные вопросы для разработки нового административно-территориального деления, упорядочив его по двухзвенной системе (губерния-наместничество и уезд) и следуя «умеренной величине» губерний, сохранению их естественных границ и притом, по возможности, создавая их пропорционально числу жителей, а также «в видах скорейшего и удобного сношения» центра наместничества с периферией. В третьем «уроке» предписывалось разработать схему государственного управления, определить компетенцию и полномочия каждого из «правительств», наметить внутренний распорядок каждого такого органа, имея в виду возможности значительной реорганизации существующего государственного аппарата («комиссии подобает основательно рассмотреть, каким правительствам, канцеляриям или канторам полезно быть и нет ли таких, коим полезнее быть вмененным в другие; насупротив же того, нет ли надобности иные вновь устроить?»)¹³⁷.

В целом работа комиссии осталась незавершенной: из трех «уроков» выполнены только два (в октябре 1770 г. комиссия обсуждала поправки к сочинениям по первым двум «урокам» и «рассуждала» о том, как начинать «третий»). С начала 1771 г. заседания проходили формально, работа не двигалась. Определенно нельзя также сказать, были ли в итоге написаны завершенные законопроекты, поскольку ни в делах Комиссии уложения, ни в архиве Кабинета Екатерины II их нет. В протоколах заседаний имеются упоминания о том, что в выполнение первого «урока» комиссия составляла пространное сочинение, содержавшее описание системы государственного управления, под названием «Чертеж нынешнего России правления (опыт)». Оно включало три раздела: 1) о правительствах (1—7 пункты «урока»); 2) о губерниях или наместничествах (пп. 8—13); 3) о наказаниях и голосах, касающихся «до правительств» (пп. 14—16); 4) заключение (п. 17). Однако содержание самого сочинения неизвестно. Поэтому реальными итогами деятельности комиссии можно считать только те решения, которые она принимала в ходе заседаний и которые имели изолированный характер. Эти решения тем не менее отразили самые важные тенденции правовой политики правительства и направление предполагавшихся реформ.

Большую часть времени на своих заседаниях Комиссия о порядке государства уделяла анализу административно-территориального деления империи. Для работы Сенат предоставил комиссии секретную карту и секретные росписи численности населения. Первое, что вынуждена была признать комиссия, — это крайнюю приблизительность и неточность карт и невозможность узнать реальное число жителей по уездам, губерниям и наместничествам. Поэтому решено было составить только ведомость существующих губерний, исходя из примерной их протяженности (в верстах). Однако сохранение 16 губерний было признано нецелесообразным.

Комбинируя варианты, соединяя и разъединяя уезды, комиссия выделила в предполагаемом административно-территориальном устройстве 25 губерний, каждая из которых имела своим центром крупный город. 17 августа 1769 г. комиссия установила общие принципы

¹³⁷ ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Ч. 3. Л. 288об.-289.

административно-территориального деления, взяв за основу примерно равную численность проживающего населения: губерния должна была насчитывать от 450 до 600 тыс., провинция от 70 до 120 тыс., уезд — от 25 до 40 тыс. жителей (имелось в виду, конечно, податное население, поскольку исходили из переписи третьей ревизии)¹³⁸.

Второй крупный вопрос, зафиксированный решениями комиссии, — предположения по радикальной реорганизации центрального аппарата. В связи с анализом несовершенств деятельности большинства административно-судебных органов центрального аппарата, учитывая критику государственного управления, отраженную прежде всего в дворянских наказах, комиссия пришла к мысли перенести тяжесть реального государственного управления на места — в губернии и провинции, где после разукрупнения создавались бы местные органы управления с большими полномочиями. Комиссия предложила упразднить Вотчинную, Ревизион-, Мануфактур- и Экономии коллегии, а также Главный магистрат с поручением подведомственных им дел губернским учреждениям или создаваемым при Сенате вспомогательным органам (вместо Вотчинной коллегии — вотчинный архив, вместо Ревизион-коллегии — счетный департамент; дела Мануфактур-коллегии поручить Коммерц-коллегии и др.)¹³⁹. Для новых коллегий члены комиссии разрабатывали новые установления — регламенты, причем, по предложению А. Нарышкина, предусматривалось ввести единообразное деление коллегий по двум департаментам.

В связи с общим направлением разработок комиссия не могла не затронуть принципиальных вопросов судебной организации. Она высказалась за полное разделение судебной и административной функций государственного аппарата (что было едва ли не важнейшим изъяном существовавшей судебной системы), в том числе на губернском уровне: «Лучше будет отделить совсем суд и расправу от государственных дел»¹⁴⁰. Судебная организация должна была опираться на систему преимущественно местных судов, соподчиненных в три инстанции: уездные судные приказы — провинциальные судные приказы — губернские апелляционные надворные суды, или расправные палаты; высшей, четвертой инстанцией, но исключительно апелляционной предполагался Сенат. В городах сохранялись суды магистратов, но также с соподчинением уездной и губернской инстанций. Особыми органами предполагалось учредить словесные суды для крестьян и земские мировые суды для дворянства. Высказались члены комиссии и за желательность гласного и открытого судебного разбирательства. Но вместе с тем судебные органы — и это отражало требования депутатов об усилении сословной защищенности в суде — должны были быть сословными; специально обсудив возможность образования единых судов, комиссия признала это невозможным из-за реальности межсословных отношений, а «естли во всех предполагать добрую волю, то бы многие трудности в законодательстве само собою не были»¹⁴¹.

Основные решения комиссии оказались в русле последующей политики правительства. Предположение о реорганизации центрального аппарата

¹³⁸ См.: Протокол заседания 17 августа 1769 г.//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 123. Кн. 2. Л. 52.

¹³⁹ См.: Протокол заседания 28 сентября 1769 г.//Там же. Л. 64—64об.

¹⁴⁰ Протокол заседания 14 мая 1769 г.//Там же. Л. 29об.

¹⁴¹ Протокол заседания 9 февраля 1769 г.//Там же. Л. 9.

было почти в той же форме осуществлено при реформе коллегий 1784—1786 гг., а разработанные принципы административного деления, разукрупнения губерний и судебной организации предвосхищали основы губернской реформы 1775 г.

Комиссия о разделении государственных жителей на разные роды. Эта комиссия была создана в числе первых трех, в сентябре 1767 г., по решению Собрания депутатов для разработки конкретных положений по правам каждого сословия. Ее состав не был постоянным. В разное время в комиссию входили князь А. М. Голицын, граф Я. А. Брюс, барон И. А. Унгерн-Штернберг, Н. Свешников, граф Ф. Г. Орлов, барон Д. фон Ренненкампф, С. Титов, А. Анненков. В ряде заседаний принимали участие в качестве советников Л. Штальборн, С. Фомин, князь И. Тютякин, барон Ф. Зальц, Н. Мотонис, И. Фурсов, Я. Янов, некоторые из которых были членами других частных комиссий. Лишь двое из членов и советников-кандидатов не принадлежали к дворянству.

Комиссия о государственных родах работала около пяти лет — с 11 сентября 1767 г. по 2 июня 1771 г., однако реально ее деятельность прекратилась в октябре 1769 г. (за это время было проведено 248 заседаний)¹⁴².

План своей работы комиссия представила 25 сентября 1767 г.¹⁴³. Общая идея плана заключалась в том, что «все государство разделяет на три главные рода, в которых все люди, составляющие целое государство, заключаются. Первый род именуется благородный, второй — мещанский, третий содержит в себе всех прочих от земледелия, скотоводства и розных ловитв питающихся людей», с тем, чтобы «всем вышеписанным родам и частям их... положить точные определения и дать каждому пристойные преимущества». План был утвержден и стал основой разработок комиссии. В «Начертании» Екатерины II несколько конкретизированы проблемы, в свете которых надлежало оформить права каждого из сословий, а также указано на необходимость составить особое положение о правах казаков¹⁴⁴. Последний вопрос был единственным, на который специально обращалось внимание комиссии и в «Большом наставлении» Дирекционной комиссии, однако, как отмечалось, их (казацкие) права должны быть «сколько возможно более сообразны общим всего государства правам»¹⁴⁵.

Комиссии о государственных родах предписывалось сформировать, по сути, совершенно новую область законов — позитивное законодательство о правах и положении сословий. В самой малой мере комиссия могла здесь опереться на предшествующий опыт. Поэтому значительная часть времени была посвящена изучению общеправовых и иностранных законодательных источников для «приискания приличных прав», в том числе магдебургского права, саксонских законов, нового австрийского законодательства Марии-Терезии о крестьянах, теоретических трудов. Большое влияние на выработку исходных начал правоположений о статусе сословий оказали представления депутатов и требования из депутатских наказов. То, что депутаты считали издание законов по

¹⁴² См.: «Дневные записки» комиссии//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 130. Кн. 1—4.

¹⁴³ См.: ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Ч. III. Л. 92.

¹⁴⁴ См.: Начертание... С. 17—22.

¹⁴⁵ ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Кн. 1. Л. 25об.

всестороннему регулированию сословных прав центральной проблемой комиссии, помимо дискуссий в Большом собрании, еще раз показало большое число индивидуальных депутатских проектов по правам «государственных родов», которые этой частной комиссии пришлось так или иначе обсудить: план Ф. С. Вольфа о крестьянстве, план Я. А. Брюса о правах трех сословий, проект Ф. И. Зальца о крестьянах и др.

Задачу свою комиссия в целом выполнила, подготовив законопроекты по правам каждого из четырех, обозначенных «Наказом» и другими руководящими актами сословий или «государственных родов».

Первым был подготовлен «Проект правам благородных», или законов о дворянстве (утвержден 6 мая 1768 г.)¹⁴⁶. Основными авторами его были Я. А. Брюс и Ф. Г. Орлов. Затем проект обсуждался Дирекционной комиссией, которая его одобрила, внося некоторые частные поправки, и передала в Большое собрание¹⁴⁷.

Помимо конкретных правоположений, проект содержал введение, где его авторы своеобразно согласовывали общую задачу размежевания сословных прав в законе с идеей естественно-правового «блаженства каждого и всех». Социальная доктрина «просвещенного абсолютизма» прозвучала здесь четко и недвусмысленно, но вместе с тем была подана в ключе правовой «справедливости». Общественное «блаженство», по проекту, состояло не в том, чтобы закрепить для себя законом любые желаемые или «мечтательные» права, но в том, чтобы «существительные» права были «лучше ограждены». «Не в том и нужное между всеми гражданами состоит сопряжение и союз, чтоб все одними и одинаковыми пользовались правами и преимуществами, ибо то было бы всеобщим смешением, но в том, чтоб господствовал порядок, а по порядку каждому особо принадлежащие права разделены были».

Проект содержал две главы и 51 статью. В первой главе «Что есть благородство, откуда оное начало свое имеет» рассматривались общие положения о существе дворянского звания; статьи в основном повторяли или развивали соответствующие положения «Наказа» о том, что дворянство «есть нарицание в чести» (ст. 1), основывающееся на больших заслугах и добродетелях; что эти качества и возводят, волей государя, в «степень благородства» (ст.ст. 6—7) и, напротив того, «недобродетельные поступки» (измена, нечестность и т. п.) лишают дворянства по закону (ст. 8).

Вторая глава — «О правах благородных» (ст.ст. 1—43) — содержала перечень важнейших привилегий дворянства. Закреплялись положения манифеста о «вольности дворянской» о свободе дворян служить или оставлять службу, выезжать в другие государства (ст.ст. 2, 5—6), причем предусматривалось даже право отказаться от подданства (ст. 7). Свободный статус дворянина (ст. 1) реализовывался в освобождении его от телесных наказаний (ст. 4), податей (ст. 9), в праве на дворянское звание и на герб (ст. 10). Экономическое положение дворянства характеризовалось широтой исключительных прав на владение деревнями с крестьянами и на распоряжение ими (ст.ст. 12—17), на заведение фабрик, заводов и других предприятий (ст.ст. 22—23), оптовую торговлю (ст. 27). Влияние немецкого законодательства сказалось на положениях, которыми предлагалось установить патронат дворян над сельскими церквями (ст. 25) и широкое понимание собствен-

¹⁴⁶ Текст проекта см.: РИО. Т. 32. СПб., 1881. С. 575—585.

¹⁴⁷ Об обсуждении в Большом собрании с 3 июля 1768 г. см. выше, гл. 3 настоящей работы.

нических прав, включая права на все произведения и приращения земли (ст. 26), особое право охоты (ст. 28). В числе судебных привилегий дворянства называлось право на суд равных, право на защиту в суде и на выбор одного из судей (ст.ст. 29—30), право на апелляцию к монарху в случае тяжких обвинений (ст. 32) и признание процедуры *habeas corpus* в тяжбах с освобождением под залог (ст. 33). Предполагалось установление корпоративных политических прав для дворянства: право провинциальных съездов (ст. 38), избрания дворянами судей (ст. 39) и др.

Проект о правах «среднего рода людей», или мещан (по первоначальному плану), был разработан частной Комиссией о среднем роде людей, образованной при Комиссии о государственных родах.

Эта подкомиссия была создана в ответ на представление Комиссии о государственных родах 25 сентября 1767 г. и учреждена «под смотрением Комиссии о разборе родов государственных жителей как часть оной». Членами ее были избраны депутаты граф Э. Х. Миних, князь И. Вяземский, С. Нарышкин, князь М. М. Шербаков, М. Степанов; все они, кроме М. Степанова, принадлежали к сановному дворянству. Специальных задач для этой комиссии ни «Начертание», ни «Наставление» Дирекционной комиссии не ставили. Ее обособление было, видимо, чисто техническим, поскольку количество предложений по урегулированию прав мещанства, купечества и других сословий было велико, да и самый предмет — выделение «среднего рода людей» — отличался значительной законопроектной новизной (хотя и имел определенные предпосылки в правительственной политике начала 1760-х годов и проектах по созданию «третьего чина» в государстве¹⁴⁸).

В июле 1768 г. Комиссия о среднем роде людей подготовила обширный проект (автором его в основном был князь М. М. Шербаков), 29—30 июля этот проект обсуждался Комиссией о государственных родах, а затем, с 13 августа по 16 октября 1768 г., проходили их совместные заседания по окончательной его доработке. Некоторые из членов предлагали существенные поправки. Затем он дорабатывался Комиссией о среднем роде людей совместно с правительственными учреждениями, и в феврале 1769 г. был утвержден и представлен Дирекционной комиссии¹⁴⁹.

Проект в окончательном виде имел 13 глав и свыше 100 статей¹⁵⁰. Соответственно общеправовым установкам «Наказа» и планов комиссий, к среднему роду, или мещанству, причислялись жители городов, «упражняющиеся в художествах, мореплавании, в торговле и ремеслах» (ст. 1 гл. 1), а также получившие образование в учебных заведениях (ст. 2), но не дворяне, потомство мещан и записавшиеся в мещане (ст.ст. 3—5). «Средний род» государственных жителей разделялся на несколько категорий: 1) упражняющиеся в науках и службах (белое духовенство, ученые, приказные, художники); 2) торгующие (купцы, заводчики и фабриканты, владельцы судов и мореплаватели); 3) прочие (ремесленники, мещане просто и освобожденные). Для каждой категории проект предусматривал специальную формулировку прав личных и прав в отношении имущества, но круг этих прав

¹⁴⁸ См.: Троицкий С. М. Дворянские проекты создания «третьего чина» // Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1985. С. 192—204.

¹⁴⁹ Подробнее о доработке проекта см.: Сергеевич В. И. Предисловие // РИО. Т. 36. СПб., 1882. С. IV—VI.

¹⁵⁰ Текст проекта см.: РИО. Т. 36. СПб., 1882. С. 179—232.

был примерно однотипным; характеристике общих прав посвящалась полностью гл. 2 и 3.

«Средний род людей» пользовался, по проекту, полнотой государственных прав; жизнь, безопасность и имение их охранялись законом (ст. 2 гл. 2); принадлежащие к нему имели право на судебную охрану личности (ст. 3 гл. 2), неприкосновенность до законного судебного разбирательства и право на защиту в суде (ст. 4—6 гл. 2). Мещане объявлялись свободными от публичных работ (ст. 7 гл. 2). К числу привилегий «среднего рода людей» проект относил запрещение переводить мещан в крепостное состояние, свободу переселения, передвижения и обзаведения домами, свободу выезда в другие государства, право на свой внутрисословный суд, на представление вместо себя замены по рекрутским наборам и др. К имущественным привилегиям мещанства проект причислял право владения городскими и загородными домами, право на неограниченное распоряжение принадлежащей собственностью, в том числе практически неограниченное право наследования, иметь промышленные заведения (однако с ограничением размеров и числа работающих там — хотя это не реализовывалось в разделе о правах заводчиков), банки и др. Характерным новшеством было отнесение к среднему роду белого духовенства. В целом же проект предусматривал только более четкое законодательное упрочение сложившегося правового статуса среднего сословия, не реагируя на те требования о расширении привилегий и большей их гарантированности, которые выдвигались депутатами от городов в Большом собрании.

Проект прав войск казачьих был подготовлен в августе 1769 г. (основные авторы — С. Титов и А. М. Голицын). В утвержденном варианте он состоял из пяти глав и 48 статей с дополнением из 27 статей¹⁵¹

Проект не предполагал установление самостоятельного казачьего сословия; отмечалось, что «по службе своей могут они причислиться к военнотружущим, а по промыслам — к мещанству, также и земледельцам» (ст. 1). Депутаты от казачества в Собрании и в своих наказах пытались рассматривать себя как категорию российского дворянства, но Комиссия о государственных родах решительно поставила все на свои места, охарактеризовав казачество по объему прав и привилегий наравне со средним родом. Казаки объявлялись свободными людьми, они не могли быть обращены в крепостную зависимость, имели право на судебную защиту и др. В отношении имущественных прав казачество имело право владеть мелкими торговыми заведениями, сдавать их в аренду, заниматься некоторыми промыслами, нанимать себе на службу вольных людей (но с запрещением владения крепостными!), заниматься торговлей товарами собственного производства. Проект не отреагировал на претензии казачьей старшины уравнивать их в правах с дворянами: они получали только освобождение от телесного наказания и уравнивались «в чести» с обер-офицерами армии; их дома освобождались от постоя, в остальном права старшины не отличались от основной массы казачества. Проект устанавливал также единообразное особое управление казачьими войсками на основе военно-административного начала: казачье войско (живущее в определенном районе) было подведомственно войсковой канцелярии, руководство которой,

¹⁵¹ См.: РИО. Т. 36. СПб., 1882. С. 235—244.

однако, уже не избиралось, а назначалось правительством; члены канцелярии по-прежнему выбирались из числа казаков.

Третий проект Комиссии о государственных родах был посвящен сословным правам крестьянства, или «нижнего рода людей». Составлен он был в значительной степени на основе проекта, представленного И. А. Унгерн-Штернбергом¹⁵². Комиссия о государственных родах утвердила проект 20 октября 1769 г. в составе шести глав и 65 статей¹⁵³.

Согласно проекту, сельское население по объему своих прав и общему положению разделялось на «государственных поселян», которые «принадлежат государству и владеют землями, данными от правительства»; на свободных крестьян, не крепостных и арендующих землю от дворян или от правительства; на крепостных крестьян, «принадлежащих собственно или государю, или дворянам». Все категории крестьян имели право нанимать себе работников, выставлять вместо себя нанятых в рекруты, обучать своих детей (крепостные — только с разрешения помещика), заниматься мелкой торговлей и кустарными промыслами; объем прав наследования и распоряжения имуществом, вступления в обязательства был для крестьян ограничен. «Государственные поселяне» и свободные крестьяне располагали большей свободой: они имели право на судебную защиту в судах, на полное владение (но не распоряжение) предоставленными им землями и на собственность в движимом имуществе; обладали они и некоторыми дополнительными имущественными правами. Крепостные крестьяне полностью подлежали установленному суду помещиков и только по уголовным делам — государственному; помещикам разрешалось наказывать крестьян, с соблюдением только «умеренности»; запрещалось продавать крестьян в розницу. Все имущественные права в распоряжении движимым имуществом, в наследовании и др. были ограничены необходимостью всякий раз получать разрешение или общее согласие помещика. Особым разделом определялись также некоторые права «кочующих народов», за которыми признавалось право на их промыслы и право на охрану их государственным законом.

Проект прав «нижнего рода людей» преследовал цель сохранить и узаконить основы феодально-крепостнических отношений, оставив крестьянство в сословно-неполноправном положении, существенно ограничив личные и имущественные права и закрепив лишь те, которыми и так крестьяне обладали. Даже напротив, то подчинение власти помещика в судебных, личных и имущественных делах, которое считалось отклонением от нормы правоотношений, закреплялось в качестве единственно законного, предусматривались лишь чисто условные гарантии от «тиранства» помещиков: крестьянин приобретал право искать защиту в «узаконенных местах».

В целом же Комиссия о государственных родах разработала конкретные нормы по реализации сословно-правовой политики «просвещенного абсолютизма», утверждавшие незыблемость сословного строя с наиболее привилегированным положением дворянства.

Комиссия о городах начала свою работу также в апреле 1768 г. В ее состав вошли А. И. Глебов (бывший генерал-прокурор Сената), кабинет-секретарь А. В. Олсуфьев, Л. Штральборн, С. А. Самойлов, П. Самарской, Ф. Попов (с января 1769 г. он сменил С. Самойлова). Хотя официально депутатом от дворянства был один А. И. Глебов, а

¹⁵² См. об этом: Белявский М. Т. Указ. работа. С. 255—256.

¹⁵³ См.: РИО. Т. 36. СПб., 1882. С. 275—286.

остальные числились депутатами от городов, трое из пяти одновременно участвовавших в заседаниях были дворянами.

Комиссия работала около четырех лет — с 10 апреля 1768 г. по 25 октября 1771 г.; за это время состоялось 307 заседаний¹⁵⁴, однако уже с осени 1770 г. обсуждения и решения комиссии были лишены определенного содержания.

Задача комиссии, как она была поставлена в «Начертании» и в «Наставлении» Дирекционной комиссии, не имела чисто правового характера: ей предстояло «определить всем городам вообще и потом каждому по состоянию и положению одного особо принадлежащие права»¹⁵⁵. Подразумевалось, что комиссия рассмотрит положение городов российских, состояние их административного и полицейского управления и даст, на основании этого, обобщенные предложения по законодательному регулированию статуса городов.

Составленный руководителями комиссии А. И. Глебовым и А. В. Олсуфьевым план-проспект раздела о городах к будущему уложению состоял из трех частей¹⁵⁶. В первой части (11 глав) предполагались установления общего права градского (что есть город; должность, то есть права и обязанности жителей, как вступать в градское общество и т. д.); во второй части (23 главы) характеризовались различные городские учреждения и функции городского управления (образование магистратов, порядок поселения жителей, цеховое устройство ремесленников, содержание гостиниц, больниц, лавок, проведение ярмарок и т. д.); в третьей части должны были быть установлены преимущества разных городов.

В задачу комиссии входило, как и Комиссии о государственных родах, в наименьшей степени обобщение существующего законодательного материала. Главное, чем занимались ее депутаты и на основании чего планировалось установить права и преимущества городов, — это изучение городского права Лифляндии, германских земель, а также анализ депутатских мнений и наказов; из архивов и от депутатов были дополнительно запрошены исторические привилегии и грамоты, которые когда-либо даровались российским городам. С целью ознакомления с положением российских городов комиссия проделала огромную статистическую работу по специальной программе.

По поручению комиссии А. И. Глебов составил план из 27 вопросов, «на какие требовать изъяснений от городских депутатов», который был одобрен 2 сентября 1768 г. Он предусматривал получение сведений о местоположении города и подведомственных ему земель (в том числе находящихся под сельскохозяйственной обработкой), о расстоянии от города до столиц, о характере торговли и промыслов, о наличии фабрик, заводов, снабжении их сырьем (откуда?), снабжении города продуктами, о городском бюджете, а также исторических сведений о городе и состоянии его культурных и общественных учреждений; последний вопрос касался того, «какая есть гражданству вообще тягость и что напротив того к облегчению и приведению города в цветущее состояние служить может»¹⁵⁷. План был размножен почти в 350 экземплярах, роздан

¹⁵⁴ См.: «Дневные записки» комиссии//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 126. Кн. 1—4.

¹⁵⁵ См.: «Наставление» Дирекционной комиссии//Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Кн. 1. Л. 7.

¹⁵⁶ См.: План городской комиссии//Там же. Д. 142. Ч. 3. Л. 256—259.

¹⁵⁷ Записка при протоколе 2 сентября 1768 г./Там же. Д. 126. Кн. 1. Л. 32—33.

депутатам от городов и разослан городским властям для ответов. В дальнейшем на протяжении основного времени своих заседаний комиссия анализировала и обсуждала представлявшиеся депутатами ответы. Не всегда они могли ответить конкретно и точно, иногда их обязывали через генерал-прокурора позаботиться о сборе нужных сведений, но в целом был представлен огромный, хотя и разнородный информационный материал о городах¹⁵⁸

Комиссия своей задачи в целом не выполнила и какого-либо законченного проекта не разработала. Единственное содержательное решение ее состоялось 24 февраля 1769 г., когда постановили разделять российские города по четырем степеням (разрядам) для последующей характеристики их статуса и преимуществ: 1-й степени — столица первопрестольная, резиденция монарха, и столицы других «царств», а также портовые города с иностранным торгом; 2-й степени — малые приморские города, а также те, где есть промышленные предприятия (фабрики и мануфактуры); 3-й степени — прочие города внутренние, а также те, при которых есть горные предприятия; 4-й степени — пограничные города с промыслами¹⁵⁹. Дальнейшая работа ограничилась разнесением городов, депутаты от которых представляли справки, по этим «степеням» в зависимости от анализа содержания ответов на вопросы.

Комиссия, по-видимому, и не могла выполнить свою задачу: слишком аморфно она была поставлена. Общая идея разработок комиссии засвидетельствовала однако вполне отчетливое направление политики: рассматривать город как целое, в сочетании его административной, экономической и культурной роли, и вместе с тем придать городу и городскому населению некий особый статус. Последнее более всего характеризовало политику правительства как именно феодальную, связанную с исторически отживающими представлениями о городе и его социально-правовой обособленности.

Комиссия о правосудии вообще была образована по решению Большого собрания 24 сентября 1767 г. под первоначальным наименованием «Комиссия о юстиции» с тем, чтобы «сочинить 1) уголовную или криминальную главу и 2) суд или расправу и порядок суда, прочее же к правосудию вообще принадлежащее представлять особому рассмотрению»¹⁶⁰. В ее состав были избраны депутаты граф П. И. Панин, В. А. Всеволожский, И. Х. Шварц, А. Рашкович, впоследствии В. И. Бибиков, В. Дунин-Барковской (вместо А. Рашковича с 1769 г.), Н. Алфимов, И. Висленев. Кроме них, в работе комиссии на правах помощников приняли участие еще пять депутатов. Все, за исключением Н. Алфимова, были дворянами. За более чем четыре года своей деятельности — с 25 сентября 1767 г. по 9 июля 1771 г. — комиссия провела 319 заседаний¹⁶¹.

¹⁵⁸ В делах Комиссии уложения эти ответы депутатов не отложились. Возможно, они были переданы в другие правительственные учреждения. Во всяком случае, этот источник (до сих пор не заинтересовавший исследователей) был бы уникальным для анализа положения русского города XVIII в.

¹⁵⁹ См.: Протокол заседания 24 февраля 1769 г.// ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 126. Кн. 2. Л. 19.

¹⁶⁰ «Наставление» Дирекционной комиссии// Там же. Д. 142. Кн. 1. Л. 100б.

¹⁶¹ См.: «Дневные записки» комиссии// Там же. Д. 122. Кн. 1—5. Подробнее о деятельности и проектах Комиссии о правосудии см.: Омельченко О. А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» в России и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII в.// Вопросы истории уголовного права и уголовной политики. М.: ВЮЗИ, 1986. С. 28—33.

В соответствии с первоначальной установкой были утверждены составленные под руководством В. А. Всеволожского план работ и проспекты разделов по уголовному праву, порядку уголовного суда и порядку гражданского суда. Большую часть последующих заседаний комиссия посвятила чтению систематизированных для нее выписок из законодательства, начиная с Уложения 1649 г., и иностранных законов.

С изданием «Начертания» задачи комиссии были несколько расширены. В частности, как это формулировалось в «Наставлении» Дирекционной комиссии, следовало разработать целостное «учреждение судебных мест», имея в виду создание новой системы судебных органов не только на основе принципов, выраженных в «Наказе», но и с учетом пожеланий и требований прежде всего дворянских депутатов.

Первоначально предусматривалось преимущественно сохранить основы существующей судебной организации и принципы судебного права, с отдельными улучшениями в сторону сужения возможностей для произвола судебных чиновников. Подготовленный в соответствии с новыми указаниями законопроект «О судебных местах» отличался уже существенной новизной. Работа над ним продолжалась с октября 1768 г. по июль 1769 г., когда в связи с тем, что не были готовы законодательные выписки к проекту, комиссия перешла к работе над уголовным уложением.

Проект «О судебных местах» был разбит на 11 глав, соответственно вопросам, поставленным в «Начертании» (о родах судебных мест, о власти каждого судебного места и т. д.)¹⁶².

Сочетая в подходе к судоустройству общий и ведомственный характер юстиции, авторы проекта предлагали установить следующие виды суда: духовный — по делам веры, закона, а также внутрицерковным; уголовный; гражданский; полицейский — по делам до «благочиния», то есть общественного порядка; торговый — споры по купеческим обязательствам и маклерским операциям; цеховой — споры по «художествам и ремеслам»; военный — по делам всех военнослужащих, кроме споров о землях; придворный — по уголовным делам придворных служащих; специальный — дела по таможенным порядкам¹⁶³. Предусматривалось учреждение уголовных, гражданских и полицейских судов в двух вариантах — земских и городских (по территориальному признаку); в городах, кроме того, должен был быть цеховой суд для «среднего рода людей»; общей юстиции становилось подведомственно по уголовным и гражданским делам и духовенство. Тем самым формировалось единство судебной системы. Все суды соподчинялись в три инстанции, по административно-территориальному принципу, с четвертой, высшей инстанцией в Сенате, который бы обладал не только высшей судебной властью по апелляциям, но и специальными судебными правами. Главной задачей суда провозглашалось «одно только исполнение законов», но судебные органы получали также право оценки управленческих указов с точки зрения «прав государственных», делая представления о таких нормативных конфликтах в Сенат. Земские и городские суды должны были стать выборными (на два—три года,

¹⁶² В целом виде проект неизвестен и реконструируется по записям протоколов.

¹⁶³ См.: Протокол заседания 6 ноября 1768 г.//ЦГАДА. Ф. 342. Д. 122. Кн. 2. Л. 72—73.

по условиям). Подробно регламентировались права сторон по предъявлению исков, подаче частных жалоб и частных обвинений. Было высказано мнение о необходимости гласного и открытого не только слушания дел, но и вынесения решений по ним. В индивидуальных проектах некоторых членов комиссии выдвигались дополнительные гарантии прав подсудимого и обвиняемого.

Работа над второй частью порученной работы — над проектом «криминальной» главы — была завершена примерно в сентябре 1770 г. Проект представлял собой принципиально новый, по отношению к существующему праву, свод уголовно-правовых норм как по структуре (четыре главы с подразделами и около 600 статей¹⁶⁴), так и по правовым началам.

Комиссия отразила в проекте новое понимание преступного деяния: уголовно наказуемыми следовало рассматривать только такие, «которые 1) по моральному их существу преступлениями почитать надлежит и, следовательно, 2) всеобщие суть и от всех без различия природы, состояния и службы учинены быть могут»¹⁶⁵. Таким образом, было зафиксировано характерное для правовых принципов и для доктрины «просвещенного абсолютизма» понимание преступления как проявления направленной во вред обществу деформированной воли преступника. В классификации преступлений проект следовал «Наказу», выделяя: 1) преступления против закона и веры (разд. 1), которые наказывались только церковными наказаниями, то есть с исключением во всяком случае смертной казни; 2) преступления против нравов (разд. 2), где предписывалось применять преимущественно общественные наказания, порицания и ограничение прав состояния; 3) преступления против общего спокойствия (разд. 3); 4) преступления против безопасности, с выделением преступления против спокойствия государя и государства (разд. 4, 1-е отделение) и против личности, чести и имущества частных лиц (разд. 4, 2-е отделение). Значительно сужалось применение смертной казни, сдержанно трактовались преступления антигосударственного характера, где учитывался преимущественно реально последовавший общественный вред, имелись некоторые другие моменты либерализации уголовной репрессии. Вместе с тем криминализировался ряд действий, связанных с реалиями феодально-крепостнических отношений; подвергались наказанию как жестокое обращение с крепостными, так и некоторые специфические деяния, могущие проистекать только из крепостной зависимости.

Разработки комиссии непосредственно были связаны с правительственными предположениями о реформе судебной системы и уголовного законодательства. В них эти предположения обретали конкретную форму законопроектов, построенных на новых принципах и в новой кодификационной форме. Новые принципы судебной организации имели непосредственное значение для впоследствии проведенной судебной реорганизации по губернской реформе 1775 г., а обновление уголовного права оказало влияние на законодательство Екатерины II в 1780-е годы. Кроме того, разработанные приемы построения специального уголовного кодекса будут использованы в кодификациях первой половины XIX в.

¹⁶⁴ В делах Комиссии уложения текста проекта нет. Полное оглавление с указанием числа статей имеется в отчете Комиссии о правосудии. См.: ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Ч. 3. Л. 363—365.

¹⁶⁵ Протокол заседания 12 октября 1770 г.// Там же. Д. 122. Кн. 4. Л. 115.

Комиссия о благочинии была образована особым решением Собрания депутатов в марте 1768 г. в связи с получением в Комиссии уложения дополнительной гл. 21 «Наказа» Екатерины II, где шла речь о задачах и проблемах полицейского управления, поддержания общественного порядка, а также выполнения администрацией широких общественных функций по хранению «благочиния» в людях. В ее состав были избраны депутаты Л. Нарышкин, А. Нартов, М. Вагин, М. Зыбин, А. Ржевский, принимали участие в ее работе также Н. Бутурлин и Н. Толмачев в качестве помощников. За исключением М. Вагина, все они принадлежали к высшей или придворной администрации.

Комиссия работала с 20 марта 1768 г. по 20 октября 1771 г., проведя за это время 327 заседаний¹⁶⁶.

Предполагая, что задачи комиссии довольно ясно обозначены в «Наказе», ни «Начертание», ни «Наставление» Дирекционной комиссии подробно на них не останавливались. В «Начертании» сформулированы только основные направления деятельности комиссии, которой следовало дать общее установление об органах благочиния для каждого места, о порядке его соблюдения, а также о розыске преступников, что также входило в сферу полицейского управления¹⁶⁷.

Сфера законопроектной работы комиссии пересекалась с задачами других частных комиссий, например, комиссий о порядке государства и о городах. Поэтому длительными были предварительные согласования. В мае 1768 г. Дирекционная комиссия утвердила обширный план Комиссии о благочинии, который и стал основой для разработки специального раздела будущего уложения, посвященного полицейскому управлению в самом широком смысле.

Главный источник кодификационной работы комиссии составляли прежние узаконения по части полицейского управления, а также обширный наказ от Главной полиции, представленный в Комиссию уложения.

Комиссия завершила свою работу только частично, составив и утвердив первую часть проекта (самую объемную — пять глав и 383 статьи) о полномочиях полиции¹⁶⁸. С февраля 1771 г. началось чтение проекта в присутствии генерал-полициймейстера Н. Чичерина, которое проходило медленно из-за частого его отсутствия и ничем так и не закончилось.

Проект отражал представление о задачах полицейского управления, характерное для административной политики абсолютизма XVIII в. и переосмысленное в период «просвещенного абсолютизма»: «Полиция есть хорошее учреждение в городах, предписывающее такие правила, по коим бы устраивать гражданам жизнь и состояние свое тако, дабы оно споспешествовало соблюсти доброй порядок между живущими в обществе народом для своего собственного здоровья и благоденствия; итак из сего заключить можно, что градское благочиние ничто иное есть, как страж общего покоя и добронравия»¹⁶⁹. Полицейское установление адресовалось исключительно городским властям, хотя общая посылка «Начертания» и «Наказа» предусматривала и учрежде-

¹⁶⁶ См.: «Дневные записки» комиссии//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 118. Кн. 1—4.

¹⁶⁷ См.: Начертание... С. 14.

¹⁶⁸ Текст проекта в оригинале неизвестен. Он реконструируется по плану и по отчету Комиссии о благочинии, по протоколам заседаний, где отмечались конкретные вопросы плана, бывшие предметом обсуждений.

¹⁶⁹ План Градского благочиния//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Ч. 3. Л. 267.

ние земской полиции; здесь комиссия сузила свою задачу, оставшись в рамках содержания наказа Главной полиции.

В гл. 1 первой части «О должности полиции» перечислялись и характеризовались проступки против благочиния, которые давали основания для применения полицейской власти, а также те области городской жизни, которые подвергались полицейскому регулированию: соблюдение порядка церковнослужений, при крестных ходах, проявления излишней роскоши, распутство, скорая езда, кулачные бои и другие «недозволенные забавы». К полномочиям полиции отнесена была и цензура книг, «разумеется, таких, кои касаются до развращения закона, спокойствия государственного и добрых нравов», а также контроль за народными развлечениями — «забавами». Глава 2 посвящалась описанию тех сторон полицейской «должности», которые относились к «сохранению здоровья» как «самого главного намерения полицейских учреждений». Контролю полиции должны были подлежать чистота города, рек и воды, качество продаваемых съестных припасов, порядок торговли в смысле соблюдения санитарных норм и предосторожностей против эпидемических «прилипчивых» болезней и др.

Глава 3 посвящалась соблюдению и охранению «спокойствия и безопасности» граждан города. Полиция обязывалась организовывать городскую стражу, искоренять грабежи, злодеев и бродяг, тушить пожары, принимать меры против зажигальщиков, контролировать всякие «тайные сборища» и пресекать прочие «нарушения тишины» в городе. В гл. 4 «О выгодности» на полицию возлагались обязанности контролировать обеспечение города съестными припасами, обеспечивать соблюдение установленных мер и весов, правил торговли на рынках, содержания трактиров, наемных слуг и др. В гл. 5 рассматривались вопросы общей организации городского строительства: от установления налогообложения с городских жителей до контроля за архитектурным обликом зданий, планировкой города и организацией городских праздников.

Незавершенные части проекта должны были составить «Учреждение благочиния» (вторая часть): административно-полицейское деление города, органы полицейского управления, права главного полицейского органа города и собственно «Право благочиния» (третья часть): конкретные должностные обязанности полицейских чинов и их власть в отношении граждан.

Конкретные начала и правовые принципы полицейского управления по проекту характеризовать сложно, так как план работы комиссии содержал очень мало позитивных правовых положений, а сам законопроект не найден. Видимо, дополнительные разработки велись позднее и по установлению земской полиции: среди бумаг, оставшихся после юрисконсульта генерал-прокурора Шарля Де Вильера, упоминались выписки «Отдела 1-го земской полиции», в которых характеризовались сходные вышеотмеченным полномочия и функции органов негородского полицейского управления¹⁷⁰. По своему значению проект комиссии был первым опытом регламентации прав и полномочий полицейского управления с охватом всех сторон и функциональных его обязанностей соответственно тому представлению о политической и административной роли полиции, которое характерно для периода «просвещенного абсолютизма». По своей кодификационной разработке, уровню выделения правовых вопросов проект явился предпосылкой крупных актов о полицейском управлении, изданных в 1780-х годах.

¹⁷⁰ См.: ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 148. Л. 10—11.

Духовно-гражданская комиссия была образована в мае 1768 г. В разное время членами комиссии были депутаты князь А. М. Волконский, А. Опочинин, И. Фурсов, В. П. Баскаков, Г. А. Потемкин (впрочем, почти не участвовавший в заседаниях), И. Беклемишев, С. Глебов, И. Бантыш-Каменский, И. Сухопрудской, П. Кривской; реально же работа велась только четырьмя из них: В. Баскаковым, И. Фурсовым, И. Сухопрудским, П. Кривским. Все они, за исключением И. Сухопрудского, были дворянами и принадлежали к высшей администрации. Единственная из всех частных комиссий, Духовно-гражданская комиссия была полностью составлена из причастных к юридической практике лиц, и это отразилось на ее разработках.

Комиссия работала около трех с половиной лет — с 27 мая 1768 г. по 18 октября 1771 г., проведя за это время 299 заседаний¹⁷¹.

Как уже отмечалось, духовенство не посылало своих депутатов в Комиссию уложения, его интересы в целом были представлены в ней очень слабо — и это отвечало политической линии правительства на умаление роли не только церкви как организации, но и духовенства — вплоть до ликвидации его сословной самостоятельности. Одним из проявлений этой тенденции стало включение Комиссией о государственных родах белого духовенства в число «среднего рода людей» с соответственным сокращением правовых привилегий.

Согласно «Начертанию», комиссии предстояло разработать «все то, в чем гражданские законы в сохранении доброго порядка имеют сношение и сопряжение с духовными, или в чем сии последние от светских занимают помощь», а также рассмотреть правовое положение «духовенства вообще» и установить начала свободы вероисповедания «для благоденствия общества»¹⁷². В «Наставлении» Дирекционной комиссии обращалось внимание на то, чтобы при установлении прав других вероисповеданий никоим образом не умалялась «непорочность и целостность» православной веры, а также на необходимость пересмотреть правовую характеристику проступков и уголовных посягательств на принципы веры, церковные порядки и отчасти благочиние. Тем самым комиссии, по сути, предстояло разработать свод законов о положении церкви, правах духовенства и роли церкви в жизни общества во всем объеме возможных отношений.

Комиссия долго работала над планом, представив его только в июне 1770 г. По тщательности и обстоятельности правовой разработки (здесь сказалось влияние ее профессионального состава) обширный «толковый план», где были не только схемы законоположений по разделам и статьям, но давались варианты, обоснования и толкования правовых решений, был уникальным¹⁷³. При необходимом политическом решении план в короткое время мог быть обработан в виде позитивных законов — таким образом, комиссия по существу выполняла свою задачу.

¹⁷¹ См.: «Дневные записки» комиссии//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 131. Кн. 1—4. Подробный анализ работ и проекта Духовно-гражданской комиссии, а также внутривластных проблем взаимоотношений церкви и государства «просвещенного абсолютизма» см.: Омельченко О. А. Церковь в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России//Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России. М.: ВЮЗИ, 1988. С. 24—92.

¹⁷² Начертание... С. 6—8.

¹⁷³ См.: «Толковый план» комиссии//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Кн. 2. Л. 1—112.

Проект свода духовно-гражданских законов состоял из 57 разделов («составов») и свыше 200 отдельных главок. Первые 11 разделов охватывали правоположения о значении православной веры и церкви, о закреплении их господствующей роли в государстве, о наказании за посягательства на вероучение, за отход и за профанацию ортодоксального вероучения, о взаимоотношениях с другими религиями, исповедуемыми населением империи. Разделы 12—20 посвящались правовому регулированию собственно церковной деятельности, общественного порядка при богослужении, соблюдения церковных обрядов, благочиния, в том числе вопросов церковного строительства и организации новых церковных учреждений. В разделы 21—31 были объединены правоположения о сословном статусе духовенства: о положении церковных имуществ и о управлении ими, о материальном содержании духовенства, о регулировании их личных имущественных и неимущественных прав, о полномочиях светских и духовных судов, о порядке вступления в духовные лица. Разделы 32—34 охватывали основные правоположения о заключении и расторжении браков (поскольку в этом участвовала церковь). В разделах 35—47 характеризовались отдельные виды преступлений против личности (преступления в рамках семейных отношений, так называемые «против нравственности») и особо квалифицированные преступления, выражавшиеся в посягательствах на церковное благочиние (нарушение крестоцелования-присяги, кража в церкви, симония и т. д.), которые ранее регулировались нормами церковного права. Схема кодификационного построения была вполне современной: в основе ее лежало движение мысли законодателя от общего к частному в рамках существа единого избранного предмета.

В вопросе взаимоотношений государства и церкви авторы проекта опирались на ключевые принципы официальной доктрины абсолютизма: монарх представлялся «яко главный веры и прав церковных защитник», подчеркивался верховный характер его власти, империя рассматривалась как государство «греко-российской веры»; гражданам предписывалось показывать пример исполнения «христианских должностей». Принадлежность к православной вере и церкви имела своим следствием и установление некоторых правовых преимуществ «противу прочих граждан равного с ними состояния». Предполагалось, в соответствии с принципами «просвещенного абсолютизма» и указаниями «Наказа», установить свободу вероисповедания для тех вер, что «уже дозволены в России», с целью обеспечить соблюдение «государственного спокойствия» (а отнюдь не гарантий личного интереса подданного).

В церковной организации, согласно общей линии проекта, должны были последовать существенные внутренние перемены. Источником этих перемен было недвусмысленно выраженное согласие с секуляризацией церковных имуществ: «недвижимые имущества прямо и навсегда церкви принадлежать не будут». Духовенство отстранялось от непосредственного управления церковным имуществом, все священнослужители переходили на государственное жалованье (с окладами пропорционально сану, чину и т. д.). Ограничивались церковное строительство и права церкви по внутренней организации своих учреждений, ряд монастырей предлагалось сделать местами для исправительных работ преступников. Духовенство, по проекту, утрачивало сословную определенность правового статуса: в священнослужители могли поступать лица всех сословий, частью утрачивая свои прежние права и обретая их при выходе из священнослужителей. Духовное звание трактовалось, по сути, как особый род государственной службы. Соответственно предусматривались регламентация полномочий и сокращение влияния церковных судов.

Ряд предложений по регулированию брачно-семейных отношений расходился и с традицией церковного права, и с официальной доктриной православия: в частности, допускался развод, в том числе по причине взаимного неисполнения супружеских обязанностей. Немало нового внесено в разделы об уголовном праве, хотя члены комиссии (расходясь здесь с «Наказом») отстаивали полезность телесных наказаний и некоторых членовредительных наказаний. Однако в целом вопросы веры и церкви исключались из числа факторов, существенно влияющих на уголовную репрессию: полностью декриминализировались, например, «колдовство», «волшебство» и т. д.

По своему правовому содержанию проект отразил линию политики государства по отношению к церкви, которая наметилась предыдущими мероприятиями с конца 1750-х годов и будет развита в позднейших законодательных мерах. Однако проект показал и специфические устремления «просвещенного абсолютизма», которые не могли быть реализованы без кардинальной ломки основ роли церкви и православия в феодальном государстве: полного поглощения церковного права светским, ликвидации сословной и административной самостоятельности церкви и духовенства.

Комиссия о разных установлениях, касающихся до лиц. Создание этой частной комиссии также предусматривалось «Начертанием» Екатерины II. Сама ее правовая сфера представляла новшество в части расширения возможного правового регулирования государства: до того все правовые стороны брачно-семейных отношений неимущественного характера входили в сферу церковного права. В «Начертании» подробно перечислены вопросы для правового регулирования, включая порядок вступления в брак, регулирование брака, права и обязанности детей и родителей, а также пожелание сделать широкое установление об опеке и порядке ее оформления¹⁷⁴. К этой формулировке задач «Наставление» Дирекционной комиссии ничего конкретного не добавило, и комиссии предстояло самостоятельно разработать практически новую для государственного закона правовую область.

Комиссия была образована в июне 1778 г. В ее состав в разное время входили И. Чаадаев, А. Похвиснев, А. Протасов, барон Ф. Зальц, В. Неклюдов, И. Губарев (вместо Ф. Зальца), П. Неклюдов (вместо В. Неклюдова), И. Поливанов (вместо И. Чаадаева). За три с лишним года своей работы — с 9 июня 1768 г. по 23 августа 1771 г. — комиссия провела 186 заседаний¹⁷⁵, но практически с августа 1770 г. работа ее прекратилась.

Разработки комиссии осложнились из-за существенных противоречий между ее членами по принципиальным вопросам регулирования брачно-семейных отношений. Основная работа пришлось на долю А. Протасова, В. Неклюдова, А. Похвиснева. Их активно критиковал Ф. Зальц, который выразил свои несогласия в обширной записке (переведенной с немецкого и размноженной в нескольких экземплярах для сведения Дирекционной комиссии и других комиссий). На судьбу проекта эти замечания не повлияли, но сам факт должен быть отмечен: далеко не всегда частные комиссии работали в единогласии и могли прийти к единому мнению.

¹⁷⁴ См.: Начертание... С. 22—24.

¹⁷⁵ См.: «Дневные записки» комиссии//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 117. Кн. 1—3.

На фоне других законопроектных работ разработки комиссии характеризовались более либеральной трактовкой принципов «просвещенного абсолютизма». Это, возможно, объяснялось тем, что все члены ее были депутатами от дворянства, что называется, «с мест», в особенности отставившими охрану своих личных прав. Так, комиссия отказалась вторгаться в регулирование неправовых внутрисемейных отношений морального свойства, максимально исключила применение мер государственного принуждения за неисполнение семейных или родительских обязанностей.

План работ комиссии, одобренный Дирекционной комиссией 29 июля 1768 г., предусматривал проект законов из трех частей: 1) о супружестве; 2) о родителях и чадах; 3) об опеке, каждая из которых делилась в свою очередь на главы и на статьи. Основными источниками правовых норм стали не столько государственные законы, сколько памятники церковного, византийского права, Уложение 1649 г. и «Наказ»; в главном же члены комиссии старались учесть пожелания, выраженные в дворянских наказах, и ориентировались на собственное правосознание.

Проект законов о супружестве и опеке комиссия представила в Дирекционную комиссию 13 апреля 1770 г. Последующая ее работа заключалась в многочисленных согласованиях правовых позиций проекта с другими частными комиссиями и прежде всего с Духовно-гражданской. В целом работы ее были завершены.

Проект законов, согласно плану, состоял, как уже говорилось, из трех частей и более чем 300 статей¹⁷⁶. Что касается общеправового подхода, его авторы исходили из понимания брака («супружества») не только как таинства (соответственно требованиям православного канона), но и как гражданского обязательства: «Супружество есть... таинство, по закону греческого исповедания, а по гражданскому — обязательство, которым сочетающиеся соглашаются жить по смерти свою в непрерывном союзе»¹⁷⁷. Правовая регламентация семейно-брачных отношений основывалась преимущественно на гражданском понимании брака, это было существенной новизной проекта. Понимание брака и семейных отношений как рода частного обязательства максимально ограничивало вмешательство не только церкви, но и государственных властей в эту сферу.

Брачный возраст устанавливался определенно: 18 лет для мужчин и 15 — для женщин. Для вступления в брак необходимо было согласие родителей (с преимущественным правом отца) или других родственников старшего поколения. Для крепостных людей (проект был адресован «гражданству» вообще) было необходимо разрешение их помещика, однако исключалось какое-либо с его стороны правовое принуждение. Узаконивалась старорусская процедура сговора и обмена подарками при помолвке, но трактовалось это как своего рода частное обязательство; при невыполнении данных обещаний применялись те же санкции, что и при сделках. Запрещались браки с малолетними, безумными и физически неполноценными лицами, тайные браки и др. Это создавало основу для квалификации ряда нарушений семейно-брачного права как «преступлений против супружества» (второй брак при живом супруге, прелюбодейство, «злоумышление» на супруга, жестокое обра-

¹⁷⁶ См.: Проект законов о установлениях до лиц//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1 Д. 220. Ч. 2. Л. 1—71об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 5.

ние с супругом), которые карались уголовными наказаниями исправительного свойства (арест до нескольких месяцев). Разрешалось применение процедуры (идущей от канонического права католической церкви) «отлучения от стола и ложа», то есть неофициального развода, «когда ненависть, ожесточение и непримиримая вражда у мужа и жены далеко дойдут»; однако для православных это правило не вводилось. В имущественном отношении муж имел первенство в семье, обладал правом пользоваться доходами с приданого жены, но был лишен прав по распоряжению ее имуществом — тем самым усиливалась и без того значительная имущественная самостоятельность женщин в семье.

Власть родителей в отношении детей также трактовалась ограниченной. Родители обязаны были содержать и воспитывать детей, имели право их наказывать, но «не преступая челоуечества», лишать наследства, однако только в случае конкретных действий, описанных в законе, а не по личному произволу. При разводе суд определял, с кем оставить детей и какое им назначить содержание. Разрешалось усыновление, но с соблюдением сословных и семейных ограничений; здесь значителен был контроль государства. Дети, рожденные вне брака или от сословно неравного брака, считались незаконнорожденными и лишались прав наследования.

В проекте учтено одно из главнейших пожеланий дворянства об установлении единого порядка опеки с организацией для того специальных органов. Опеке подлежали не только несовершеннолетние или безумные, но и — еще одно важное новшество — уличенные в жестоком обращении с подвластными; назначалась опека судом (поскольку речь шла о лишении или ограничении прав, судебное разбирательство было важной гарантией законности); устанавливались обязанности опекуна, вознаграждение за исполнение дела как «благоразумного хозяина», порядок окончания опеки с достижением совершеннолетия (20 и 18 лет для мужчин и для женщин соответственно).

Проект представлял собой едва ли не самое большое новшество в истории кодификации за весь период абсолютной монархии. Положения об опеке (с использованным обширным проектом об опекунстве И. П. Елагина) непосредственно предвосхитили законодательное урегулирование и установление этого института в актах 1770-х годов. Однако кодификация семейно-брачного права в едином кодексе, тем более касавшемся прав всего населения (хотя и с учетом различия сословных прав), оставалась проблемой для законодательной политики России еще более ста лет.

Комиссия о имениях, или «отчинная» (по первоначальному названию), была создана в числе первых частных комиссий в сентябре 1767 г. В ее состав в разное время входили М. Лунин, Н. Дурасов, Н. Н. Мотонис, Ф. Гадебуш, А. Ярославцов, князь П. Трубецкой, Д. Мерлин, Л. Камынин, А. Фрейс и еще до 10 депутатов от дворянства (в качестве помощников). Основные разработки были выполнены П. Трубецким, Л. Камыниным, А. Ярославцовым, которые являлись государственными служащими высших рангов.

За время своей деятельности — с 11 октября 1767 г. по 20 октября 1771 г. — комиссия провела 297 заседаний¹⁷⁸, правда, с января 1771 г. конкретная работа практически уже не велась и заседания были формальными.

¹⁷⁸ См.: «Дневные записки» комиссии//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 112. Кн. 1—5.

Первоначально постановлением Дирекционной комиссии от 27 августа 1767 г. задача комиссии формулировалась узко: разработать порядок наследования и приобретения недвижимых имений с определением, что есть недвижимое. Однако в сентябре, после ее переименования, комиссии было поручено разработать положение обо всех имениях вообще¹⁷⁹. При этом подразумевалось, что комиссия рассмотрит и вопросы сословной характеристики прав собственности, а также регулирования ее обращения, то есть частично обязательственного права.

Первоначальный план, утвержденный Дирекционной комиссией, был сложным по характеру и следовал этой нечеткой задаче. В нем содержались институционные правоположения: о правовом понимании движимого и недвижимого имения, наследства, владения, давности и др. Законопроект подразделялся на три части: 1) о вещном праве (24 главы); 2) о наследстве (8 глав); 3) о договорах (24 главы)¹⁸⁰. Авторы проекта следовали сложившимся кодификационным принципам тематического обобщения законодательного материала. Однако после издания «Начертания», создания специальной Комиссии о обязательствах, других уточнений, которые частично были выражены в «Наставлении» Дирекционной комиссии, им пришлось разрабатывать новую схему законопроекта и снова собирать законодательный материал, особенно обширный в части регулирования имущественных прав. По новому уточненному плану законопроект включал 30 глав: гл. с 1 по 12 охватывали главные родовые категории имения-собственности, в зависимости от субъекта и от порядка приобретения; гл. с 13 по 20 были посвящены режиму собственности, владению, а также основным видам сделок с недвижимой преимущественно собственностью (купля-продажа, мена, залог); гл. с 21 по 26 касались наследственного права, гл. 27—30 — особых видов вещных прав (сервитутов — «услужностей», давности, порядка записи и оформления собственности)¹⁸¹.

Проделанная работа по охвату законодательства была огромной. Особенно она осложнялась тем, что решить сложнейший правовой и внутриаполитический вопрос о регулировании собственности вне сложившегося порядка вещей, а следовательно, вне обобщения всего законодательного материала, было объективно невозможно. Комиссия поэтому пошла по единственно возможному пути первоначального обобщения и сбора законодательного материала. За исключением важнейших разделов и самых сложных и обширных правовых вопросов проект не был завершен. Полностью закончили свои главы П. Трубецкой (начальные), А. Ярославцев (главы второго раздела) и Л. Камынин (главы о наследстве). Объем разработанных глав будущей части уложения был очень большим: многие главы насчитывали более 200 статей.

Одной из центральных в проекте стала гл. 14 «О владении», в которой, по сути, шла речь о «собственности каждого рода жителей»¹⁸². Неограниченным правом собственности на «всякого звание имение» обладали дворяне, которые могли делать в своих имениях все, что заблагорассудится, руководствуясь только ограничениями закона, имели

¹⁷⁹ См.: Экстракты протоколов Дирекционной комиссии 27 августа и 4 сентября 1767 г.//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 112. Ч. 1. Л. 2, 3.

¹⁸⁰ См.: там же. Д. 142. Ч. 3. Л. 240—244.

¹⁸¹ См.: там же. Д. 220. Ч. 2. Л. 352.

¹⁸² Там же. Л. 38—40.

полное право распоряжения ими и пользовались самым широким режимом собственности. Также они имели «полную власть крепостных своих людей и крестьян во всякие работы употреблять и по усмотрению состояния их налагать на них подати и оброки» (§ 6 ч. 1) Ограниченным устанавливалось право собственности духовенства: за высшими иерархами признавались лишь права на движимое имущество, а недвижимым они могли пользоваться, но не распоряжаться; белое духовенство пользовалось правами собственности наравне со всем «мещанством». Право собственности «среднего рода людей» могло распространяться только на городские строения, фабрики, заводы и т. п.; специально оговаривалось, что «никто, не получивший дворянского права, не может деревень и всяких с людьми и крестьянами усадеб и земель покупать и оными владеть» (§ 5 ч. 2). Движимым же имуществом «духовенство, купечество и мещанство вольны употреблять по собственному желанию» (§ 6 ч. 2). «Нижний род людей», государственные крестьяне, однозначно приравненные к ним однодворцы, сельские священнослужители и др., имели право потомственного владения и пользования выделенными им участками земли, но без прав полного распоряжения ими; движимым же имуществом, как и мещане, они могли располагать по своему усмотрению (§ 2 ч. 3). За крепостными крестьянами признавалось только право владения и только движимым имуществом, однако с запрещением распоряжаться им без разрешения помещика (§ 4 ч. 3). Таким образом, важнейший вопрос о характере собственности решался в точном соответствии с принципами сословной политики и исключительно привилегированным положением дворянства, единственно имевшим право обладать крепостными крестьянами.

Для собственников земли устанавливался практически неограниченный режим пользования принадлежащим участком, включая права на пользование реками, лесами, недрами и другими «угодьями», добычу руд только с ограничениями по закону (§ 1—11 гл. 13). Сословный характер носило и наследственное право: крестьяне, в частности, свое имущество могли завещать только в собственном же роде, в противном случае оно становилось выморочным и шло помещику (ст. 4 гл. 22). Право завещания для других сословий, кроме духовенства, было практически неограниченным в отношении разрешенного им ко владению имущества.

Обширные разработки комиссии охватывали многие вопросы частного права. Последующее их влияние на законодательство было незначительным и проявлялось эпизодически. Законопроекты комиссии показательны для характеристики довольно высокого уровня теоретического осмысления правовых проблем, квалификации собственно правовой мысли членов Комиссии уложения, которые предложили предельно обобщенную форму регулирования частноправовых отношений, используя знание римского права и знакомство с юридическими классификациями западно-европейской литературы.

Комиссия о обязательствах была создана для более детальной правовой разработки общетеоретических посылок «Начертания», где Екатерина II сформулировала и общее понятие об обязательстве («обязательство значит вообще союз, по правде и по справедливости содеваемый, по которому гражданин обязан что-нибудь учинить и от которого рождаются деяния»), и основные виды обязательств, следуя четырехчленной структуре, идущей от римского права¹⁸³.

¹⁸³ См.: Начертание... С. 25—27.

Комиссия работала с 16 июня 1768 г. по 25 октября 1771 г., проведя за это время 303 заседания¹⁸⁴. Однако большая часть времени уходила на разного рода согласования общеправовых вопросов с другими частными комиссиями и на сбор выписок из законов. В состав комиссии входили Н. П. Толмачев, В. И. Голенищев-Кутузов, П. Карякин, А. Т. Князев, барон Л. Ф. Унгерн-Штернберг, князь В. Енгальцев, Б. Тыртов; почти все они были депутатами от дворянства. К началу 1770 г. из-за увольнения большинства депутатов в комиссии оставались то один, то два члена, которые в основном заседали с Комиссией о разных установлениях до лиц.

Комиссия о обязательствах только наметила главные направления своей кодификационной работы, выработав обобщенный план и решив самые общие вопросы обязательственного права.

План раздела об обязательствах будущего уложения предусматривал распределение правовых норм по четырем частям¹⁸⁵; первая часть посвящалась теоретическим вопросам о том, «что есть вообще обязательство и кто в обязательство вступать могут» (в пяти главах); во второй части рассматривались содержание и правовые характеристики конкретных видов обязательств, распределение их в зависимости от источника возникновения, а также по способу заключения (подряды — с короной и с частными людьми, откуп, наем, товарищество, хранение, заем, залог и т. д.), причем по всем видам договоров выделялись особые подвиды, характеризующие условия их исполнения: совершенные, или ненарушимые, условные, срочные и бессрочные, как бы договоры и др.; в третьей части определялись условия совершения и действительности договора: полномочия сторон, поручительство, свидетельство, обряд и формальные признаки для каждого из видов, порядок исполнения и взыскания по обязательствам. Четвертая часть посвящалась правонарушениям, деликтам, в основном здесь рассматривалась категория частноправовой вины как условия в обязательстве, обуславливающего ответственность. В классификации и в общем подходе в основном использовался опыт догматики римского права.

Законченным проектом была подготовлена только первая часть, автором которой являлся Н. П. Толмачев¹⁸⁶. В ней были решены общеправовые вопросы характеристики обязательств вообще, а также сформулированы основные сопряжения обязательственного права с правами лиц соответственно их сословному статусу.

Проект первой части «Что есть обязательство. Кто может обязываться» подразделялся на четыре главы в 27 статьях. Под обязательством понималось «добровольное условие, которым с обеих сторон один или многие друг другу должными себя делают взаимно что отдать или исполнить» (ст. 1 гл. 1). Условиями действительности обязательств определялись наличие полномочных сторон и предмета обязательства, ненасильственное волеизъявление, соответствие законам и благосостоянию общества и совести» и в целом ненасильственное их заключение (ст.ст. 2—8 гл. 1). Обязательственное право сопрягалось с сословным положением лиц. Во все виды обязательств могли вступать

¹⁸⁴ См.: «Дневные записки» комиссии//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 132. Кн. 1—3.

¹⁸⁵ См.: ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Ч. 3. Л. 237—238.

¹⁸⁶ См.: Проект частной Комиссии о обязательствах. Часть 1-я (за собственноручной подписью Н. П. Толмачева)//Там же. Д. 257. Л. 262—268об.

дворяне и люди «среднего рода» (ст.ст. 1—2 гл. II). Права «нижнего рода людей» были существенно ограничены: они могли свободно заключать лишь договоры личного найма (при наличии печатных паспортов), контракты только с оговоренной суммой и при поручительстве (для государственных крестьян — управителей, для владельческих — их помещиков); все прочие договоры они имели право заключать только по специальному письменному разрешению (ст.ст. 3—8 гл. II). Дееспособность стороны для вступления в обязательства определялась наличием совершеннолетия, здравого рассудка, полномочия в имуществе — предмете обязательства; неотделенные дети могли заключать самостоятельно обязательства только к своей выгоде (ст.ст. 1—3 гл. III). Заключение обязательства с ненадлежащим субъектом исключало возможность взыскания (ст. 4 гл. III). Сословный характер обязательственного права проявлялся и в характеристике таких условий заключения обязательств, как поручительство и свидетельство: и поручителями, и свидетелями не могли быть лица «нижнего рода»; духовные особы могли выступать только свидетелями (ст.ст. 1—5 гл. IV).

Практического значения для развития законодательства проект почти не имел. Как и проект комиссии о имениях, он характеризует уровень правовой мысли и юстиции времени «просвещенного абсолютизма».

Другие частные комиссии. Работа и проекты остальных пяти частных комиссий в наименьшей степени были связаны с решением правовых проблем. Они разрабатывали некоторые вопросы внутриполитического свойства, которые также предполагалось урегулировать законодательно в едином своде законов.

Комиссия для остережения противоречий между воинскими и гражданскими законами имела вспомогательную задачу. Она функционировала с 19 апреля 1768 г. по 20 октября 1771 г., проведя формально 251 заседание¹⁸⁷, но по существу ее деятельность прекратилась в декабре 1769 г. В состав комиссии входили князь Ф. В. Щербатов, граф М. Г. Скавронский, А. Нагаев, П. Левашев, И. Рыбников, князь С. Вяземский (вместо П. Левашова); руководили ею Ф. В. Щербатов и М. Скавронский как «высшие военные должностные лица. Никаких реальных итогов работа комиссии не имела. Планом предусматривалось правовое согласование военных уставов с новосоздаваемым уложением (ч. 1), урегулирование системы продовольственного снабжения армии (ч. 2), постоя войск в городах (ч. 3), согласование требований морского военного устава с обеспечением торгового мореплавания (ч. 4), пересмотр требований старых законов по вопросу о сбережении и растении корабельных лесов (ч. 5)¹⁸⁸. Главные члены комиссии рассматривали свою работу как излишнюю обузу и дело не вполне необходимое; более всего это проявилось при обсуждении вопросов о снабжении армии провиантом, когда М. Скавронский указал, что поскольку дело это регулируется временными инструкциями, то частым подвержено переменам, и что, мол, смысла нет устанавливать что-либо в законе на сей случай¹⁸⁹. Возможно, комиссия была бы более полезной при общей доработке уложения, но до этого, как известно, дело не дошло.

¹⁸⁷ См.: «Дневные записки» комиссии//ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 128. Кн. 1—2.

¹⁸⁸ См.: там же. Д. 142. Ч. 3. Л. 298.

¹⁸⁹ См.: там же. Д. 128. Кн. 2. Л. 106об.

Деятельность остальных частных комиссий была связана с чисто экономическими и внутривластными проблемами.

Комиссия о размножении народа, земледелия, домостроительства, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах должна была выработать, согласно плану, «изображение способов к приведению в лучшее состояние препорученных ее трудам предметов»¹⁹⁰. В целом задача ее состояла в разработке мер по улучшению учета податного населения, объяснении причин его высокой смертности, анализе реальных «отягощений» народа, а также разработке предложений по улучшению использования земли, переселенческой политике, по устройству земской полиции.

Комиссия о почтах и гостиницах должна была разработать общий устав о содержании почт и почтовых дорог и гостиниц, урегулировав порядок пользования почтой частных лиц, государственных чиновников и выработав пожелания к общему устройству «гостиничного хозяйства»¹⁹¹.

Комиссия для рассмотрения образа сборов и образа расходов и Комиссия о рудокопании, бережении и растении лесов и о торговле вообще занимались проблемами улучшения своих областей государственного хозяйства (составление государственного бюджета и регулирование порядка налогообложения) и отдельными вопросами экономического развития страны. Каких-либо законченных проектов или предложений эти комиссии не разработали.

Большое значение для последующей образовательной политики «просвещенного абсолютизма» имели разработки Комиссии об училищах. Все проекты устройства разного рода школ и училищ легли в основу школьной и образовательной реформы 1780-х годов¹⁹².

Значение работ частных комиссий. Как видно, основная практическая работа по кодификации права, включая как систематизированное обновление законодательства, так и разработку отдельных сторон правовых реформ «просвещенного абсолютизма» в качестве составных частей будущего свода законов империи, сосредоточилась в частных комиссиях. Эта работа имела значительные реальные результаты, и кодификация права была в основном проведена в виде отдельных законопроектов, которые охватывали все важнейшие стороны правового регулирования и включались в систему единого свода законов. По социально-правовой, политической и идейно-правовой характеристикам содержание всех подготовленных (и только намеченных) законопроектов отвечало принципам «просвещенного абсолютизма» и в этом смысле продолжало и развивало законодательную программу «Наказа». Отдельные варианты идейно-правового прочтения депутатами некоторых проблем правового регулирования соответствовали различным идейным «толкам» в общих рамках доктрины и идеологии «просвещенного абсолютизма». Соответствие этих разработок правительственной политике несомненно. Реализация законодательной программы Комиссии уложения зависела уже только от политической воли правительства и верховной власти. Хотя несомненно и то, что последовательная и единовременная реализация разработанной законодательной программы, в целом нацеленной на сохранение и укрепление феодальной монархии и сословно-крепост-

¹⁹⁰ ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Ч. 3. Л. 162—180об.

¹⁹¹ См.: там же. Л. 272—273.

¹⁹² См.: Курмачева М. Д. Проблемы образования в Уложенной комиссии 1767 г. // *Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.* М., 1975. С. 240—264.

нического строя, повлекла бы за собою глубокую перестройку государственной организации, правовой системы и, отчасти, социально-правовых связей.

Если рассматривать Комиссию уложения с точки зрения поставленных перед нею задач, то главной формой ее работы была деятельность частных комиссий и руководящих органов. И в рамках этой деятельности Комиссия уложения выполнила в главном свою задачу, проработав в кодификационном отношении и структуру будущего уложения, и важнейшие его правовые принципы.

§ 3. Комиссия уложения в 1772—1796 гг.

Прекращение работы депутатов. С началом 1769 г. и отъездом более ста депутатов-дворян в армию общий состав Комиссии уложения значительно сократился. Прекратились заседания Большого собрания, большинство депутатов от других сословий были распущены по домам. В работах частных комиссий продолжали принимать участие немногим более ста депутатов, в основном служащих центральных правительственных учреждений и дворян, живущих в столицах, а также тех, кто не пожелал сдать свои депутатские полномочия из-за чрезмерно ответственного подхода к своим депутатским обязанностям. Поскольку русско-турецкая война затягивалась, предполагавшееся при закрытии работ Собрания возобновление занятий Комиссии становилось все более неопределенным. К 1770 г., как было показано, большинство частных комиссий также либо в основном выполнили свои задачи и подготовили законопроекты, либо сворачивали свою деятельность по разным обстоятельствам. Значительно упал и правительственный интерес к Комиссии и прежде всего самой Екатерины II, которая явно не ожидала столь продолжительной и, по-видимому, не очень плодотворной ее работы.

В октябре 1771 г. работа частных комиссий была официально прекращена, их заседания отложены «до будущего года», депутаты распущены. В начале 1772 г. возобновление заседаний Комиссии уложения было отложено до 1 мая¹⁹³, затем, повторными указами, — до 1 августа¹⁹⁴, до 1 ноября¹⁹⁵ и, наконец, до 1 февраля 1773 г.¹⁹⁶ На протяжении 1773—1775 гг. в ряде областей страны, в том числе вновь присоединенных по первому разделу Речи Посполитой, проходили довыборы и перевыборы депутатов вместо умерших, выбывших по разным причинам; во всяком случае, не только Комиссия, но и депутаты числились «в отсрочке»¹⁹⁷. Только 4 декабря 1774 г. Комиссия получила распоряжение, по которому ее занятия откладывались впредь «до указа». 8 августа 1776 г. Сенат вынес определение о прекращении ходатайств со стороны губернаторов о выборе новых депутатов, «потому в выборе новых депутатов не настоят нужды до того времени, доколе всем депутатам будет общий позыв»¹⁹⁸.

¹⁹³ См.: Указ от 17 января 1772 г.//ПСЗ. Т. 19. № 13740. С. 421.

¹⁹⁴ См.: Указ от 1 мая 1772 г.//ПСЗ. Т. 19. № 13793. С. 487—488.

¹⁹⁵ См.: Указ от 31 июля 1772 г.//ПСЗ. Т. 19. № 13845. С. 524.

¹⁹⁶ См.: Указ от 26 октября 1772 г.//ПСЗ. Т. 19. № 13893. С. 558.

¹⁹⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование имп. Екатерины II. СПб., 1897. С. 86—87.

¹⁹⁸ Цит. по: Лаппо-Данилевский А. С. Указ. работа. С. 87.

Однако идея о сохранении Комиссии в полном объеме продолжала занимать внимание Екатерины II. В 1775 г., обдумывая принципы правительственных реформ, частично реализованных в «Учреждениях губерний» 1775 г., она предполагала превратить Комиссию в специальную палату при Сенате, куда направлялись бы сложные дела для предварительного общественного обсуждения, а частные комиссии сохранить для разбора разных «ненужных» дел. И позднее мысль о превращении Комиссии в постоянно действующий орган не покидала императрицу.

После 1774 г. Комиссия сохранила только свое руководство в лице генерал-прокурора, общую канцелярию и структуру частных комиссий. Однако при этом Комиссия не была чисто делопроизводственным органом: в частных комиссиях оставались, по-видимому, секретари-«сочинители» и те, кто персонально проводил отбор законодательства и вел вспомогательные выписки из правовых источников. В 1796 г., согласно списку личного состава Комиссии по канцелярии генерал-прокурора, в 18 частных комиссиях (включая три руководящие) числилось 56 чиновников среднего ранга (от двух до пяти по каждой из комиссий) и около 50 делопроизводителей¹⁹⁹. Кодификационно-техническая работа продолжалась.

Составление «Описания внутреннего Российской империи правления». В 1775—1783 гг. работавшие при генерал-прокуроре «сочинители» составили свод действующего законодательства под общим названием «Описание внутреннего Российской империи правления со всеми законоположения частями»²⁰⁰. Точная цель этой работы неизвестна, однако «Описание» должно было не только носить справочный характер, но и служить к подготовке какого-то нового кодификационного проекта.

Исходным материалом для составления «Описания» служили многочисленные своды узаконений за 1649—1766 гг. с дополнениями, сделанными в канцелярии Комиссии уложения и в Дирекционной комиссии для справок и для работы частных комиссий. В 1777—1779 гг. из них были составлены так называемые «Экстракты по материям из российских законов» в девяти томах²⁰¹. Подготовили их те же лица, что позднее будут составителями «Описания». «Экстракты» включали тематические подборки законодательства по Синоду, Иностранной коллегии и Герольдии (т. 1), Военной коллегии и ее учреждениям (т. 2), Юстиц-коллегии и по уголовному праву (т. 3), по полиции и органам государственного хозяйства (т. 4), по Коммерц-коллегии (т. 5), по Магистрату и ямскому делу (т. 6), Камер-коллегии и финансах (т. 7), по Лифляндии и Эстляндии (т. 8), по вопросам полицейских учреждений, учебным заведениям, опеке, городам и др. (т. 9); последний девятый том повторял предметы ведения пяти частных комиссий. Конечно, систематика и подборка законодательства была неполной (возможно, впрочем, что не все тома сохранились) и имела чисто практическое значение.

¹⁹⁹ См.: Латкин В. Н. К истории кодификации в России в XVIII веке // Журнал министерства юстиции. 1902. № 5. Ч. неоф. С. 19—45.

²⁰⁰ См. об этом: Лаппо-Данилевский А. С. Указ. работа. С. 91—111.

²⁰¹ См.: ГБЛ ОР. Ф. 132. Карт. 5—10. Ед. хр. 6—16. Общее описание см.: Отчет Московского публичного и румянцевского музея за 1883—1885 гг. М., 1886. С. 8—10.

«Описание внутреннего Российской империи правления» состояло из девяти глав (частей) в 10 томах²⁰². Первая часть (в двух томах, с хронологическим подразделением) охватывала законодательство «о порядке государства в силе общего права» (центральные и местные учреждения, власть должностных лиц). Во второй части были собраны законы о судостроительстве и судопроизводстве, в третьей — о народном просвещении (включая все относившееся к культуре вообще). Четвертая и пятая части охватывали законы о благочинии — полиции и о содержании почт и дорог. Шестая была посвящена государственным доходам, седьмая — государственному хозяйству, фабричному законодательству, горному делу и т. п. В восьмой части были собраны законы о внешней и внутренней торговле, в девятой — о военных и морских учреждениях, в десятой — законы о правах сословий. Одиннадцатая часть (в двух томах) охватывала законодательство о вещном и обязательственном праве.

«Описание» предвлялось обширным (более 200 страниц) историческим исследованием развития законодательства в России, начиная с судебников XV—XVI вв. В самом своде (с внутренним подразделением на отделы и т. д.) обобщалось и систематизировалось законодательство преимущественно XVIII в. и исключительно действующее. Таким образом, «Описание» представляло собой свод законов по всем сферам государственного законодательства и стало первым опытом систематизации чисто действующего права. Второй и главной особенностью «Описания» было то, что составители его не связывали себя текстом старых законов, а излагали принципы и нормы по-своему, стараясь позитивно и по-возможности единообразно представить все нормы из старых законов. Иными словами, «Описание» было попыткой не чисто практической кодификации, но имевшей значение для обновления правового регулирования. Не всегда составители выдерживали принцип избранной работы, некоторые разделы имели преимущественно исторически-ознакомительный характер. Но тем не менее этот опыт кодификации не только отражал еще одну стадию кодификационной работы Комиссии уложения (хотя и в очень узком, бюрократическом смысле и лишенную примет правовых преобразований). «Описание» представляло значительный шаг в развитии представлений о кодификации, техники правотворчества и отражало высокую ступень правовой мысли. По своей структуре оно предвосхищало частные систематизации начала XIX в., а также общую схему Свода законов Российской империи 1832 г.

В конце 1780-х годов «Описание» попало в сферу законопроектного внимания Екатерины II. Разрабатывая варианты кодификации законов империи, она предполагала возможным использовать составленное под руководством А. А. Вяземского «Описание».

После составления «Описания» каких-либо сведений о работе Комиссии уложения нет. Официально она существовала до 30 декабря 1796 г., когда указом Павла I была преобразована в Комиссию для составления законов со значительно более узкими и конкретными задачами по разработке кодексов гражданского и уголовного законодательства.

²⁰² См.: ГБЛ ОР. Ф. 132. Карт. 11—18. Ед. хр. 17—25; карт. 21. Ед. хр. 31—32.

Глава 5
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.
И НОВЫЕ ФОРМЫ КОДИФИКАЦИИ ПРАВА

**§ 1. Начало реализации и развитие законодательной программы
«просвещенного абсолютизма»**

Одной из причин охлаждения правительственного интереса к кодификационным работам Комиссии уложения в начале 1770-х годов наряду с затянувшейся русско-турецкой войной и внутрисполитическими осложнениями, вызванными крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачева, было то, что тогда же у Екатерины II стал формироваться собственный, несколько отличный от первоначальной программы и от разработок Комиссии план законодательства.

Первой попыткой частичной реализации этого плана явился манифест от 17 марта 1775 г. по случаю окончания войны с Османской Портой, в котором, кроме конкретных «облегчений народу», провозглашались новые начала общеправового характера²⁰³. Крупнейшая административная и правовая реформа была развернута с опубликованием в том же 1775 г. «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи»²⁰⁴. «Учреждения» стали первым из самых значительных актов реформ правительства Екатерины II, в котором непосредственно реализовывались кодификационные и законопроектные разработки Комиссии уложения, переосмысленные императрицей, бывшей основным автором нового закона, в свете собственного плана. Характер правоположений этого акта показал в том числе и отличия собственной законодательной программы Екатерины II: в ней первенствовали задачи административного и правоприменительного урегулирования.

К 1777—1779 гг. относится работа Екатерины II над проектом сводного уголовного уложения, в котором отразились как уголовно-правовая доктрина «Наказа», так и принципы законопроектных разработок Комиссии о правосудии (в систематике преступлений, оценке преступности деяния и т. д.)²⁰⁵. С точки зрения кодификационной техники новым было изложение составов преступлений и наказаний в раздельности. Предполагалось, что судья установит, относится ли или нет совершенное деяние к преступным, оценит дополнительно смягчающие или отягчающие обстоятельства и вынесет наказание, предписанное в другом разделе уложения. Помимо возможных субъективных особенностей кодификационного замысла Екатерины II, здесь сказалось ее знакомство с английской правовой системой и, в частности, со структурой английского уголовного законодательства (эта литература стала интересовать императрицу с середины 1770-х годов).

Законодательные разработки Комиссии уложения оказали влияние и на сферу частного права. Манифестом от 28 июня 1782 г. «О распространении права собственности владельцев на все произведения

²⁰³ См.: ПСЗ. Т. 20. № 14275. С. 82—86.

²⁰⁴ См.: Манифест от 7 ноября 1775 г. и «Учреждения»//ПСЗ. Т. 20. № 14392. С. 229—302.

²⁰⁵ Подробнее см.: Омельченко О. А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII в.// Вопросы истории уголовного права и уголовной политики. М.: ВЮЗИ, 1986. С. 33—41.

земли, на поверхности и в недрах ее содержащиеся» было установлено предельно широкое понимание права собственника, включая неограниченные права на пользование недрами, добычу и обработку «в собственных его землях» любых полезных ископаемых (в том числе золота) и на использование пространства над земельным участком, лишь бы не нарушались интересы других собственников и государственный закон²⁰⁶. Дополнительно указом от 22 сентября 1782 г. также устанавливалось неограниченное право собственников земли на леса, растущие на принадлежащих им землях²⁰⁷. Таким образом, то понимание права владения-собственности, которое было выработано в проекте Комиссии о имениях (в гл. 13 «О поверхности земли»), воплотилось в законодательстве.

В 1780-е годы законодательная программа Екатерины II реализовалась еще в нескольких актах самого общего значения и новых по своей форме.

§ 2. Устав благочиния 1782 г.

Создание и источники Устава. Пока с точностью неизвестно, когда у Екатерины II возник замысел особого учреждения о полиции, воплотившийся в Уставе. И в «Наказе», и в разработках Комиссии уложения установление прочного и всеобъемлющего законодательства о полиции, ее функциях и правах рассматривалось в качестве одной из важнейших задач: широкое понимание существа полицейского управления (направленного не только на охрану общественного порядка, но и на «утверждение в народе благочиния вообще»), общественных задач полиции в рамках доктрины «просвещенного абсолютизма» объясняло то особое внимание, которое уделялось в законопроектных работах этим вопросам.

«Учреждения» 1775 г. предусматривали в том числе и организацию уездного полицейского управления: нижний земский суд и возглавлявший его земский исправник, или капитан (гл. XVII—XVIII). Помимо судебных дел и административного управления (в меру выделенных полномочий), на этот орган возлагались задачи по сохранению в уезде «благочиния, добронравия и порядка»; земские суды рассматривались как органы земской полиции, или благочиния. «Учреждения» также определили основные направления деятельности и права полиции. Таким образом, необходимость новых узаконений о полицейском управлении становилась все более настоятельной с развертыванием губернской реформы.

Предшествующее законодательство о правах и обязанностях полиции было разнородным, складывалось не столько из собственно законодательных актов, сколько из внутриведомственных предписаний. Обширность и вместе с тем неурегулированность реальности функций полицейского управления в особенности проявились в содержании объемного наказа Главной полиции в Комиссию уложения²⁰⁸. В этом наказе, послужившем отправной точкой и для законопроектных работ Комиссии о благочинии, впервые обобщались (в виде пожеланий и требований к законодательству) различные акты о полномочиях поли-

²⁰⁶ См.: ПСЗ. Т. 21. № 15447. С. 613—615.

²⁰⁷ См.: ПСЗ. Т. 21. № 15518. С. 676.

²⁰⁸ См.: РИО. Т. 36. СПб., 1882. С. 299—363.

цейских органов в России. Наказ отразил и новейшую западноевропейскую литературу по вопросам о правовом статусе, роли и полномочиях полиции в обществе «законной монархии»²⁰⁹.

Екатерина II начала работу над проектом устава около 1779 г., отправляясь от своей работы над уголовными законами. Основные черновые редакции, выписки и дополнения были выполнены ею единолично, при технической помощи ее секретарей²¹⁰. Окончательная редакция была завершена в 1781 г., как об этом говорилось в указе при официальной публикации Устава благочиния, обнародованного 8 апреля 1782 г.²¹¹

Устав подразделялся на 14 глав (от «А» до «Н») и 274 статьи. Условно в нем выделялись три различные по источнику происхождения и по своему характеру части. Первая часть (гл. 1—12) содержала характеристики создаваемых органов полицейского управления, структуры этих органов и определяла основные направления деятельности полиции, то есть «содержание благочиния». Вторую часть (гл. 5) составил особый «Наказ управе благочиния» (который был включен в гл. 4 «О должности управы благочиния») с особой нумерацией статей (пп. 1—XV ст. 41). Третья часть (гл. 13—14) состояла из подробного и конкретного в правовом отношении перечня наказуемых деяний, предотвращение или наказание которых входило в компетенцию полиции.

Первая часть Устава представляла собой преимущественно законодательное творчество Екатерины II: эта часть по структуре первых глав (и по их названиям) следовала «Учреждениям»; характеристика и структура полицейских органов основывалась на тех же принципах, что и для губернских. Иными словами, она являлась дополнением и развитием «Учреждений». В характеристике должности «благочиния» и соответственно функций полицейского управления Екатерина II использовала свой «Наказ», а также правовую литературу по полицейскому управлению (в XVIII в. эта отрасль права была одним из популярных предметов различных суждений и исследований).

Источником второй части Устава («Зерцала управы благочиния») было сочинение французского правоведа Де ла Мара «Трактат о полиции» (1722 г.)²¹². Оно подробно изучено Екатериной II и переработано в отдельные статьи закона²¹³. Обширный трактат Де ла Мара послужил руководством в определении функций полиции и в других разделах Устава.

²⁰⁹ См.: Готье Ю. В. Из истории законодательной мысли XVIII века. Наказ Главной полиции в Уложенной комиссии 1767 г.//Россия и Запад. Вып. 1. Пг., 1923. С. 103—106.

²¹⁰ См.: Выписки к Уставу и черновые редакции//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4, 18; оп. 2. Д. 305, 341.

²¹¹ См.: ПСЗ. Т. 21. № 15379. С. 461—488; Российское законодательство X—XX вв. Т. 5. М., 1987. С. 321—387.

²¹² Де ла Мар (1639—1723) был крупным полицейским чиновником Парижа в правление Людовика XIV Его трактат (11 книг в четырех томах) отражал не только теоретические представления о полиции, но и практику полицейского управления XVII — начала XVIII вв. Подробнее см.: Андреевский И. Е. Полицийское право. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1874. С. 65—67.

²¹³ См.: Григорьев В. А. Зерцало управы благочиния (эпизод из истории устава благочиния 1782 г.)//Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3/4. С. 73—103.

Третья часть Устава была своего рода уложением о преступлениях и наказаниях и в значительной степени следовала предварительным разработкам Екатерины II по проекту уголовного уложения предыдущих лет, а также наказу Главной полиции.

На положения о полномочиях полицейского управления, о его задачах, а также на группировку статей в Уставе об уголовном праве оказали влияние и работы английского правоведа XVIII в. У. Блэкстона: выписки из его работ сопутствуют наброскам отдельных разделов Устава²¹⁴.

Органы полицейского управления и их задачи. Устав определял структуру органов полицейского управления только в городах (в этом смысле общее направление регулирования совпадало с разработками Комиссии уложения). Органом полицейского управления в городе учреждалась управа благочиния (ст. 1), которая представляла собой коллегиальный орган; в нее входили, в зависимости от величины города, полицеймейстер, обер-комендант или городничий, приставы гражданских и уголовных дел и выборные из граждан ратманы-советники (ст.ст. 2—4). Город разделялся на части и кварталы, следуя установленному числу домов или владений. В части начальником полиции считался частный пристав (ст. 7), в квартале — квартальный надзиратель (ст. 11). Все полицейские служащие получали государственные чины соответственно Табели о рангах (ст.ст. 15—20). Руководство полицией возлагалось на губернские власти; решением губернского правления замещались основные полицейские должности в городах (ст.ст. 23—24); низшие полицейские чины назначались своим начальством. Полицейское руководство столиц подчинялось Сенату (ст.ст. 21—22).

Задачи полицейского управления в целом и соответственно функции управ благочиния определялись как «сохранение благочиния, добронравия и порядка» (ст. 30). Главная задача полиции заключалась в «исполнении и сохранении предписанного законами полезного» (ст. 30). Для этого управа благочиния следила за получением и исполнением узаконений (ст.ст. 50—51), имела полномочия «взыскивать» за неисполнение закона (ст.ст. 46—47), но только в том случае, если закон был обнародован (ст. 48)²¹⁵. Наряду с этим она должна была проводить в жизнь решения местных органов государственной власти (ст. 30³).

Задачи и полномочия полицейского управления, соответственно и управ благочиния, определялись в согласии с широким «просветительным» представлением о роли полиции (и в основном следовали классификации, намеченной в трактате Де ла Мара). Полиция контролировала соблюдение предписаний православной веры и церковных порядков (ст.ст. 57—61), но охраняя и начала веротерпимости (ст. 62); сохранение общественной тишины и спокойствия, включая и пресечение деятельности незаконных обществ и наблюдение за нравами и развлечениями (ст.ст. 63—69); меры по обеспечению народного «здравия» и здравоохранения (ст. 71), городского хозяйства (ст.ст. 31—36), торговли и народного продовольствия (ст.ст. 32—34). Управе благочиния подлежали также мелкие уголовные дела, по которым она была полномочна самостоятельно выносить решения (ст. 72); ей поручалось

²¹⁴ См.: ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 305. Л. 2—31.

²¹⁵ Тем самым впервые в русском законодательстве оговаривалась обязанность предварительной публикации (обнародования) закона.

предварительное следствие по уголовным делам и розыску преступников (ст. 70).

Эти задачи полицейских органов конкретизировались в положениях о полномочиях отдельных полицейских чинов; специально были оговорены следственные задачи и права полиции. Трактат Де ла Мара, следуя французской практике, включал в компетенцию полиции и контроль за отношениями прислуги со своими нанимателями. Отправляясь от этой посылки, Устав учреждал особую должность частного маклера (под общим началом полицейских чинов), которому поручалось контролировать наем рабочей силы, условия найма и правовые отношения по найму (ст.ст. 181—190). Причем без маклерской регистрации наем не разрешался. Для контроля за обращением недвижимости учреждалась аналогичная должность частного маклера, также действующего под руководством полиции (ст. 179—180). Таким образом, под контроль полиции попадали сделки и отношения частнопроводного характера.

Полиция получила и некоторые судебные права, хотя очень ограниченные по сравнению с прежде признававшимися. Управа благочиния имела право назначать наказания по мелким уголовным делам, подведомственным полицейской власти. В частях города следовало также организовать так называемые словесные суды, выборные из граждан, для решения устных жалоб по гражданским делам и примирения сторон (ст.ст. 161—178).

Деятельность полиции должна была следовать началам абсолютистской законности, сформулированным в «Зерцале управы благочиния». Полицейским чинам вменялись в служебный долг христианские добродетели, а также «человеколюбие», «усердие к общему добру» и др., при условии «верности к службе императорского величества» (ст. 41). В идейно-правовом отношении эти начала отражали основные принципы официальной доктрины абсолютизма первой половины XVIII в.

Свод уголовно-правовых норм. Третья часть Устава представляла своеобразную кодификацию норм уголовного права с учетом полномочий и задач полицейского управления. По своей структуре эта кодификация отходила от традиции русского законодательства; предлагался отдельный перечень криминализируемых деяний и перечень санкций за эти деяния, которые должны были применять полицейские органы.

По правовому содержанию посвященные уголовным деяниям разделы Устава практически тождественны (по 42 статьи, описывающие аналогичные составы), но изложение и форма несколько различались.

Подлежащими наказанию определялись действия: 1) направленные к непослушанию законам или решениям полицейских властей (ст.ст. 191—194); 2) направленные против православной веры и богослужения (ст.ст. 195—204); 3) нарушающие общественный порядок, специально контролируемый полицией (ст.ст. 205—208); 4) нарушающие порядок управления или суда — взяточничество (ст.ст. 209—210); 5) нарушающие общие нормы «благочиния» — самовольное строительство, пьянство, азартные игры, недозволенные лотереи и театральные представления, непотребное поведение, брань (ст.ст. 211—224); 6) собственно уголовные преступления против личности, жилищ, имущества, народной тишины, и др., следуя классификации У. Блэкстона и той, которую Екатерина II проводила уже в проекте уголовного уложения (ст.ст. 225—232). Полиция наделялась полномочиями назначать наказания лишь по некоторым из описанных деяний, в основном нарушающих второстепенные правила или не вредящих особенно законному порядку: затевание споров против православия (ст. 241), несоблюдение воскресных и празд-

ничных дней (ст. 245—246), передвижение без паспорта (ст. 248), несоблюдение требований о маклерском посредничестве в сделках (ст. 253), неразрешенное ношение оружия (ст. 255), пьянство (ст. 256), азартные игры (ст. 257), недозволенные представления и прочие против норм благочиния действия (ст.ст. 261—265), а также по некоторым незначительным уголовным преступлениям против таможенных правил и имущества (ст. 273). Во всех прочих случаях полиция только определяла общую наказуемость деяния, проводила следствие и передавала дела в надлежащие судебные органы. Наказания, которые могла применять полиция, были следующими: запрещение или порицание, штрафы, арест до нескольких суток, заключение в работном доме до возмещения причиненного ущерба.

Перечень уголовно наказуемых деяний в Уставе был практически исчерпывающим, за исключением политических преступлений и преступлений против власти и личности монарха, а также воинских — они, следовательно, не входили ни в следственную, ни в правовую компетенцию городской полиции.

Третья часть Устава была, как видно, опытом кодификационного обобщения норм уголовного права — правда, по весьма необычной для русского законодательства систематике и общей схеме. В отношении же главного предмета своего ведения — полиции, Устав не только установил новые полицейские учреждения и принципы их деятельности во всем объеме правового регулирования, но и обобщил отдельные акты и нормы закона по определению полномочий полицейского управления, став первым в истории русского законодательства примером систематизации и частичной кодификации особой области — полицейского права.

Позднее по образцу Устава (вероятно, под руководством чиновников Сената) был составлен проект устава земского благочиния²¹⁶. В нем применительно к нижнему земскому суду развивались те же положения, которые составили Устав благочиния. Структура и содержание проекта были почти тождественны Уставу, однако законом он не стал, и запланированные в нем преобразования нижних земских судов в органы только полицейские реализовались лишь в XIX в.

§ 3. Жалованная грамота дворянству 1785 г.

Разработка и источники Жалованной грамоты. В кодификационных проектах времени «просвещенного абсолютизма» попытки создания систематического узаконения о правах сословий, в котором были бы обобщены и закреплены все (личные, имущественные, судебные, политические) права и привилегии, занимали принципиальное место. В первую очередь такому обобщенному регулированию должны были подлежать сословные права дворянства — это не только отвечало социально-политической программе «просвещенного абсолютизма», но прежде всего отражало требования дворянства к правовой политике монарха.

Первым опытом такого обобщенного акта была гл. 22 третьей части проекта нового уложения «О состоянии подданных вообще», составленного Уложенной комиссией 1754—1766 гг. Обширный проект «Права дворянского» был составлен (во многом опираясь на предыдущий) специально созданной правительством Екатерины II Комиссией о вольности

²¹⁶ Проект Устава земского благочиния. Писарская копия (1780-е гг.)// СГАДА. Ф. 16. Д. 199. Л. 1—146об. (в 13 разделах и 302 статьях).

дворянской в 1763 г.²¹⁷. Следующим опытом законодательной систематизации дворянских привилегий стал «Проект правам благородных» 1768 г., подготовленный Комиссией о государственных родах и обсуждавшийся в Собрании депутатов. Все эти проекты были не только обобщением существующего законодательства, но и попытками значительного правового обновления, правовой реформы, направленной на расширение и укрепление прав господствующего сословия.

Начало оформления замысла законопроекта о правах дворянства, который в итоге воплотился в Жалованной грамоте 1785 г., прямо связано с деятельностью Комиссии уложения и ее проектами о дворянстве.

В конце августа — начале сентября 1768 г., когда обсуждение «Проекта правам благородных» в Собрании депутатов шло полным ходом, от Комиссии уложения последовало (вероятно, от руководства — поскольку в протоколах заседаний Собрания об этом ничего нет) представление императрице с просьбой об «учинении разбора российский дворянства» и законодательного урегулирования его статуса и прав. В ответ 3 сентября 1768 г. Екатерина II указала Сенату рассмотреть своевременность «разбора» дворянства и принципы его проведения, если таковое необходимо²¹⁸. Сенат обсудил меры по «разбору» и законодательному установлению прав дворянства 5 сентября 1768 г., правда, предложения и мнения были разноречивыми; потом актуальность такого установления отошла на второй план. Однако позднее, работая уже над Жалованной грамотой, Екатерина II вернулась к этим материалам.

Второй этап оформления замысла Жалованной грамоты был связан с изданием «Учреждений» 1775 г. Согласно законодательной программе Екатерины II, вслед за «укреплением» правосудия должно было следовать новое установление о правах сословий. В феврале 1776 г. она вернулась к мысли о разработке законопроекта о дворянстве, как о том свидетельствует ее записка генерал-прокурору А. А. Вяземскому с запросом об архивных материалах о правах дворянства²¹⁹. Судя по первоначальным наброскам, новое установление о дворянстве должно было продолжить «гражданские законы», непосредственно примыкая к «Учреждениям»: законы о дворянстве Екатерина II пометила как XXX главу чего-то и начинала правоположения со ст. 433²²⁰ («Учреждения» заканчивались гл. XXVIII и ст. 411; в 1778 г. были дополнены). В резолюции 18 ноября 1781 г. на представлении об утверждении порядка дворянских выборов в губерниях Екатерина II упомянула, как о готовящихся, о «главе о дворянстве» и общем проекте о дворянстве, где, следовательно, уже предполагалось установить и принципы сословного самоуправления²²¹. К непосредственной работе над Жалованной грамотой Екатерина II приступила с конца 1782 г. (во всяком случае, судя по источникам, не ранее этого времени).

²¹⁷ См.: Троицкий С. М. Комиссия о вольности дворянской // Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1975. С. 140—192.

²¹⁸ См.: Указ Сенату от 3 сентября 1768 г. (черновик) // ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 314. Л. 1.

²¹⁹ См.: Запрос А. А. Вяземскому 25 февраля 1776 г. // Журнал министерства юстиции. 1915. № 10. С. 214.

²²⁰ См.: ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 333. Л. 229.

²²¹ См.: ПСЗ. Т. 21. № 15280. С. 309.

Жалованная грамота дворянству была составлена Екатериной II, ей собственноручно написаны и подготовительные материалы к этому акту и несколько черновых редакций²²². Основным источником, который определил структуру и основные правовые рубрики, стала историко-правовая справка, подготовленная чиновником Разрядного архива А. Т. Князевым в ответ на поручение генерал-прокурора (по запросу Екатерины II о дворянских службах в 1776 г.)²²³. В свою очередь, содержание этой справки во многом определялось «Проектом правам благородных» с замечаниями Дирекционной комиссии.

Большинство из правоположений первого раздела Жалованной грамоты восходило к законодательству первой четверти XVIII в., к принципам «Наказа» Екатерины II, манифесту от 18 февраля 1762 г. (ст.ст. 17—19), манифесту от 28 июня 1782 г. (ст. 33), указу от 22 сентября 1782 г. (ст. 34), манифесту от 17 марта 1775 г., «Учреждениям» 1775 г. Второй раздел, в котором устанавливались права дворянских собраний, основывался, во-первых, на общих началах манифеста и указов от 14 декабря 1766 г. о выборах предводителей дворянства и, во-вторых, на положениях «Учреждений». Остальные разделы в основном опирались на историко-правовую справку А. Т. Князева, в которой обобщалось законодательство XVII—XVIII вв. о порядке и условиях признания дворянских прав и о герольдмейстерских делах.

В решении ряда общих вопросов сословного статуса дворянства, в определении политического значения дворянских корпораций Екатерина II использовала статьи из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, сочинения У. Блэкстона, а также неизвестные французские работы; выписки из них сохранились в черновиках²²⁴. Изучала императрица и иностранное законодательство, в том числе шведские законы.

С предварительным проектом Жалованной грамоты Екатерина II ознакомила некоторых лиц из своего ближайшего окружения: И. П. Елагина, С. М. Козмина, А. А. Безбородко. Их замечания были ею учтены при окончательной работе над текстом свода дворянских прав²²⁵. 8 апреля 1785 г. документ был подписан, но опубликован только 21 апреля 1785 г., в день именин Екатерины II (что должно было определенным образом «обставить» новое узаконение).

Жалованная грамота дворянству (официальное название «Грамота на права и преимущества благородного российского дворянства») состояла из манифеста, предвещающего собственно текст свода, и четырех разделов в 92 статьях²²⁶.

Манифест, составленный в традициях официальной идеологии абсолютизма, описывал «существенное состояние» Российской империи и роль благородного дворянства в ее истории, «которое ежечасно готово подвизаться за веру и отечество и нести всякое бремя наиважнейшего империи и монарху служения». Важным идейным новшеством

²²² См.: Черновые материалы к Грамоте//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 333. Л. 1—242; д. 332в. Л. 1.

²²³ См.: Филиппов А. Н. К вопросу о первоисточниках Жалованной грамоты дворянству 21 апреля 1785 г.//Известия АН СССР. Серия VI. Т. XX. Л. 1926. № 5/6. С. 423—444; № 7/8. С. 479—498.

²²⁴ См.: ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 495—515; оп. 2. Д. 333. Л. 221—228.

²²⁵ См.: Флоровский А. В. К истории текста Жалованной грамоты дворянству 1785 г.//Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3/4. С. 186—194.

²²⁶ См.: Российское законодательство X—XX вв. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1987. С. 22—53.

манифеста, который стал основой для нового правового определения принадлежности к дворянскому сословию, было признание обладания недвижимыми имениями далеко не единственным условием причастности к дворянству, но с выделением в качестве главного «источника дворянства» пожалований монарха.

В первом разделе устанавливались личные права дворянства, во втором — принципы организации местного дворянского самоуправления, в третьем — порядок составления родословных книг дворянства, которые признавались теперь главным правовым основанием принадлежности к дворянству; в четвертом разделе обобщались законодательные нормы об основаниях принадлежности к дворянству.

Сословный статус дворянства. Общее понимание «особых заслуг» дворянства перед Отечеством во вступительном манифесте как бы объясняло широкий спектр прав и привилегий, закрепляемых за дворянством, который соответствовал социальному и политическому положению дворянства в России XVIII в.

Дворянское достоинство определялось как особое состояние «качеств и добродетели», послуживших основанием для «благородного нарицания» (ст. 1). В развитие этого дворянского достоинство полагалось как «неотъемлемое, потомственное и наследственное» (ст. 2), что означало его распространение на членов семьи дворянина (ст.ст. 3—4). Основаниями для лишения дворянского достоинства могли быть только уголовные преступления, причем особого рода, в которых очевидно проявлялось «моральное падение» преступника, его «нечестность»; однако исчерпывающе перечислялись (следуя за «Наказом» Екатерины II) подходящие под эти оценки составы (ст. 6).

Дворяне пользовались особыми *личными правами*: на дворянское достоинство (ст. 8), честь (ст. 9), охрану жизни и личности (ст. 10), освобождение от телесных наказаний (ст. 15). Фиксируя основные положения манифеста о «вольности дворянской», Жалованная грамота освобождала дворянство от обязательности государственной службы (ст.ст. 17—18), закрепляла право на отъезд за границу (ст. 19) с поступлением на иностранную службу, освобождала дворян от всякого рода личных податей (ст. 36). Дворянство имело право на особые, дарованные или исторически сложившиеся титулы, которые служили особым знаком чести (ст. 81).

В Жалованной грамоте систематизировались ранее установленные законодательством и судебной практикой *имущественные права дворянства*. Дворяне пользовались полным и неограниченным правом собственности, включая права на приобретение любого имущества, его наследование и использование (ст.ст. 22—23). Режим особого благоприятствования устанавливался для собственности дворян на землю, в соответствии с актами 1782 г. (ст.ст. 33—34). Искключительной привилегией было право покупать деревни, то есть владеть землей с крепостными крестьянами (ст. 26). Кроме того, дворяне могли заводить промышленное производство в своих имениях, торговать продукцией своих вотчин оптом, приобретать городские дома, вести морскую торговлю (ст.ст. 27—32).

Охрана личных и имущественных прав дворянства гарантировалась предоставлением особых *привилегий в суде*: без законного судебного разбирательства дворянин не мог подвергнуться лишению или ограничению ни личных, ни имущественных прав (ст.ст. 8—11, 24). Дворяне имели право на равносословный суд (ст. 12) и никакое решение иного, кроме установленного общим законом судебного органа, не могло иметь законной силы (ст. 25).

Сословное самоуправление дворянства. Жалованная грамота упорядочивала отдельные законодательные меры 1760-х годов по организации местного дворянского самоуправления и приводила его в соответствие с системой губернских учреждений.

Проживающему в губерниях и уездах дворянству предоставлялось право политической корпорации: дворяне образовывали признаваемое законом *общество* (ст. 37). За собранием дворянства признавались права юридического лица, с полномочиями владеть имуществом, иметь необходимые для его деятельности учреждения, служащих и финансы (ст.ст. 50—54). Собрание пользовалось некоторыми *политическими правами*: оно могло делать представления местным властям, в высшие государственные учреждения и императору об общественных «*нуждах и пользах*» (ст.ст. 47—48), но вместе с тем обязывалось в своей деятельности соблюдать требования закона, то есть политические права носили только подзаконный характер (ст. 49).

Собрание дворянства составлялось из всех владеющих именными в губернии (наместничестве) дворян, раз в три года они должны были избирать кандидатов в губернские предводители дворянства (из числа уездных предводителей), с окончательным утверждением губернатором как представителем власти монарха (ст. 39). Дворяне, не отвечавшие возрастному цензу (25 лет) и не владеющие землями, права участия в собрании не имели (ст. 63). Ограничивались также права на участие в выборной деятельности дворян, вовсе не служивших или не выслуживших офицерских чинов (ст. 64). Собрание имело право исключать из своего состава «опороченных судом» дворян (ст. 65). Кроме предводителей дворянства, собрание избирало также заседателей в сословные суды губернии (ст.ст. 41—42) и полицейских должностных лиц земской полиции (ст.ст. 42—43).

Одним из важных полномочий дворянских собраний и уездных предводителей было составление дворянских родословных книг — то есть дворянство устанавливало свой корпус и решало вопросы о допустимости тех или иных лиц в число дворян. Жалованная грамота вводила строго подзаконное начало в критерии дворянства, признав в качестве «неопровергаемых доказательств» около 20 правовых оснований (фактических или подтверждаемых актами) для причисления к дворянству. Несмотря на сложную внутрисословную борьбу дворянства с середины XVIII в., Жалованная грамота сохранила признание личного дворянства (введенного Петром I) и отличие его прав от потомственного. Все потомственное дворянство обладало совершенно равными личными, имущественными и судебными правами, а принадлежность к древнему дворянству, титулованному и т.д. фиксировалась только в родословных книгах. Тем самым Жалованная грамота фактически завершила сложный процесс консолидации правового статуса дворянства.

Вместе с тем предоставление широких и всеобъемлющих прав и привилегий дворянству сопрягалось с оговариванием решающего влияния государственной власти в решении вопросов социального статуса дворянства: введение государственной регистрации дворян в родословных книгах на установленных государством принципах существенно подчиняло власти монарха дворянство как корпорацию. В решении местных вопросов решающим было также слово местной администрации, которая никоим образом не зависела от губернского дворянства.

Жалованная грамота законодательно урегулировала все возможные в абсолютистском государстве права господствующего сословия. Причем сделано это было в форме «непременных законов»: манифест провозглашал установление прав дворянства «на вечные времена и непоколебимо». По своему же правовому характеру она представляла совершенно новую форму — кодификацию норм о правах и положении сословия.

§ 4. Жалованная грамота городам 1785 г.

Создание и источники. Второй частью задуманной систематизации прав сословий должен был стать свод законодательства по правам городского населения, или «среднего рода людей». В отличие от свода законов о правах дворянства, идея выработки такого акта и первый ее опыт связаны с законодательной программой «Наказа» и работами Комиссии уложения.

К непосредственной работе над Жалованной грамотой городам Екатерина II приступила около 1780 г. К этому времени относятся ее запросы генерал-прокурору об актах, регулирующих правовое положение городского населения, цехов; одновременно она запросила от А. А. Вяземского несколько городских наказов в Комиссию уложения²²⁷. Окончательная доработка проекта проходила параллельно с работой над Жалованной грамотой дворянству.

Жалованная грамота городам преимущественно была составлена единолично Екатериной II, причем черновые предварительные редакции более многочисленны²²⁸. Структура и исходные принципы классификации правовых проблем соответствуют Жалованной грамоте дворянству: в первых разделах они практически тождественны. Остальные использованные источники можно условно разбить на три группы: 1) старое русское законодательство XVIII в. по регулированию цехового устройства, прав купеческого сословия и др. (указы от 17 марта 1775 г., 2 апреля 1772 г., цеховой устав 1722 г. и др.); Устав благочиния 1782 г. и «Учреждения» 1775 г., в которых определялась система городских учреждений; 2) материалы Комиссии уложения: проекты и разработки частных комиссий о городах и о «среднем роде людей», а также проект Комиссии о государственных родах; Екатерина II знакомилась также с отдельными проектами депутатов по вопросу об установлении прав городского сословия; 3) иностранное законодательство, среди которого особую роль играли шведские Цеховой устав и Положение о маклере 1669 г., прусский Ремесленный устав 1733 г., а также законодательство и привилегии городов Лифляндии и Эстляндии (они использовались императрицей по справке-экстракту от Комиссии уложения). Определенное воздействие на Жалованную грамоту оказали магдебургское право и другие источники городского права западноевропейского происхождения. Обращалась Екатерина II и к материалам инструктивного характера из дел Сената: инструкции нотариуса и инструкции аукциону, составленным А. Я. Поленовым.

²²⁷ См.: Записки А. А. Вяземскому от 29 февраля 1780 г. и 11 марта 1780 г.// ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 464. Л. 497—498.

²²⁸ См.: Наброски и черновые редакции Грамоты//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Д. 22; оп. 2. Д. 125. Об истории создания Жалованной грамоты см.: Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II. 1785 г. М., 1909.

Жалованная грамота городам (официальное название «Грамота на права и выгоды городам Российской империи») была опубликована одновременно с Жалованной грамотой дворянству 21 апреля 1785 г.²²⁹ Она состояла из манифеста, 16 разделов и 178 статей (ст. 123, составившая специальное «Ремесленное положение», дополнительно разделилась на 117 пунктов).

Сословный статус городского населения. Главным правовым новшеством было то, что Жалованная грамота закрепляла единый сословный статус всего городского населения, вне зависимости от профессиональных занятий или рода деятельности (как то было ранее в законодательстве абсолютизма). Такое единство объяснялось в манифесте той пользой, которую приносили города и само «устройство городов» «не токмо для граждан тех городов, но и для окрестных обитателей». Оформление единого правового статуса городского населения было реализацией программы создания «среднего рода людей» согласно «Наказу» и разработкам Комиссии уложения, который бы занял свое место в общей сословной структуре общества «просвещенного абсолютизма». Закрепление сословности статуса отвечало и тем требованиям к правительственной политике, которые выдвигались в Комиссии уложения городскими депутатами.

Главным при определении правового статуса городского населения было понимание города как особого государственно-общественного установления, соединяющего собственно проживание на специфически устроенной территории, организуемой по определенному плану, с особой административной организацией и управлением и с признанием за жителями прав на особые виды занятий и вытекающих отсюда привилегий. Этим была обусловлена попытка разработать особое учреждение о городах в частной Комиссии о городах. Признание исходного для прав городского населения особого понимания города (ст.ст. 1—28), зависящего к тому же от наличия особой жалованной грамоты от верховной власти, имело несомненно исторически консервативный характер и связано было с пониманием старой, феодальной эпохи.

Мещанское сословное положение квалифицировалось как следствие и признание особых «трудолюбия и добронравия» (ст. 80) и признавалось наследственным (ст. 81), однако наследственность основывалась не на естественном праве сословия (как то было с признанием дворянского достоинства), но на той пользе, которую извлекает общество из этих занятий мещанства (ст. 81); члены семьи мещанина также приобретали его сословное положение (ст.ст. 82—83). Лишить мещанина «добраго имени» и сословных привилегий можно было только по тем же основаниям, что и для дворянства (ст. 86); давался и исчерпывающий список обвинений, по которым городские обыватели лишались сословных прав.

Круг личных прав мещанства был определен аналогично дворянству, но был уже по объему. Мещане пользовались правом на охрану личного достоинства и чести (ст.ст. 84, 91) и некоторыми дополнительными правами, соответственно выделяемым категориям.

Впервые устанавливались общие имущественные права всего городского населения. Мещане обладали правом собственности на имущество, включая право на его приобретение, наследование и использование (ст.ст. 88—90), правда, без предоставления особого режима пользо-

²²⁹ См.: Российское законодательство X—XX вв. Т. 5. М., 1987. С. 67—129.

вания, как для дворянских имуществ. Мещанству разрешалось владеть промышленным производством, заниматься торговлей, промыслами и т. д.

Мещанство разделялось на шесть категорий, принадлежность к которым влияла на некоторые дополнительные права и привилегии внутрисословного характера. К первой категории относились «настоящие городские обыватели» (имеющие в городе дом или другую недвижимость), ко второй — записавшиеся в гильдии купцы, к третьей — состоящие в цехах ремесленники, к четвертой — иногородние и иностранные гости, к пятой — именитые граждане (состоявшие в городской администрации, ученые, художники и др., крупные капиталисты, банкиры, оптовые торговцы, хозяева кораблей — ст. 132), к шестой — прочее посадское население. Для купечества сохранялось распределение по гильдиям соответственно величине объявленного капитала. Купцы первой и второй гильдии пользовались дополнительными личными правами (освобождение от телесных наказаний — ст.ст. 107, 113) и правом владения крупными промышленными и торговыми предприятиями (ст.ст. 104, 110). Освобождались от телесного наказания и именитые граждане (ст. 135). Остальные различия в предоставляемых правах имели несущественный характер и относились к бытовым ограничениям в «роскоши». Для ремесленников устанавливалось цеховое устройство производства и подробно регламентировались внутрицеховые отношения (пп. 1—117 ст. 123).

Сословное самоуправление города. Соответственно установлениям о самоуправлении дворянства за городскими жителями также признавалось право общественной корпорации, но с более ограниченными политическими правами. Городские жители составляли «общество градское» (ст. 29) и могли собираться в собрание по указанию или разрешению администрации (ст. 30) для выбора бургомистров и заседателей-ратманов (сроком на три года), старост и судей словесных судов (на один год); городское собрание могло обращаться с представлениями, но только к местным властям (ст. 36); вместе с тем городское общество обязывалось не только строго соблюдать требования закона (ст. 37), но и «уважать» местную администрацию (ст. 38). За городским обществом признавались права юридического лица (ст.ст. 40—44). Участие в «обществе градском» и в его деятельности ограничивалось имущественным цензом (обладание капиталом с уплатой годового налога не ниже 50 руб. — весьма значительной суммой) и возрастным — не моложе 25 лет (ст. 50).

Для внутрисословного управления разрешалось организовывать общую городскую думу (ст. 156), в которую входили избранный городской голова и специально избранные гласные — по одному от каждой категории граждан и пропорционально частям города. Общая городская дума образовывала своего рода исполнительный орган — шестигласную городскую думу из числа гласных (ст.ст. 164—165), в которой участвовали по одному представителю от каждой категории граждан под председательством головы. Попечению городской думы подлежали обеспечение жизни горожан в мире, тишине и согласии, благочиния, наблюдение за городским строительством и разрешение внутрисословных споров, однако судебные дела подлежали разрешению только судебных органов (ст. 168).

Однако организация этого городского управления шла медленно, к началу XIX в. создано оно было не везде, и роль его постепенно ограничилась чисто формальным существованием при всевластной городской администрации.

Жалованная грамота городам была второй частью кодификации законодательства о сословных правах и привилегиях населения России. Ее содержание полностью отвечало как правовой программе «Наказа» и разработкам Комиссии уложения, так и принципам правовой и административной политики «просвещенного абсолютизма». Собственно, она и реализовывала эти принципы в форме единого сводного акта.

Глава 6

КОДИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ЕКАТЕРИНЫ II

§ 1. Законодательные проекты 1770-х — 1790-х годов и план «всеобщего законоположения»

Крупные законодательные акты 1775—1785 гг. были только частью более широкой правовой реформы, задуманной Екатериной II. Кроме тех, что были реализованы и стали государственным законом, в ходе реформы предполагалось осуществить и некоторые другие правовые меры, которые разрабатывались императрицей во второй половине ее царствования, но остались лишь в виде проектов разной степени завершенности.

«Сельское положение» (1785 г.). Третьей составной частью общего нового законодательства о сословиях (вместе с Жалованными грамотами дворянству и городам) должен был стать сходного содержания акт, посвященный правовому положению крестьянства. Тем самым, в соответствии с исходной социально-правовой доктриной «просвещенного абсолютизма» (выраженной еще в «Наказе» и в других документах Комиссии уложения), были бы установлены права и статус всех основных «состояний» в государстве. Это давало бы возможность (следуя идее той же доктрины) развивать и конкретизировать в текущем законодательстве и «учреждениях» начала «гражданства» и правопорядка вообще.

Проект такой «жалованной грамоты» крестьянству был разработан Екатериной II в 1782—1785 гг. и, по-видимому, подготавливался к обнародованию совместно с двумя первыми или вскоре после них. Основные разделы нового акта объединялись общим заглавием «Сельское положение» (по образцу «Городового положения»)²³⁰. По структуре новый акт повторял предыдущее: те же сходно озаглавленные 12 главков (обозначенных буквами от «А» до «Л») включали 95 статей;

²³⁰ См.: ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28, 29, 31; ф. 10. Оп. 2. Д. 132—134; РИО. Т. 20. СПб., 1877. С. 447—498. Краткую общую характеристику «Сельского положения» см.: Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России // Социально-экономическая история России. Избранные труды. М.: Наука, 1987. С. 258.

дополнительной главкой (в 20 статьях) предполагалось специальное «Наставление для сочинения и продолжения десятинной описи земли...».

Важнейшей чертой проекта (и основным показателем ограниченности его регулирующей роли) было то, что адресовался он только крестьянам государственным, которые юридически были в лучшем, нежели владельческие, положении. Проект утверждал за «сельскими обитателями» неотъемлемые сословные права, в том числе право на свободное «звание», право собственности на движимое имущество и возможность приобретать в собственность недвижимость (исключая деревни, крестьян, фабрики и заводы), право отказываться от незаконных податей, сборов и повинностей, право заниматься земледелием, торговлей и промыслами. Сельское общество рассматривалось в качестве корпорации публичного права: «обитатели» могли избирать исполнительные органы самоуправления в общинах, сословный суд и представлять прошения о своих «нуждах и недостатках» местной администрации. Важным новшеством, свидетельствующим о прочности сословного статуса, полагался запрет на лишение прав состояния иначе как по суду, причем устанавливались строго законные основания для такого лишения. Подобно городскому сословию, предполагались шесть внутрисословных разрядов «поселян» (с учетом прежде всего объявляемого капитала). Для каждой категории устанавливались некоторые дополнительные привилегии, в частности, «перво-» и «второстатейные» (владевшие капиталом более чем 1 тыс. руб.) освобождались от телесных наказаний. В общих началах своей правовой доктрины «Сельское положение», как и Жалованная грамота дворянству и «Городовое положение», было направлено на закрепление сословной обособленности, в данном случае крестьянства, тем самым неравнозначность прав высших и низших сословий полагалась в качестве априорного постулата законов.

«Сельское положение» было вполне законченным и отредактированным проектом²³¹; и в главных идеях, и в конкретных правоположениях в нем развивались принципы доктрины «просвещенного абсолютизма» и правовых воззрений Екатерины II. Обстоятельства, воспрепятствовавшие ему стать полноправным законом, могли быть чисто случайными. Возможно, судьбу проекта предопределило то, что императрица (сложно сказать, сразу ли, в начале работы или в ее ходе) стала рассматривать этот акт частью другого, еще более обширного и многопланового закона — «Наказа директору экономии или домоводства».

Подготовленный ею в те же годы проект «Наказа директора экономии» был замыслен как обширный и всеобъемлющий устав, посвященный государственному хозяйству и принципам управления этой сферой²³². Он (следуя одному из перечней содержания) должен был включать не менее семи разделов: 1) о строении, 2) о пашнях, 3) о удобрении, 4) о пастбе и лугах, 5) о скотоводстве, 6) о лесах, 7) о людях и крестьянах²³³ — то есть «Сельское положение» было бы лишь одним из разделов этого «Наказа». Предполагалось, что разделы устава будут включать и конкретные предписания агрономического характера

²³¹ Беловая редакция (см.: ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 29. Д. 31) была переписана уже секретарем, а Екатерина II только поправила текст.

²³² См.: Материалы к проекту «Наказа директора экономии», отдельные части в черновых и обработанных редакциях//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 126—130, 132—134, 301—304.

²³³ См.: ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 179. Л. 2.

по использованию земель и угодий, критерии оценки сельскохозяйственных работ, направления всего аграрного производства, обобщенные и обязательные инструкции по внедрению «наилучших» способов хозяйствования» (здесь Екатерина II прибегла к использованию экономического опыта Швеции и Германии, сочинениям крупных ученых, например П. С. Палласа, и рекомендациям, как она тогда называлась, «камеральной», административной и экономической науки).

Необходимость в комплексном правовом регулировании сферы управления государственным хозяйством обуславливалась реформой центрального административного аппарата в 1780-е годы — созданием губернских учреждений и последовавшей ликвидацией большинства коллегий, когда функции управления финансами и государственным хозяйством возлагались на губернские казенные палаты. По новому проекту в составе этих казенных палат (возможно, в качестве председателей, но определенности в разработках не было) учреждалась должность директора экономии. Предполагалось, что он будет назначаться Сенатом по представлению губернского правления и будет полномочным администратором тех сел и земель, которые по губернии считались государственными (то есть были подсудны так называемым нижним расправам). «Директору домоводства надлежит отправлять должность свою с непоколебимою верностью и ревностью к службе императорского величества, с доброхотством и человеколюбием к народу, с осторожною кротостию без ослабления, дабы в порученном ему деле везде установленной порядок всеми и каждым в сел, деревни и жилищи его ведомства исполняем и сохраняем был в целости»²³⁴. В его функции входили сбор государственных податей, организация сельскохозяйственных работ, промыслов и «рукоделий» и других заведений, надзор за казенными строениями и имуществами, за правильным и выгодным их использованием. Кроме того, на директора экономии возлагались административные обязанности по помощи губернским властям в школьном деле, общественном призрении, в общем руководстве местными церковными делами. Под его руководство предполагалось отдать несколько экспедиций, а также управляющих территориально-общинными единицами — пятисотских, сотских и десятских — с административной и полицейской властью.

«Наказ директору экономии» был сопряжен с еще одним разработанным несколькими ранее Екатериной II проектом — уставом казенной палаты, который представлял собой административную инструкцию о полномочиях и формах деятельности и отчетности этого губернского органа²³⁵. Отдельные части проекта были изданы в 1781—1782 гг. особыми актами²³⁶.

Основной свод положений и инструкций о государственной «экономии» не был завершен. Этот проект интересен как попытка охватить в едином уставе новую, ранее лишь частично регулировавшуюся законом область правовых (и не только правовых в собственном смысле) отношений, как попытка кодифицировать административные нормы управления государственным хозяйством, а также

²³⁴ ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 126. Л. 50б. — 6.

²³⁵ См.: там же. Д. 335—338.

²³⁶ См.: Устав о соли от 16 июля 1781 г. (в 104 статьях)//ПСЗ. Т. 21. № 15174. С. 138—157; Устав о вине от 17 сентября 1781 г. (в 130 статьях)// Там же. № 15231. С. 248—271; Наставление уездным казначеям от 26 мая 1782 г.//Там же. № 15405. С. 206—567.

возведенные на уровень закона экономические и хозяйственные инструкции, то есть расширить сферу государственного закона. Вместе с тем очевидно, что издание «Наказа директору экономии» (вместе с «Сельским положением») повлекло бы крупные перемены как в экономической, так и в административной организации государственного хозяйства, вызвало бы неоднозначные последствия и сложную общественную реакцию. То, что именно эти акты остались неизданными, хотя и были разработаны, в соотношении с теми, что были опубликованы и стали законом, свидетельствует, пожалуй, о важной черте законодательной политики и правовой реформы «просвещенного абсолютизма» в целом: каков бы ни был субъективный замысел законодателя, реализовывались прежде всего те мероприятия и такие проекты, которые не более чем развивали и совершенствовали существующее и в той или иной мере наличное в законе, но не те, осуществление которых могло повлечь значительные перемены в административной организации или в правовой системе, хотя бы и при всемерном сохранении основ политического и социального порядка. Исходные задачи правовой реформы «просвещенного абсолютизма» предопределяли нарастание консервативного момента в ее реализации.

«Обряд порядочного производства дел» (1796 г.). Еще одним незавершенным законодательным проектом Екатерины II — и последней ее работой — был своего рода всеобщий административный устав, в котором, по замыслу императрицы, были бы кодифицированы все инструкции и акты о порядке работы органов государственного управления и законом закреплялись бы все возможные формы деятельности административных учреждений. Новый свод, по-видимому, должен был заменить Генеральный регламент коллегиям 1720 г., практически утративший свое значение с проведением административной реформы и ликвидацией коллегий.

Предпосылкой этого кодификационного проекта стали работы особой комиссии, созданной в 1784 г. под руководством статс-секретаря Екатерины II П. В. Завадовского. В сентябре 1784 г. особым указом губернским властям предписывалось представить свои предложения «для сделания единообразного положения относительно порядка канцелярского, хранения дел, разделения экспедиций, ... сокращения всего того, что излишним затруднением почтеться может»²³⁷. В ноябре П. В. Завадовскому было предписано сформировать комиссию из пяти высших чиновников для выработки проекта канцелярского порядка. Указ содержал лишь общую идею сделать «основанием проекту... учреждения наши, соглашая порядок течения дел определяемый с образом управления настоящего и со свойством каждого присутственного места и чтоб все излишнее и не заключающее в себе существенного для пользы казенной доброго устройства в обществе и скорого доставления правосудия совершенно отдалено было»²³⁸.

О работе новосозданной комиссии сведений не сохранилось, но итог, по-видимому, она имела: в 1787 или 1788 гг. императрице представлялся проект «Канцелярского порядка Председателя наместнического правления»²³⁹. Он состоял из 10 глав и свыше 500 статей, которые

²³⁷ Именной указ от 27 сентября 1784 г. // ПСЗ. Т. 22. № 16074. С. 221—222.

²³⁸ Именной указ от 14 ноября 1784 г. // ПСЗ. Т. 22. № 16091. С. 242.

²³⁹ Копия проекта «Канцелярского порядка» с сопроводительной запиской // ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 252. Л. 448—632. (Датируется по упоминаемым в тексте и в таблицах примерам административных распоряжений)

предусматривали нормативное регулирование прохождения и рассмотрения дел в губернских учреждениях: правлении, казенной палате, высших судебных органах — то есть по сути был административно-процессуальным уставом. Высших государственных учреждений проект не затрагивал.

Проект П. В. Завадовского стал не только предпосылкой, но и основой структуры «Обряда порядочного производства дел», разработкой которого Екатерина II занималась с конца 1795 г., в последние месяцы своего царствования²⁴⁰.

Проект «Обряда» предполагал 10 книг, каждая из которых посвящалась работе и административной процедуре в Сенате (кн. 1) и в губернских учреждениях: в губернском правлении (кн. 2), палате уголовного (кн. 3) и гражданского (кн. 4) судов, казенной палате (кн. 5), верхнем земском суде (кн. 6), магистрате (кн. 7), верхней расправе (кн. 8), приказе общественного призрения (кн. 9), совместном суде (кн. 10). Екатерина II разработала только две первые книги (возможно, предполагая в прочем опереться на проект П. В. Завадовского). Книги должны были подразделяться на главы (например, во 2-й книге таких было 22) и статьи. Таким образом, «Обряд» предполагался как обширный свод административных правил и процедур.

По замыслу императрицы, «Обряд» должен был содержать «предписании, приказании и правила для порядочного производства дел»²⁴¹. Предписания его должны были исполняться строго буквально и неукоснительно; только в том случае, когда в нем отсутствовало точное правило, дело могло решаться по согласованному мнению всех уполномоченных на то лиц. Главная правовая идея, которая интересовала Екатерину II, заключалась в предписании общих норм, которые бы служили законности принимаемого административным органом решения по делу и, более того, сами по себе воплощали бы эту законность. Конкретные установления «Обряда» предписывали считать законным такое решение, которое было принято органом в законных пределах его власти в соответствии с прямыми указаниями закона, в законном месте (то есть там, где имелись символы государственной власти), в законные часы (предписанные для вершения дел), согласно предписаниям закона об обстоятельствах, нужных для решения, законным способом²⁴². Подробно регламентировались процедуры поступления, прохождения и решения дел в Сенате и особенно в губернском правлении. Административная реформа, проводившаяся с середины 1770-х гг., переносила центр тяжести текущего государственного управления на губернские органы, поэтому Екатерина II прежде всего стремилась конкретизировать и предельно регламентировать деятельность губернской бюрократии. Пределы власти губернской администра-

²⁴⁰ См.: Черновая рукопись «Обряда» руки Екатерины II//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 307. Л. 1—359. Основания к датировке: в образце протокола губернского правления Екатерина II поставила дату «3 декабря 1795 г.» (л. 71об), неоднократно (л. 35—36, 14) упоминается предлагаемое «Учреждение Сенату 1797 года» (несостоявшийся, но, видимо планировавшийся к 35-летию ее царствования проект). О работе над «Обрядом» в 1796 гг. упоминает в своих записках секретарь П. А. Зубова А. М. Грибовский (см.: Записки о имп. Екатерине Великой... М., 1864. С. 26, 71, 91).

²⁴¹ ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 307. Л. 7.

²⁴² См.: там же. Л. 16—17.

ции и формы ее реализации — пожалуй, именно это составляло подтекст всех предписаний «Обряда». Еще одна задача регламентации заключалась в унификации делопроизводства и административного порядка. «Обряд» содержал обширные перечни видов и типов документов, схем, карт и т. д., которые надлежало иметь в каждой губернии и которыми следовало руководствоваться; особое внимание уделялось унификации административной отчетности.

Помимо некоторых частных (в особенности уникальной попытки сконструировать общее понятие законности акта управления), «Обряд» интересен в двух отношениях. Во-первых, как опыт всеобъемлющей кодификации административной процедуры и как свод особой области права. Во-вторых, в его содержании и направленности проявилась до того не так очевидная черта правовой реформы «просвещенного абсолютизма»: преимущественное внимание к принципам функционирования административного аппарата, что объективно вело к вытеснению и замещению идеи законности (как отражения правовых начал) идеей унифицированной *регламентации законом* (как выражения всего лишь подконтрольности и гарантированности направления деятельности бюрократии).

Отдельные законодательные проекты Екатерины II — и осуществленные, и нереализованные, а частью и незавершенные — были частями общей правовой реформы, причем задуманной практически единовременно с целью всеобъемлющей правовой регламентации государственной и общественной жизни. Конкретное свидетельство тому, что проекты являлись элементами единого плана, содержится в одном из писем императрице Я. Сиверса, новгородского губернатора и доверенного лица Екатерины II, которого она на протяжении многих лет знакомила со своими законодательными проектами. В 1779 г., уезжая в очередной раз из столицы, он писал императрице: «Если Ваше Величество меня спросите, какой отдел я считаю важнее, мне будет трудно ответить. Все одинаково необходимо: судебные уставы, уголовное и гражданское уложение, вексельный устав, инструкция казначействам, директорам экономии, родовое положение, глава о дворянстве, преобразования столичных учреждений, наконец, прибавлю с стесненным сердцем — сельский закон — закон человечности»²⁴³.

Как видно, уже тогда Екатериной II были вполне определенно намечены практически все позднее реализованные или разработанные проекты. Основу этих проектов составляла принципиальная схема кодификации государственного законодательства, разработанная императрицей примерно в те же годы.

План «всеобщего законоположения». К 1774 или 1775 гг. относятся не вполне обычные по своей форме законодательные разработки Екатерины II, в которых она попыталась сформулировать общие представления о содержании единой системы государственных законов и тем самым определить правовые сферы для последующего их регулирования. Возможно, план «всеобщего законоположения» был первым этапом работы императрицы над задуманным в начале 1774 г. общим сводом «Гражданских законов Екатерины Второй»²⁴⁴.

²⁴³ Цит. по: Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 2. 3-е изд. СПб., 1913. С. 327. (145).

²⁴⁴ Обложка с заглавием и с собственноручной пометой Екатерины II: «Начато в начале января 1774 г.»//ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 400. Судя по тому, что в составе схем государственных законов фигурируют учреждения, ликвидацию которых предполагали «Учреждения губерний» 1775 г., план составлен до работы над этим актом.

Составленный Екатериной II план состоял из нескольких графических схем и текстового комментария, который преимущественно представлял выписки из «Наказа» и собственные отдельные правоположения императрицы с пометками, к какой из отмеченных на схемах сфере законов следовало в последующем относить данные нормы²⁴⁵. По содержанию и общим теоретическим представлениям этот план был, несомненно, прямым продолжением «Наказа» и законодательных разработок Комиссии уложения. Вместе с тем в нем отразились новые представления о систематике законодательства и о том, какие законодательные и правовые проблемы Екатерина II считала наиболее актуальными.

Под «гражданскими законами» Екатерина II понимала регулирование не частноправовых отношений, но всего того, что касается «граждан», или, более точно (как ранее определялось основными документами Комиссии уложения), относящегося до «жизни, имени и безопасности». В своем плане императрица преимущественно уделяла внимание проработке именно таких «непременных» законов, образующих основы государственного и общественного порядка.

По плану все государственное законодательство, следуя отправным посылкам «Наказа», делилось на три класса; 1) «непременные законы»; 2) учреждения временные; 3) указы. В новой трактовке указы, согласно уточнениям плана, практически исключались из нормоустанавливающей сферы и понимались как производные, управленческие акты: Екатерина II выделила два вида таковых — «приказания» и указы «на персон», то есть повеления конкретным лицам. Временные учреждения должны были фиксировать на тот или иной период преимущественно организацию и систему органов государственного управления. Они подразделялись в свою очередь на учреждения политические, экономические, или домостроительные, и относящиеся к организации юстиции (поскольку в ней, помечала Екатерина II, может быть то, что не принадлежит «непременным законам»).

Для последующей законодательной работы императрицы и понимания истока особенностей некоторых преобразований в ходе административных реформ 1770-х — 1780-х годов интересно выделить содержание «домостроительства», или учреждений экономии. Екатерина II воедино увязала организационные сферы большинства существовавших тогда коллегий, представив их лишь как реализацию общего домостроительного управления. Тем самым была сформирована предпосылка замены коллегиального аппарата комплексным учреждением, реализовавшаяся на губернском уровне в виде казенных палат, а затем и в управленческой сфере — директора экономии.

«Непременные законы» регулировали основные принципы общежития и отношений граждан с государственной властью. Они прежде всего должны были зафиксировать «естественные» законы страны, в качестве которых Екатерина II квалифицировала неизменность положения государства, сохранение самодержавного, монархического (вследствие этого положения) в ней правления, а также наличие разных «состояний жителей», то есть сословного строя (единственным конкретным пунктом из комментариев, раскрывавшим содержание этой группы норм, было предписание о запрещении укреплять («крепостить») «вольных до того людей»). В число «непременных законов» Екатерина II включила

²⁴⁵ См.: приложение 3.

и установление догматов и обрядов веры. Православная вера — «закон православный восточный» — прямо определялась главным элементом, которому должно быть подчинено содержание этого класса законов в целом; однако и за иноверцами сохранялось право следовать их вере.

Подробнее других были рубрицированы и разработаны «непременные законы» «для безопасности». Наибольшее внимание здесь Екатерина II уделила планированию законов, охраняющих принципы «внутренней» безопасности. К этому классу были отнесены общие постановления (обязательность присяги и верности императорскому величеству всех граждан, строго подзаконное определение посягательств на права и честь монарха, необходимость оказания почтения императору); законы по охране частной безопасности — как личной (свобода въезда и выезда из страны, гарантии преимуществ дворян и др.), так и имущественной; законы о системе и порядке правосудия. В числе последних перечислялись важнейшие виды конкретных посягательств на личные и имущественные права граждан и деятельность государственной власти.

Составленные Екатериной II план и схемы «всеобщего законоположения» не предназначались для того, чтобы стать отдельным государственным законом. Они зафиксировали своего рода квинтэссенцию всех тех конкретных законопроектных работ, которые были либо уже намечены императрицей, либо, следуя логике общего замысла, могли оформиться в дальнейшем, диктуемые общей задачей правовой реформы. Екатерина II стремилась чисто логическим путем определить для себя как законодателя насущные проблемы правового регулирования. Вместе с тем сама идея связать в единую систему все государственные законы, соподчинив их, основываясь уже не на произвольной связи потребностей текущего государственного законодательства, а на логике предпосланного этому законодательству и всей государственной практике «естества вещей» и «духа законов», неизбежно приводила к мысли о конституционных началах всей правовой системы, которые должны были воспроизводиться во всех областях законодательства и определять частные принципы конкретных законов. Тем самым кодификационная мысль вплотную подошла к правовой форме конституционного закона, отдельные положения которого фиксировались ранее «Наказом» Комиссии уложения.

§ 2. Проект Свода государственных установлений (конституция «просвещенного абсолютизма»)

Разработка проекта. В своей законопроектной работе 1780-х гг. или, как называла ее сама императрица — «легисломании», Екатерина II снова обратилась к трудам европейских знаменитостей в области философии и политики права. На этот раз новым авторитетом для нее стал У. Блэкстон, крупнейший из английских правоведов XVIII в., открыватель «духа» английской правовой системы и вместе с тем консервативный толкователь институтов английской дуалистической монархии.

Основной труд У. Блэкстона «Комментарии на английские законы» (1765 г.) в шести книгах был известен Екатерине II со времени первого его перевода на французский язык²⁴⁶. В начале 1780-х годов по ее

²⁴⁶ Blackstone G. Commentaries sur les loix anglaises. 6 t. Bruxelles, 1774.

инициативе был издан русский перевод нескольких из первых книг «Комментариев», выполненный известным русским правоведом, юристом А. П. Шувалова в Комиссии уложения С. Е. Десницким²⁴⁷. Собственное изучение императрицей этого труда У. Блэкстона по французскому переводу выразилось в том числе в обширном своде «Выписок из шести томов Блэкстона, толкователя агличких законов»²⁴⁸.

«Выпись из Блэкстона» (как в обиходе называла свои извлечения Екатерина II) относится к 1785—1787 гг., судя по отдельным упоминаемым в тексте реалиям²⁴⁹. Кроме основного массива извлечений (который имел, как будет видно, особое предназначение), сохранилось немало и других выписок Екатерины II из разных книг «Комментариев», а также справок по английским законам, подготовленных статс-секретарем А. В. Храповицким²⁵⁰. Наиболее обстоятельно Екатерина II изучала разделы «о природе законов вообще», о полномочиях и правах монарха, а также книгу об уголовном праве. Особым ее вниманием, судя как по контексту собственных политических воззрений, так и по общему замыслу законодательной политики и всей задуманной правовой реформы, пользовались принципы и содержание так называемых «фундаментальных» исторических элементов английской неписанной конституции (Великой хартии вольностей 1215 г., Акта 1679 г. о Habeas corpus, Билля о правах 1689 г., Билля о наследстве английской короны 1688 гг.). От «Выписи из Блэкстона» ведет свое начало и крупнейший из всех задуманных Екатериной II законопроект.

Упоминания о новой законодательной работе императрицы в дневнике ее статс-секретаря А. В. Храповицкого, в те годы почти скрупулезно записывавшего мелочи государственной работы Екатерины II, появляются в октябре 1786 г. и продолжаются до ноября 1787 г., когда начавшаяся русско-шведская война и другие острые политические проблемы поглотили все внимание императрицы²⁵¹. В ходе знаменитого путешествия по югу России 1787 г. она, после работы над обширным манифестом о дуэлях, активно занялась новым задуманным законом. В апреле 1787 г. А. В. Храповицкий пометил в дневнике: «Взят Наказ Комиссии Уложения для сличения с записками из Блэкстона по работе о Сенате... Докладывал, что много готового и тем коронуются труды. Вторично спрашиван; приказано взять в дорогу. «Тут все интересованы и закон останется навеки». Я сказал: «Когда англичане хранят свою Шарту, то мы сохранить умеем. Там, счастье всех составляющий. Говорено о утверждении Самодержавства, о Расправной Палате и Генеральном суде»²⁵².

В последнем замечании Екатерины II видно уже и конкретное развитие замысла «работы о Сенате», и то, что этой работе предпола-

²⁴⁷ См.: Истолкования агличких законов Г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. С подлинника агличского. Кн. 1—3. М., 1780—1782.

²⁴⁸ См.: Кологривов С. Н. Новонайденный труд Екатерины Великой// Русский архив. Кн. 2 (№ 6). М., 1908. С. 169—177.

²⁴⁹ См.: ГБЛ ОР. Ф. 222. Карт. XVII. Д. 1. Л. 1—385. С. Н. Кологривов в вышеупомянутой статье имел в виду именно эту рукопись.

²⁵⁰ См., например: ГБЛ ОР. Ф. 323. Карт. 1349. Ед. хр. 1—17.

²⁵¹ См.: Памятные записки А. В. Храповицкого. М., 1862. С. 16, 17, 43.

²⁵² Там же. С. 27.

галось придать значение, сопоставимое с ролью английской неписанной исторической конституции. Замысел не был лишен идейно-политического прагматизма: июнь 1787 г. знаменовал 25-летие восшествия Екатерины II на престол, и императрица явно желала подготовить к юбилею новый акт своей законодательной «мудрости» и «заботы о подданных». В мае, по заметкам того же А. В. Храповицкого, она спрашивала у канцлера А. А. Безбородко, что тот готовит к 28 июня, и с сожалением отмечала: «все будет мелочь без большой работы о Сенате»²⁵³.

Задуманный проект должен был охватить, под общим предлогом нового учреждения Сената как «хранилища законов», всю сферу государственного закона, установив общие правооснования власти монарха, принципы деятельности государственных учреждений и судебной системы, а также начала всякого правоприменения (по всем областям права). Обращение к опыту и примерам английской правовой истории привело, по-видимому, Екатерину II к мысли совместить всеохватывающую кодификацию права (следуя идеалу германского «просвещенного абсолютизма») с «фундаментальным» закреплением общих правовых начал общества и государства с указанием (и это было новым в доктрине) незыблемых принципов правоприменения, то есть гарантий «блаженства каждого и всех» должны были стать уже не только сами по себе «естественные законы», зафиксированные в государственных, но и строго установленные начала их функционирования в обществе и в государственной системе. В «Выписи из Блэкстона» Екатерина II детально прорабатывала проблемы «природы законов», и в проекте «работы о Сенате» центральное место заняли противоположения о содержании и форме государственного закона, порядке его издания, началах всеобщей законности.

В ходе работы над проектом выделились три его основные части: вступительная — манифест, основная — под условным названием «О Сенате», заключительная — «Наказ Сенату»²⁵⁴. Что касается манифеста, то Екатерина II, как видно, предполагала опереться на проект манифеста 1778—1783 гг. к так называемой «второй части» «Учреждений»; это был обширный историко-политический и географический обзор России и ее достижений за время царствования Екатерины II²⁵⁵. В августе 1787 г. был практически закончен «Наказ Сенату», в котором детально разрабатывались основные начала государственного права. Основная часть проекта не была завершена, но первый лист черновика рукописи А. В. Храповицкий пометил: «О узаконениях вообще»²⁵⁶.

Некоторые проблемы, поднятые в этом цикле проектов, Екатерина II позднее будет разрабатывать в заметках «О Главной Расправ-

²⁵³ Памятные записки А. В. Храповицкого. М., 1862. С. 29.

²⁵⁴ См. собственноручно составленный Екатериной II перечень на обложке манифеста // ГБЛ ОР. Ф. 222. Карт. XVIII. Ед. хр. 9. Л. 1.

²⁵⁵ См.: ГБЛ ОР. Ф. 222. Карт. XVIII. Ед. хр. 9. Л. 2—11; ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 319 (черновая редакция).

²⁵⁶ ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 166—537. Археографическую характеристику основной части Свода и публикаций вступительных разделов рукописи см.: Омельченко О. А. Иден конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России // Проблемы политической и правовой идеологии. М.: ВЮЗИ, 1989. С. 71—108.

ной палате», «О Генеральном суде», «О Сенате»²⁵⁷, некоторые из которых носят характер вполне законченных законодательных предположений. Однако все это входило в качестве составных частей в общий замысел своего рода Свода государственных установлений, вчерне разработанного к осени 1787 г. и включавшего как дополнительный элемент «Выпись из Блэкстона», подготовленную в 1785—1787 гг.

«Наказ Сенату». Эта меньшая по объему часть Свода была по своему содержанию важнейшей. «Наказ Сенату» стал первым в истории русского права и правовой мысли законченным опытом кодификации принципов государственного права абсолютизма. До этого, со времени становления абсолютной монархии, ее публично-правовая доктрина и правовая догма ограничивались отдельными постулатами о характере и существе власти монарха, восходящими к актам правления Петра I, дополненными некоторыми новациями в официальной доктрине середины XVIII в.²⁵⁸ Не была затронута эта область публичного права и кодификационными разработками Комиссии уложения, поскольку принципиальные правовые идеи, как считалось, были сформулированы в «Наказе» Комиссии уложения.

«Наказ Сенату» состоит из семи глав (разделов), внутренняя рубрикация которых полностью не закончена; часть правоположений имела подразделения на пункты и специальные примечания историко-политического содержания.

В гл. I «О самодержавной и законодательной власти императорского величества» утверждалась форма правления империи и давалась правовая характеристика власти монарха. Всероссийская империя (в составе всех входящих в нее областей и подвластных территорий, перечисленных в полном императорском титуле) объявлялась единой и нераздельной, подчиненной самодержавной власти императора. Власть императора, монарха, полагалась единственно полномочной («Всероссийская империя истари, как ныне, имеет над собою самодержавную и законодательную главою императорского величества и не подвергается иным законам, кроме императорского величества и предками...изданных для блага общего и частного»²⁵⁹), верховной по характеру и исключительной по правовому положению; она «не имеет препоны, ни равенства», то есть никаких ограничений («не знает на земле сей выше себя»). Квалификация статуса власти монарха сливалась с понятием суверенности, что выражалось термином «самодержавный». Второй важнейшей чертой монархической власти полагалось право на законодательство — никем и ничем не ограничиваемое («непреренно, нераздельно, неотъемлемо»)²⁶⁰. Верховное право на законодательство включало право на установление, обнародование, изменение, полную отмену, прекращение и возобновление действия, на толкование закона. Неурегулированная законом сфера общественной и государственной жизни

²⁵⁷ ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 320, 329.

²⁵⁸ Текст «Наказа Сенату» см.: Омельченко О. А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // Проблемы истории абсолютизма. М.: ВЮЗИ, 1983. С. 43—62. Там же детально рассмотрена история разработки этой части Свода.

²⁵⁹ Цит. по: Омельченко О. А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма... С. 43.

²⁶⁰ Там же. С. 44.

объявлялась также подзаконной: все «неустройства» и частные «случаи», не подпадавшие под деятельность учреждений в соответствии с существующими установлениями, могли решаться только по усмотрению монарха и требовали представления к верховной власти. Любое ослабление полноты, единства и неограниченности монархической власти определялось как посягательство на силу и могущество империи (историческими примерами Екатерина II иллюстрировала «гибельность» разделения и дробления власти верховной).

В гл. 2 («О преимуществе») и гл. 7 («О доходах») устанавливались конкретные права и полномочия власти монарха. Екатерина II разделила совокупность этих полномочий на три группы: относящиеся к достоинству, или званию, императора, к самодержавной его власти, к доходам. Согласно особому статусу, выраженному званием и достоинствами императора, монарх имел право на единоличное владение в России, на исключительность чести и власти, на особый обряд освящения власти и на присягу в верности от всех подданных, что создавало правовую основу для отношений монарха и «граждан» империи. Помимо верховной власти на законодательство, он обладал высшей исполнительной и судебной властью: объявление войны и заключение мира, посылка послов и, следовательно, руководство дипломатическими сношениями в целом относились к исключительным его полномочиям, как и предоставление права на достоинства, чины, звания и имения (следовательно, и на сословный статус в обществе); верховное право помилования также оставалось за монархом. К финансовым прерогативам власти монарха были отнесены исключительные права на чеканку монеты и на установление единых мер и весов в государстве.

В гл. 4 «О роде и наследии», наиболее пространной, впервые подробно регулировался порядок престолонаследия, определялся состав императорской фамилии и порядок наследования престола. При работе над этой главой Екатерина II тщательно изучила «Правду воли монаршей» (1722 г.), изданную в обоснование нового порядка престолонаследия, введенного Петром I, но сами по себе полагаемые ею принципы наследования престола хотя и основывались на традиции, но в немалой степени были новыми для русского права.

Наследник и порядок наследования определялся только по усмотрению монарха, составляя тем самым еще одну важную прерогативу его власти. Но наследование закреплялось — и это было новшеством — только в роде императорского величества. В особом разделе были установлены единственно законные причины, по которым наследник престола не мог быть утвержден в императорских правах, даже когда престол освобождался за смертью предшествующего монарха. К таким причинам относились случаи, если наследник хотя и не был отрешен от наследства престола, но доказательно обвинялся в попытках восшествия на престол при жизни монарха или был лишен необходимых «душевных и телесных качеств», а также «нравных и естественных способностей» (последние Екатерина II полагала определять наравне с признанием общей гражданской дееспособности — не общей правоспособности!). Наследство устанавливалось по мужской линии с правами старшинства, но в случае отсутствия законных наследников мужского пола к наследованию престола могли призываться и ближайшие родственники по женской линии, если они отвечали законным условиям. В случае несовершеннолетия наследника устанавливалась опека и верховными органами управления назначался правитель

империи, также по предписанным правилам. Ответственность за соблюдение правил престолонаследия и осуществление самой процедуры передачи престола возлагались на Сенат.

Наконец, гл. 5 «О Совете» и гл. 6 «О должности» посвящались органам и чинам высшей администрации. Конституционное значение Екатерина II предполагала придать учрежденному в 1769 г. и действовавшему до конца ее правления Совету при высочайшем дворе (Императорскому совету). Совет рассматривался как высший административный и законосовещательный орган, который состоял из лиц высших служилых рангов, назначавшихся монархом. Члены Совета обязывались изыскивать все способы к «общему добру империи», к «чести императорского величества и империи»²⁶¹. Они обязывались хранить государственную тайну, воздерживаться от незаконных поступков, проводить в жизнь принятые Советом и монархом административные распоряжения. В особом разделе гл. 5 устанавливался порядок работы Совета, в соответствии с указом о Совете при высочайшем дворе 1769 г. Главные функции Совета заключались в принятии мер по случаю военных действий и следующих из таких обстоятельств экстраординарных мероприятий. Следовательно, подразумевалось, что в мирное время полнота власти оставалась за Сенатом и установленными учреждениями.

В гл. 6 «О должности» содержалась характеристика особого статуса трех высших рангов должностных чинов (от канцлера до тайного советника), за которыми признавалось исключительное право присутствовать в высших государственных учреждениях — Совете, Сенате и четырех коллегиях. Тем самым высшая бюрократия получала как бы правовую гарантию своего влияния.

«О узаконениях вообще». Эта часть Свода была самой объемной: несколько сот рукописных листов, свыше 50 глав и, очевидно, около 2 тыс. статей (Екатерина II не пронумеровала отдельные замечания и правоположения, но все они были разделены ею специальными знаками). Некоторые небольшие разделы также посвящались характеристике власти императора, порядку престолонаследия (все они были своего рода черновыми для правоположений «Наказа Сенату»). Наибольшую по объему часть проекта составляли специальные правовые разделы «О союзах или относительно лиц», «О вечной службе», «О разводе», «О законных обществах», «О родительской власти над детьми», «О опекунстве», «О обществах», «О собственности», «О доходах», «О обязательствах», «О праве над движимым имуществом», «Об оплате долгов», «О завещании», «О личных правах и правах на имущество», «О системе судов и судопроизводстве», «О задержании», «О нарушении благочиния», «О естестве преступлений и наказаний», «Об исках гражданских», «О ущербе», «О рассмотрении дел судом, доказательствах» и др. Учитывая, что эти разработки предназначались в качестве руководства Сенату, можно предположить, что Екатерина II видела здесь цель в установлении общих правил оценки всей законоприменительной и правоприменительной сферы, которые бы гарантировали исполнение Сенатом своих функций как верховного судебного органа и «хранителя законов».

Большое внимание было уделено определению существа, содержания закона как высшей правовой формы и наиболее прямого воплощения воли законодателя-монарха, порядку издания и составления законов.

²⁶¹ Омельченко О. А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // Проблемы истории абсолютизма. М.: ВЮЗИ, 1983. С. 32.

Исходным принципом в представлении о законе, которым направляется и управляется общество, считался строго государственный, властный его характер: «Гражданский закон есть правила поведения подданных, предписанной законодательной властью, которая повелевает правое и запрещает неправое»²⁶². Единственным источником закона полагалась самодержавная власть. Та неразрывность полномочий абстрактного государственного суверенитета, которую развивал в своих «Комментариях» У. Блэкстон (и которая стала источником этих текстов), была однозначно применена к характеристике власти неограниченного монарха: «Законы суть глас и слово императорского величества, предстоящего во всяком присутственном месте и напоминающего ежечасно присутствующим о нелицемерном правосудии»²⁶³. Поскольку «гражданский закон» воплощал высшую и суверенную волю верховной власти монарха, постольку, следуя законам, все правительства исполняют «волю и власть законодателя»²⁶⁴. Строгое начало законности должно пронизывать всю государственную и общественную жизнь: «Запрещается дать предписание или повеление, противное закону или нарушающей оной, или препятствовать законному течению, или остановить законное отправление»²⁶⁵.

По проекту подразумевалось, что Сенат будет несколько отличным от существовавшего и по своим правам, и по своей роли. В развитие высказанной в «Наказе» Комиссии уложения идеи Сенат должен был стать «хранилищем законов»: органом верховного государственного надзора и контроля за законностью. Новым высшим судебным органом учреждалась Главная Расправная палата.

Главная Расправная палата должна была состоять при Сенате, но как вполне самостоятельное учреждение. В нее входили три департамента, в сущности, самостоятельные суды-ведомства с особыми полномочиями.

Первый департамент («Надзиранье прав и правосудье») должен был контролировать соблюдение законов и исполнение решений правительства в губернских и городских учреждениях. Департамент получал право налагать штрафы на должностных лиц и привлекать их к суду в случае выявленных нарушений, делать представления в Сенат и монарху о необходимости новых законоположений. Присутствие департамента составляли 12 заседателей с обязательным университетским юридическим образованием. Руководить его работой должен был «законоведец», который одновременно считался председателем Главной Расправной палаты.

Законоведец—новая для государственной действительности России фигура. Екатерина II сконструировала ее на основе полномочий лорда-канцлера, следуя «Комментариям» У. Блэкстона. Законоведец назначался непосредственно императором, подчинялся только ему и нес ответственность только перед ним. Он считался одновременно членом Сената и представлял в нем Палату. Ему надлежало осуществлять организацию общего надзора за законностью в государственном аппарате, за составом и работой судов, а также некоторые частные задачи.

²⁶² Цит. по: Омельченко О. А. Иден конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России: неизвестный проект Екатерины II «О узаконениях вообще»//Проблемы политической и правовой идеологии. М.: ВЮЗИ, 1989. С. 82.

²⁶³ Там же. С. 97.

²⁶⁴ Там же. С. 96.

²⁶⁵ Там же. С. 84.

Вторым департаментом считался Верхний уголовный суд под председательством «главного расправника». В нем полагалось рассматривать уголовные дела высших должностных лиц, возбуждаемые в порядке общего надзора или по частной жалобе. Если наказание по конкретному обвинению могло повлечь смертную казнь или лишение прав состояния, приговор по делу (предварительно рассмотренному в Верхнем уголовном суде) выносил Сенат. В остальных случаях Сенат только информировался о вынесенном решении. В состав Верхнего уголовного суда, кроме 12 расправников-судей, включались сословные присяжные представители, избиравшиеся от губернии на три года по одному от каждого сословия.

Третьим департаментом предполагался Высший совестный суд. В нем должны были рассматриваться дела, которые не подпадали под прямое действие нормы закона и в решении которых следовало сообразовываться с «естественным течением вещей» и со «здравым рассудком», «ибо закон не мог всего предвидеть и изъяснить»²⁶⁶. Главным предметом разбирательств в департаменте становились нарушения «безопасности граждан и их имущества», причем уголовные дела Екатерина II предписывала решать, «покровительствуя гражданина, не отягощая его судьбы»²⁶⁷.

Второй и третий департаменты Главной Расправной палаты как бы венчали систему сословных уголовных и совестных судов, образованных по реформе 1775 г.

Законное соблюдение предельно отвлеченно понимаемых гражданских прав подданных было еще одной важной линией проекта. В нем выделялись начала так называемого «коренного закона», государства, которому не могли и не должны были противоречить ни прочие законы, ни иные принципы права. В 17 пунктах предусматривалась строгая охрана законности решений судов (пп. 1, 2, 7), запрещение властям собирать неустановленные налоги (п. 3), объявление преступным всякого военного выступления без указания верховной власти (п. 4). Провозглашались равноответственность лиц всех сословий перед государственным судом (п. 9), обязательность наложения наказаний только судом (п. 10) и только следуя принципу законности: нет преступления и наказания, не определенных законом (п. 11). Утверждался запрет на придание закону обратной силы (п. 12). Подданным дозволялось иметь оружие «по состоянию и по законам» (п. 5), провозглашались свобода вероисповеданий (п. 14) и запрет на наказание за «мысли и слова людские» (п. 16). Нарушение какой-либо из этих норм расценивалось как преступление и должно было караться пожизненным заключением (п. 17). Однако провозглашение таких всеобщих прав не исключало упорочения правовых начал сословности. Все «жители империи» подразделялись на три рода: дворянство, обыватели градские и обыватели сельские. Для каждого рода устанавливались общественное место и различия в правах, следуя началам Жалованных грамот 1785 г. и проекту «Сельского положения».

По конкретным правовым вопросам эта часть Свода включала преимущественно предписания общего характера. Так, при рассмотрении вопросов уголовного права предполагалось установить общее понятие

²⁶⁶ Омельченко О. А. Идеи конституционного закона и «всеобщей законности» в России: неизвестный проект Екатерины II «О узаконениях вообще»// Проблемы политической и правовой идеологии. М.: ВЮЗИ, 1989. С. 84—85.

²⁶⁷ Там же. С. 96.

о преступлении, о цели наказания, о понимании умышленных и неумышленных преступлений, общие начала назначения наказаний и проведения судебных расследований, но не давался ни перечень конкретных деяний, признаваемых преступными, ни исчерпывающий список наказаний. Таким образом, в проекте зафиксированы самые общие правовые начала и принципы правовой политики во всех областях правоотношений, но он не вообрал в себя все конкретные нормы законов.

В проекте часто встречаются ссылки на другие акты, изданные в правление Екатерины II, на дополнительные правила и законы. Тем самым и по форме он предполагался как конституционный закон, принципы которого конкретизировались бы и развивались в последующем и частном законодательстве. Часты ссылки и на «Выпись из Блэкстона». Как видно, Екатерина II планировала сделать ее составной частью Свода в качестве авторитетных правовых мнений и толкований. Судя по одной из сохранных А. В. Храповицким записок²⁶⁸, в дальнейшем императрица предполагала использовать свои извлечения для обработки 10-томного описания русских законов, составленных в Комиссии уложения и в канцелярии генерал-прокурора А. А. Вяземского, однако эта идея не была реализована.

Таким образом, «Свод государственных установлений», как условно можно назвать этот проект, занимает особое место в законодательной политике «просвещенного абсолютизма» и в истории кодификационных попыток в русском праве XVIII в. В нем не только были обобщенно представлены все правовые принципы этой политики, но и предвосхищены формы «основных законов» империи. Свод стал уникальным опытом конституционного закона, предназначенного служить абсолютизму в новой, «правовой» форме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XVIII в. стала особым этапом в истории кодификации права в России. Характерные для этого этапа исторические черты, а также его значимость, дающие основания для его исторического обособления, взаимосвязаны с тем новым государственно-политическим и правовым обликом «просвещенного абсолютизма», который обрела феодальная монархия в России с середины 1750-х годов. Важнейшие отличительные особенности общеправовой задачи кодификации, ее социальной и политической направленности, ее методов и форм были определены не собственно потребностями формально-кодификационного совершенствования системы права и ее источников, которые отражают развитие правовой мысли в обществе и в конечном счете уровень правовой культуры общества, а специфичной и общей направленностью правовой политики «просвещенного абсолютизма», теми задачами, которые возлагала на кодификацию идейно-правовая доктрина российского «просвещенного абсолютизма»²⁶⁸.

Со времени установления абсолютной монархии в России попытки всеобъемлющей кодификации права были неотъемлемым элементом государственной правовой политики, что выразилось в существовании в первой половине XVIII в. в высших органах государственного управления сменявших друг друга кодификационных, «уложенных», комиссий. Внимание к всеобъемлющей кодификации права (в сочетании с большей или меньшей степенью его обновления) прежде всего выражало стремления государственной власти к централизованной унификации системы правовых норм и закона в стране, к упорядочению судебного и административного правоприменения; *кодификация была лишь методом укрепления абсолютистской законности*, в основе которого лежал принцип доминирования государственного закона как источника права, утверждающийся вместе с новой политической системой.

В период «просвещенного абсолютизма» кодификация права в России получила новое содержание. Характерное для идейно-правовой доктрины «просвещенного абсолютизма» представление о государственном законе как важнейшем и нередко исключительном средстве совершенствования общества, исторического прогресса и достижения «блаженства каждого и всех» обусловило стремление государственной власти всемерно расширить общественную сферу этого закона, упорядочить систему и нормы закона и, следовательно, провести все-

²⁶⁸ См.: Русский архив. 1872. № 11. Стб. 2097.

объемлющую систематизацию этих норм и кодификацию нового, почерпнутого из «естественных оснований» права. Кодификация права с целью установления всеобщего нормативного регулирования всех проявлений государственной и общественной жизни, всех мыслимых правоотношений стала если не задачей, то главным методом правовой реформы «просвещенного абсолютизма», в которой полнее всего должен был выразиться его правовой характер. Кодификационные комиссии, созданные в России в период «просвещенного абсолютизма», — Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и Комиссия о сочинении проекта нового уложения 1767—1796 гг. — явились поэтому не только значительнейшими вехами на пути общего развития форм и методов кодификации права, но и крупнейшими идейными и политическими мероприятиями своего времени. В деятельности этих комиссий получила выражение, всестороннее развитие и обоснование правовая программа «просвещенного абсолютизма».

Уложение 1649 г. было значительным итогом в том числе и кодификационной мысли России, права доабсолютистской монархии. Принципы его построения, основанные на попытке представить в системе закона абстрагированный образ религиозно-политического содержания общественных отношений и соподчинения законов окружающего мира, надолго предопределили понимание форм кодификации права в русской правовой мысли. Основной тенденцией дальнейшего развития общего понимания формы кодификации в XVIII в. стало постепенное преодоление традиционной схемы, движение от формы сводного уложения, которое бы охватило всю область государственного закона, следуя традиционному порядку и задачам практического правоприменения, к системе отдельных сводов-кодексов, в которые бы вошли обособленные области и отрасли права соответственно объективной характеристике правовых объектов и объективным разграничениям общественных отношений, объединенным уже в единый свод государственных законов. Это развитие формы кодификации права, будучи в неразрывной связи с задачами правовой реформы «просвещенного абсолютизма», выражало и становление в XVIII в. в целом новой правовой культуры, отвечающей историческим перспективам позднефеодального общества.

В развитии общей формы и понимания содержания кодификации права исключительную роль сыграла деятельность созданной в 1767 г. по инициативе Екатерины II, крупнейшего идеолога и практика российского «просвещенного абсолютизма», Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Комиссия уложения в основном выполнила свою задачу, не только подготовив общие предложения по правовой реформе, выражавшие интересы прежде всего основной массы дворянства и правительственной бюрократии, но и разработав структуру будущего государственного свода законов и большинство конкретных законопроектов, которые предполагалось в него включить. Содержание этих законопроектов оказало прямое влияние на последующие законодательные мероприятия правительства Екатерины II, послужило основанием для частичной кодификации права в форме отдельных обобщающих актов в 1780-е годы и заложило фундамент последующего развития права в России, вплоть до первой четверти XIX в. Как и Уложенная комиссия 1754—1766 гг., Комиссия уложения разработала проекты в точном соответствии с правительственным курсом правовой реформы, развив главные идейно-правовые и политические установки «Наказа» Екатерины II и других основополагающих актов верховной власти. Отсутствие однозначных кодификационных итогов работы связано преиму-

шественно с субъективными моментами текущего политического курса правительств и с изменениями представлений о формах реализации правовой реформы в высших правительственных кругах.

В процессе кодификационной работы второй половины XVIII в. были выработаны принципиально новые формы позитивного законодательства, регулирующего все стороны государственной и общественной организации, в том числе область «непременных», или основных, законов государства, фиксирующих положение государственной власти, правоотношение к ней подданных — граждан и систему высших государственных учреждений, область социально-правового законодательства, посвященного правоположениям о статусе сословий, а также все самостоятельные области материального и судебно-процессуального права, с выделением новых, только формирующихся тогда отраслей права — административного, полицейского, пенитенциарного. В кодификационных разработках и законопроектах периода «просвещенного абсолютизма» была обстоятельно проработана *идея основного государственного законодательства*, на основе которой сформировалась принципиально новая правовая форма конституционного закона, конституции «просвещенного абсолютизма». Новые формы позитивного законодательства, выработанные во второй половине XVIII в. и зафиксированные в обширных неопубликованных сводах правительственного значения, оказали прямое влияние на формы и структуру работ первой трети XIX в. по систематизации и кодификации русского права, в том числе под руководством М. М. Сперанского. Вместе с тем по ряду формальных моментов, по характеру обобщенности и изложения правовой нормы, по сочетанию в законе традиционного права и реформационного правотворчества, по уровню систематизации норм и разработке отдельных областей права, по степени подчинения индивидуальных правоположений общим правовым установкам свода кодификационные работы второй половины XVIII в. остались непревзойденными на протяжении всей первой половины XIX в. Акты частичной кодификации права, как составная часть разработок и правовой реформы «просвещенного абсолютизма», сохранили свою силу надолго, став краеугольным камнем всего правового здания российской феодальной монархии вплоть до времени буржуазных преобразований 1860-х годов.

Кодификация права второй половины XVIII в. показала высокий уровень русского правоповедения и русской юридической мысли и техники, способных решать проблемы законодательного и правового регулирования. Реализация кодификационных разработок определялась политическими видами правительства, но не их формальной неготовностью. С другой стороны, сама кодификация и ее необходимость стала важным активизирующим фактором развития русской юридической науки и образования, повышения уровня правовой культуры.

По своему содержанию кодификационная работа второй половины XVIII в. была обусловлена правовой политикой российской феодальной монархии, задачами реформ «просвещенного абсолютизма». Подготовленные и реализованные в той или иной форме законопроекты и кодификационные разработки, при всем техническом новшестве и новом уровне правовой формы, имели консервативный характер, закрепляя начала существующей государственной и социальной системы, придавая правовой облик абсолютистской государственности и сословно-феодальному строю с социальным господством дворянства и правительственной бюрократии.

НАКАЗ КОМИССИИ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ

Глава XIX. О составлении и слоге законов¹

439. О составлении и слоге законов.

440. Все права должно разделить на три части.

441. Первой части будет заглавие законы.

442. Вторая примет название учреждения временные.

443. Третьей дастся имя указы.

444. Под словом законы разумеются все те установления, которые ни в какое время не могут перемениться; и таковых числу быть не можно великому.

445. Под названием временные учреждения разумеется тот порядок, которым все дела должны отправляемы быть и разные о том указы и уставы.

446. Имя указы заключает в себе все то, что для каких-нибудь делается приключений и что только есть случайное, или на чью особу относящееся и может со временем перемениться.

447. Надобно включить во книгу прав всякую порознь материю по порядку в том месте, которое ей принадлежит — например, судные, воинские, торговые, гражданские или полицейские, городские, земские и проч. и проч.

448. Всякий закон должен быть написан словами вразумительными для всех и при том очень коротко; чего ради без сомнения надлежит, где нужда потребует, прибавить изъяснения или толкования для судящих, чтоб могли легко видеть и понимать как силу, так и употребление закона. Воинский устав наполнен подобными примерами, которым удобно можно последовать.

449. Но однако ж должно поступать весьма осторожно в сих изъяснениях и толкованиях, понеже оные легко могут иногда более за-
тмить, нежели объяснить случай — чему бывали многие примеры.

450. Когда в каком законе исключения, ограничения и умерения не надобны, то гораздо лучше их и не полагать, ибо такие подробности приводят ко другим еще подробностям.

¹ Текст гл. XIX «Наказа» Екатерины II приводится полностью по официальному изданию 1767 г. Орфография и знаки препинания изменены в соответствии с современным правописанием.

451. Если пишущий законы хочет в них изобразить причину, побудившую к изданию некоторых между оными, то должно, чтобы причина та была сего достойна. Между римскими законами есть определяющий слепому в суде не производить никакого дела, для того что он не видит знаков и украшений судебных. Сия причина весьма плоха, когда можно было привести довольно других хороших.

452. Законы не должны быть тонкостями, от остроумия происходящими, наполнены; они сделаны для людей посредственного разума равномерным образом, как и для остроумных; в них содержится не наука, предписывающая правила человеческого уму, но простое и правое рассуждение отца, о чадах и домашних своих пекущегося.

453. Надлежит, чтобы в законах видно было везде чистосердечие: они даются для наказания пороков и злоухищрений; итак, надобно им самим заключать в себе великую добродетель и незлобие.

454. Слог законов должен быть краток, прост; выражение прямое всегда лучше можно разуметь, нежели околичное выражение.

455. Когда слог законов надут и высокопарен, то они инако не почитаются, как только сочинением, изъясляющим высокомерие и гордость.

456. Неопределенными речью законов писать не должно. Чему здесь прописывается пример. Закон одного императора греческого наказывать велит смертью того, кто купит освобожденного, как будто раба, или *кто такого человека станет тревожить и беспокоить*. Не должно было употреблять выражения так неопределенного и неизвестного: *беспокойство и тревожение*, причиняемое человеку, зависит вовсе от того, какую кто степень чувствительности имеет.

457. Слог Уложения блаженный памяти царя *Алексея Михайловича* по большей части ясен, прост и краток; с удовольствием слушаешь, где бываю из оного выписи; никто не ошибется в разумении того, что слышит; слова в нем вняты и самому посредственному уму.

458. Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать, следовательно, надобно, чтобы все люди оные и разуметь могли.

459. Надлежит уберечь выражений витиеватых, гордых или пышных, и не прибавлять в составлении закона ни одного слова лишнего, чтоб легко можно было понять вещь, законом устанавливаемую.

460. Также надобно беречься, чтобы между законами не были такие, которые не достигают до намеренного конца, которые избыточны словами, а недостаточны смыслом; которые по внутреннему своему содержанию маловажны, а по наружному слогу — надменны.

461. Законы, признающие необходимо нужными действия, не причастные ни добродетели, ни пороку, подвержены той непристойности, что они заставляют почитать, напротив того, действия необходимо нужные за ненужные.

462. Законы при денежном наказании, или пени, означающие точно число денег за какую-либо вину платимых, надлежит по крайней мере всякие пятьдесят лет вновь пересматривать для того, что плата деньгами, признаваемая в одно время достаточною, в другое почитается за ничто, ибо цена денег переменяется по мере имущества. Был некогда в Риме такой сумасбродный человек, который всем попадающим ему навстречу раздавал пощечины, платя при том тотчас всякому из них по двадцати по пяти копеек, то есть по сколько законом было предписано.

ИНСТРУКЦИЯ О ПРИЕМАХ РАБОТЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ПРОЕКТА УЛОЖЕНИЯ, РАЗРАБОТАННАЯ ДИРЕКЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ (1768 г.)

Наставление для всех частных комиссий равно служащее

л.1

Каждая частная комиссия, имея себе зеркалом и руководством всемиростивейше данные от ее императорского величества «Наказ», «Обряд» и «Начертание»¹, найдетса собою предовольно в состоянии возлагаемые на нее труды таким образом расположить, или такой оным план сделать, чтоб и работа была поспешнее и плод сколько можно совершеннее соответствовал ожиданию; некоторые из учрежденных комиссий такое расположение и сделали уже к великому удовольствию Дирекционной комиссии. Но понеже в разных частных комиссиях такие расположения быть могут весьма разнообразны, а сие при будущем составлении проекта нового уложения могло б причинить великие трудности, то Дирекционная комиссия за должна нашла всем частным комиссиям сверх данного каждой особо объяснения нижеследующее предписать.

л.1об.

1-е. Сколь скоро какая частная комиссия учреждена и первое наставление с принадлежащими до ее упражнений старыми законами и выписками из наказов от Дирекционной комиссии получила, то тотчас или так скоро, как токмо возможно, следуя «Начертанию» и «Наказу», делает свой план, или расположение, // и представляет в Дирекционную комиссию на рассмотрение, не дожидая, все ли до ее сведения принадлежащие прежние законы или другие дела ей сообщены, ибо всего вдруг и дать не можно, да и великой надобности в том нет, потому что хотя новое сведение может иногда рождать новые мысли и новое причинствовать в плане пополнение, но без того и никогда обoitись нельзя; почему и сочинение частных планов не с тем предписывается, чтоб оными себя связывать и от них отнюдь никогда не отступать, но чтоб всегда до лучшего усмотрения некоторому порядку следовать.

2-е. Когда ж Дирекционная комиссия оное расположение утвердит, то частная комиссия свои труды разделяет между своими членами как сама за лучшее усмотрит.

3-е. Сделав сие разделение, каждый член, который часть трудов на себя принял, собирает все до его части или материи принадлежащие пункты из старого Уложения, указы, пункты ж из депутатских наказов и другие полезные сведения, естли какие он по усердию своему и прилежности получить может, и делает оным краткой, но вразумительной реестр или роспись.

л.3

4-е. Сию роспись читает он в собрании своей комиссии, которая обще рассуждает о ползе, надобности или вреде // и излишестве каждого пункта или находит совсем что новое

¹ Имеются в виду «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения», «Обряд управления» и «Начертание о приведении к окончанию Комиссии сочинения проекта нового уложения».

прибавить, а член, которой сию часть на себя взял, записывает общее рассуждение кратко, но ясно в сочиненном им реестре на стороне; и потом уже начинает действительно трудиться над сочинением своей части, памятуя при том сие важное примечание, что при сочинении хотя подлинно многое из старых законов почерпаемо быть может, но оные отнюдь правилом не служат, тем паче что во оных много и весьма нужного недостает и многое состоянию времени и действительному положению государства, следовательно и пользе оного, не соответствует, а ныне, напротив того, ничто сколько можно пропущено быть не имеет и все согласно действительному положению государства, прочной оного для передоу ползе и славе и вкореняемому в народе благонравию, по премудрым и никогда не опровергаемым правилам Большого «Наказа» расположено должно, почему и нет иного зеркала и руководства как, во-первых, «Наказ», а потом — здравый рассудок, любовь к отечеству и должная благодарность к строительнице блаженства нашего.

л.Зоб. 5-е. Если по общему рассуждению читанной реестр недостаточен, то неясной оного пункт и весьма важной читается в подлиннике Уложения или указов, дабы вся комиссия излишним чтением//затруднена не была, а притом однако ж ничто и пропущено не было.

6-е. Когда член комиссии, сочиняющей свою часть, вносит какой пункт точно из Большого «Наказа» или в некоторых в словах отменами, тогда он на стороне противу того ставит *цифрное число*, значащее *отделение «Наказа»*, из которого он почерпнул.

ул. 7-е. Когда ж вносит какой пункт точно из старого Уложения, тогда он на стороне противу оного ставит знак *буквами ул.*, значащими *Уложение*.

ук. 8-е. Ежели ж вносит что точное из указов, тогда замечает на стороне буквами *ук.*, значащими *указы*.

п. 9-е. Буде вызв пункт из Уложения или указов оной несколько перемениет, что к вышеизображенным буквам прибавляет токмо букву *п.*, значущую *перемену*.

н. 10-е. А когда вносит какой пункт, ни в Уложении, ни в указах не бывалой, но настоящему времени и «Наказу» ее императорского величества приличной, тогда замечает токмо оное *буквою н.*, значащею *новое*.

л.4 11-е. В сем труде содействуют помощники депутатские и определенные сочинители, по рассмотрению самих членов комиссии.//

12-е. Сочиняемая часть читается паки в собрании частной комиссии и когда уже рассмотрена и утверждена будет, тогда вносится в Дирекционную комиссию. И с тем реестром, который сочинению служил основанием.

13-е. Все частные комиссии, как порядочно ни разделены всемиловейше данным от ее императорского величества «Начертанием», тем не менее общая всех цель — блаженство всех и каждого — столко их соединяет, что нельзя довольно подтвердить, чтоб все и каждая, имея в нужных, однако ж токмо случаях между собою сношения, одна другой получшему разумению и возможности вспомоществовала. Ибо

здесь согласие и единодушие столько ж нужны, как и самая ревность и прилежание из самых драгоценных вещей равнообразно сооруженное здание будет чудовище.

л. 4об.

14-е. Нельзя здесь не упомянуть и о сношениях с разными правительствами, а особливо с находящимися во отдаленных отсюда городах. Нужны сношения и предписаны «Обрядом»; да нельзя и без того обойтись, чтоб не требовать от оных некоторых сведений; но в сих требованиях надобно поступать с крайнею бережливостию, ибо сверх того, что не каждое правительство может подавать такие сведения, кои могут комиссии показаться нужными, опасно, что буде комисских требований//весьма умножитца, то много претерпит настоящих дел течение, почему и не может никакая частная комиссия прямо от себя оных требовать, но все требования свои подает в Дирекционную комиссию.

15-е. Могут случитца как в данных каждой комиссии наставлениях некоторые недомолвки, так и сверх того в течении толь трудной работы сумнения и затруднения, кои одним частных комиссий между собою сношением разрешены быть не могут. В таких случаях лучше требовать в Дирекционной комиссии словесных объяснений, кои всегда, как скоро возможно, даваны будут, нежели в медлительные переписки входить или великую работу на неизвестную удачу продолжать.

ЦГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Кн. 1.
Л. 1—1об., 3—4об. Копия, заверенная
сочинителем Дирекционной комиссии
П. Гурьевым.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

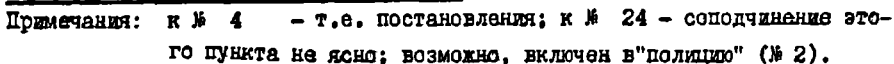
ЕКАТЕРИНА II. ПЛАНЫ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ (1774—1775 гг.)

Предварительные пояснения к публикации. Приведенные ниже схемы и комментарии, составленные Екатериной II и отразившие разрабатываемый ею в середине 1770-х годов план всеобщего «законоположения», находятся среди черновых бумаг и заметок императрицы, связанных с работами Комиссии о составлении проекта нового уложения¹. Каких-либо конкретных поводов к датировке (возможно, более определенной) эти материалы не содержат. Несомненно, что разрабатывалась схема законов до работы Екатерины II над «Учрежде-

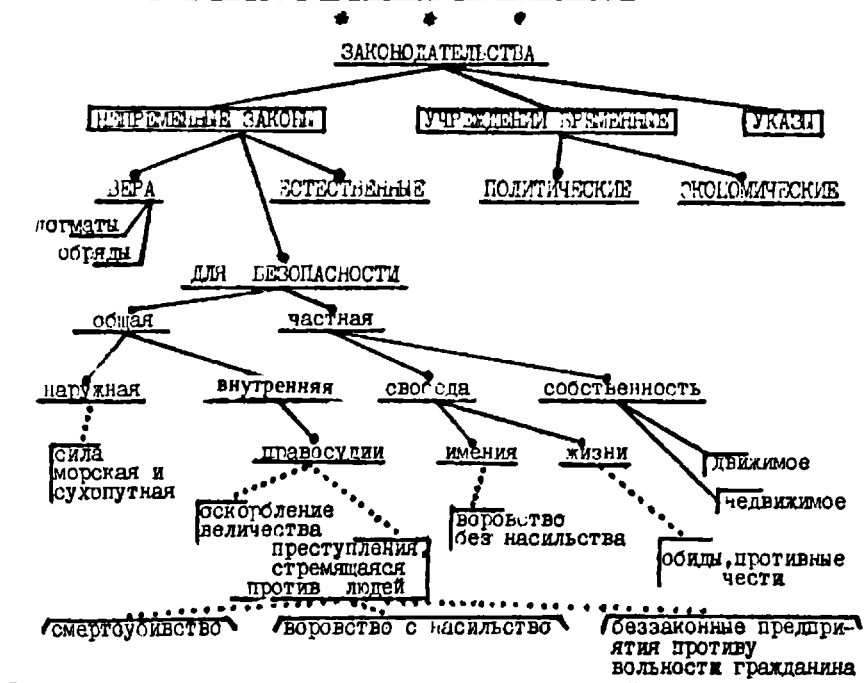
¹ ЦГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 318. Л. 1—43 (на обложке дела проставлено «20». По Уложенной комиссии. Руки А. В. Храповицкого?).

ниями для губерний» 1775 г. (поскольку в плане упоминаются коллегии — Мануфактур, Берг и т. д., которые должны были ликвидироваться с введением губернских новых учреждений). Публикуемые планы необычны тем, что подлинники представляют собой вычерченные Екатериной II наспех, с большим числом поправок, графические схемы. Эти схемы — не фотографическое отображение соответствующих листов рукописи, а составленные публикатором графики, отображающие только элементы плана и их соответствие между собой, с рубрикацией императрицы и индексов, с сохранением ее орфографии; ни расположение на листке подлинника, ни сопутствующие черновые наброски и приписки не воспроизводятся. Цифры (1—43), проставленные Екатериной II, связывают схемы и комментарии к ним (обозначая, какие правоположения к какой группе отнести). Схема «А» воспроизводит л. 18 из материалов д. 318, схема «Б» — л. 19, схема «В» — л. 20; последующие листы публикуются в общепринятом порядке. В том же деле л. 36—41 дают дополнительные черновые проработки плана.

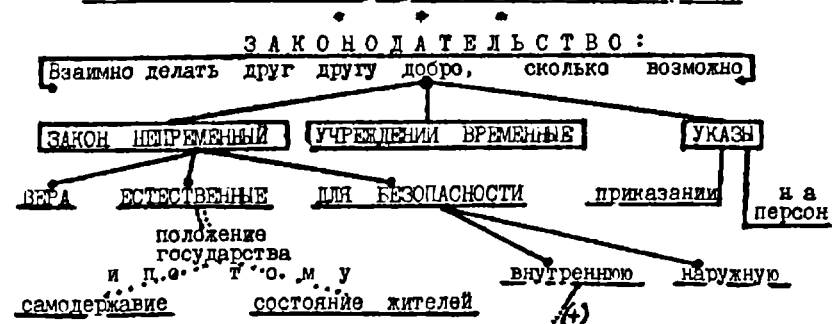
• • •

Б. Схема системы государственных законов
(вариант проработки непреременных законов)

В. Схема системы государственных законов (вариант)

Примечание: знаком (+) показано, что опущено несколько последующих звеньев схемы как совпадающих с аналогичной частью схемы «А».

Комментарий к схеме «А»

- л.21 Законы — Учреждения временные — Указы²
 Закон православной восточной — (12).
 О учреждении святейшего Синода и его должности — (6).
 О дозволении иноверным отправлять обряды по их законам.
 О дозволении выехать и въехать в России, кто пожелает — (10).
 О неукреплении за собою никому вольных людей, какой бы оне веры и земли не были — (1).
 О приводе и присяге всякого звания и достоинства в верной е.и.в.³ службе — (4).
 л.21об. О неоправдании никого без суда — (4)//
 О преступниках узаконений — (8).
 О бунтовщиков и изменников — (8).
 О оскорбителях величества — (8).
 О послушниках узаконений — (8).
 О суде коллежских служителей во всяких делах в Юстиц-коллегии — (10).
 О отцеубийцах — (8).
 О чадоубийцах — (8).
 О смертных убийцах — (8).
 О самоубийцах — (8).
 О женах, которые мужей убивают — (8).
 О мужьях, то же чинивших — (8).
 О делателей воровских денег — (8).
 О защекальщиках — (8)⁴.
 л.22 О содомском грехе — (8).//
 О блудном насилие — (8).
 О краже или увозе женск пол насильно — (8).
 О разбой — (8).
 О испорчении меж и граней — (10)⁵.
 О насильном управлении, то есть кто у кого хлеб свозит, скотину с поля загонит, лес завладеет и прочих, тому подобных своевольств — (8).
 О именовании, что есть движимое и недвижимое имение и что к оному принадлежит — (9).
 Какими разными образы движимое и недвижимое имении до кого доходить могут — (9).
 л.22об. О недопускании дураков ко владению — (10).//
 О недержании казенных денег на свои расходы.
 О неевозе в Россию из иностранных государств запрещенных товаров.

² Листы, которые содержат публикуемый комментарий к схеме, разделены Екатериной II на три столбца с этими заголовками. В столбце «Указы» текста нет, в столбце «Учреждения временные» лишь на л. 21 стоит: военные — сухопутные — морские, то есть публикуемый текст раскрывает содержание только столбца «Законы».

³ Ее императорского величества. Сокращение подлинника.

⁴ Следует читать: зажигальщиках.

⁵ Первоначально было помечено (9).

А каких — в том в временных учреждениях внесено будет.
О учинении наказание, кто в соль песок мешать и отвешивать будет.

О имении по большим улицам и по переулкам всякой чистоты.

О небитье мяс николь нездоровой скотины и о непродаже всяко нездорового харчу.

О преимуществе дворянском — (10).

О небрании подвод некому безденежно, разве государь укажет — (10)//

л.23—34

(Выписки из «Наказа» Комиссии уложения, с изменениями; ст.ст. 1, 3, 6, 8, 9, 11, 12, 17, 18, 21, 22, 26, 27, 34—36, 39, 64, 70—73 98, 101, 114, 116, 118—120, 122, 123, 126, 129, 141, 146, 148, 151, 168, 163, 191, 194, 214, 224, 246, 247, 252, 256, 269, 281, 313, 341, 342, 351, 353, 354, 356, 360, 364, 372, 374, 379, 380, 382, 383, 393, 407, 411, 412, 428, 429, 444, 462, 478, 481, 483, 485, 489, 490, 504)⁶.

⁶ На л. 23—34 Екатерина продолжила роспись положений к «Законам» (также разделяя листы на три столбца), выписав в качестве таковых статьи из собственного «Наказа». Некоторые статьи она давала в изложении или с дополнениями, например, ст. 39 изложена так: «Запрещается гражданам бояться один другого и повелевается всем бояться одних законов». Ряд статей адресован к тем или иным разделам согласно схеме: ст. 64 к (12), ст. 70 к (9), ст.ст. 71, 72 к (8), ст.ст. 428, 429 к (10), ст. 481 к (4), ст. 504 к (4).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ОСНОВНЫМ ПРОБЛЕМАМ КОДИФИКАЦИИ ПРАВА В РОССИИ В XVIII в.

Не являясь исчерпывающим, предлагаемый список литературы по основным проблемам, которые рассматривались в пособии, включает всю основную историко-правовую и общен историческую литературу, специально посвященную кодификации права в XVIII в. или отдельным ее аспектам.

Общие вопросы истории кодификации права в России XVIII в.

[Сперанский М. М.] Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833; 2-е изд. — 1837 (перезд. — Одесса, 1889).

Пахман С. В. История кодификации гражданского права. Т. 1. СПб., 1876.

Сергеевич В. И. Задачи истории кодификации [По поводу книги С. В. Пахмана] // Вестник Европы. Т. 62. Кн. 11. СПб., 1876. С. 453—478.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 612—997.

Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России. Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1887. Рец.: Филиппов А. Н. // Юридический вестник. Т. XXVI. Кн. 3. 1887 (ноябрь). С. 513—517.

Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. Московское государство. Российская империя. СПб., 1890. С. 194—342.

Лозина-Лозинский М. А. Кодификация законов по русскому государственному праву // Журнал министерства юстиции. 1897. № 4. Ч. неоф. С. 143—186; № 5. Ч. неоф. С. 107—173.

Латкин В. Н. Учебник истории русского права (период империи XVIII и XIX ст.). СПб., 1899; 2-е изд. — 1909.

Якушкин В. Е. Государственная власть и проекты государственных реформ в России. СПб., 1905. С. 16—67.

Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 48—292.

Нольде Б. Э. Законы основные в русском праве // Труды Юридического общества при Санкт-петербургском университете. Т. VII. СПб., 1913. С. 1—35.

Филиппов А. Н. Учебник истории русского права (пособие к лекциям). Ч. 1. Юрьев, 1899; 5-е изд. — 1914. С. 529—820.

Вернадский Г. В. Очерк истории права Русского государства XVIII—XIX вв. (период империи). Прага: Пламя, 1924.

Макаров А. Н. Вопросы кодификации основных законов в трудах русских законодательных комиссий XVIII века // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 1. Белград, 1930. С. 193—203.

Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. М.: Юридическая литература, 1969 (гл. 2. Шебанов А. Ф. Опыт составления и издания систематических собраний законодательства в дореволюционной России). С. 23—49.

Wortman R. S. The development of Russian legal consciousness. Chicago University Press 1976.

Медушевский А. Н. Землевладельческое право в уложенных комиссиях XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 114—126.

Уложенная комиссия 1754—1766 гг.

Проекты Уголовного уложения 1754—1766 годов. «Новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены»/ Под ред. А. А. Востокова. СПб., 1882.

Проект нового уложения, составленный законодательной комиссией 1754—1766 гг. (часть III. «О состоянии подданных вообще»)/Под ред. В. Н. Латкина. СПб., 1893.

Максимейко Н. А. Проект нового уложения законодательной комиссии 1754—1766 гг. Ч. III. «О состоянии подданных вообще»//Сборник харьковского Историко-филологического общества. Т. II. Харьков, 1899. С. XV.

Вернадский Г. В. Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754—1766 гг.//Историческое обозрение. Т. 20. СПб., 1915. С. 51—59.

Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще» (к истории социальной политики 50-х начала 60-х годов XVIII в.)//Исторические записки. Т. 38. М.: АН СССР, 1951. С. 208—251.

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. С. 64—69.

«Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения»

Наказ е.и.в. Екатерины Второй, самодержицы Всероссийской, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения [Сост. и вступ. ст. И. Г. Безгина]. СПб., 1983. Рец.: А. К.//Книжный вестник. 1893. № 10. Стб. 281—283; без подписи//Русское богатство. 1893. № 11. Отд. 2. С. 86—87; без подписи//Журнал министерства народного просвещения. Ч. ССХС. 1893 (декабрь). С. 410—412; Безгин И. Г. По поводу рецензии о Наказе имп. Екатерины II//Журнал министерства народного просвещения. Ч. ССХС I. 1894 (январь). С. 238—240; Сторожев В. Н.//Книговедение. 1894. № 3. Отд. V. С. 1—16.

Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения/Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. Рец.: М. К.//Исторический вестник. Т. CX. 1907 (январь). С. 1062—1064; Филиппов А. Н.//Юридическая библиография. Ярославль, 1907. № 3. С. 7—9.

Дмитриев М. А. На каком языке писан Наказ императрицы Екатерины Второй о сочинении проекта нового уложения//Библиографические записки. Т. II. 1859. № 4. Стб. 112—115.

Елисеев Г. З. Наказ императрицы Екатерины о сочинении проекта нового уложения//Отечественные записки. Т. 176. 1868 (январь). С. 77—130.

Зарудный С. И. Беккарна о преступлениях и наказаниях в сравнении с главою X-ю Наказа Екатерины II и современными русскими законами. СПб., 1879.

Brückner A. [Брикнер А. Г.] Die Instruktion der Kaiserin Katharina II. 1767//Russische Revue. Bd. XVIII [СПб.]. 1881. Hf. 5. S. 385—437.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и перв. пол. XIX в. Т. I. СПб., 1888. С. 38—44.

Иконников В. С. Страница из истории екатерининского Наказа (об отмене пытки в России)//Чтения в Обществе Нестора-летописца. Т. 5. Киев, 1891. С. 11—35, вт. пагин.

Благовидов Ф. В. Отношение современников и истории к Наказу и Большой Комиссии Екатерины II//Наблюдатель. 1895. № 10. С. 57—85.

Полетаев Н. Наказ имп. Екатерины II//Журнал Юридического общества. 1895. Кн. 10 (декабрь). С. 93—128.

Благовидов Ф. В. Идея Большого Наказа и практическая деятельность Екатерины II//Наблюдатель. 1896. № 1. С. 119—141.

Веселовский Н. И. Наказ (Большой)//Энциклопедический словарь [Брокгауза-Ефрона] Т. XXа. СПб., 1897. С. 481—484.

Романовский В. Е. Наказ императрицы Екатерины II. Тифлис, 1899.

Чечулин Н. Д. Об источниках «Наказа»//Журнал министерства народного просвещения. Ч. XXXIX. 1902. № 4. С. 279—320, вт. пагин.

Тарановский Ф. В. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II//Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1903. С. 44—86.

Фельдштейн Г. С. Уголовно-правовые идеи Наказа Екатерины II и их источники//Юридические записки. Изд. Демидовским Юридическим лицеем. 1909. № 2. С. 281—330; отд. изд. — Ярославль, 1909.

Витт В. В. Екатерина II как криминалистка. Уголовно-правовая доктрина Наказа в ее отношении к западноевропейской теории и к русской действительности. СПб., 1909 (на обл. — 1910).

Флоровский А. В. Из истории екатерининской законодательной комиссии. Одесса, 1910. С. 1—17.

Паппадато Л. Незданная французская рукопись Наказа императрицы Екатерины II//Труды слушательниц Одесских высших женских курсов. Т. 1. Вып. 1. Одесса, 1910. С. 135—157.

Salomon Felix. Ein russischer Reformsprogramm aus 18. Jahrhundert. Die Instruction Kaiserin Katharinas II. vom Jahre 1767//Deutsche Rundschau. Bd. CXLIV. 1910. Hf. 12. September. S. 413—428.

Тарановский Ф. В. Судьба «Наказа» императрицы Екатерины Второй во Франции//Журнал министерства юстиции. 1912. № 1. С. 100—127.

Florovsky A. W. Die erste deutsche Übersetzung der Instruction der Kaiserin Katharina II//Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. Berlin, 1912. N. 2. S. 1—10.

Andrae Fridrich. Beiträge zur Geschichte Katharinas II — Die Instruction vom Jahre 1767 für die Kommission zur Abfassung eines neuen Gesetzbuches Berlin, 1912. Рец.: Тарановский Ф. В.//Журнал министерства юстиции. 1913. № 7 (сентябрь). Ч. неофиц. С. 347—359; Флоровский А. В.//Журнал министерства народного просвещения. 1914. Ч. I нов. сер. (март). С. 188—196.

Уланов В. Я. Наказ и Комиссия о сочинении проекта нового уложения//Три века. Т. IV. [М.: Изд. И. Д. Сытина, 1913]. С. 219—238.

Чечулин Н. Д. Предпоследнее слово об источниках «Наказа»//Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 22—25.

Мякотин В. А. Наказ Екатерины II//Энциклопедический словарь Библиографического института бр. Гранат. 7-е изд. (и послед.) [1913]. Т. 29. Стб. 548—552.

Тарановский Ф. В. Монтескье о России (к истории Наказа императрицы Екатерины II)//Труды русских ученых за границей. Т. 1. Берлин: Слово, 1922. С. 178—223.

Бочкарев В. Н. Вопросы политики в русском парламенте XVIII века. [Тверь], 1923. С. 7—9.

Флоровский А. В. Шведский перевод Наказа имп. Екатерины II//Записки Русского исторического общества в Праге. Т. 1. Прага, 1927. С. 149—152.

Флоровский А. В. Две политические доктрины («Наказ» и Дидро)//Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. Науки гуманитарные. Белград, 1929. С. 113—129.

Ошерович Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли. М.: Юриздат, 1946.

Иванов П. В. К вопросу о социально-политической направленности «Наказа» Екатерины II//Ученые записки Курского педагогического ин-та. Вып. 3. Курск, 1954. С. 5—31.

Куприц Н. Я. Государственно-правовые идеи «просвещенного» абсолютизма в «Наказе» Екатерины II//Вестник МГУ. Сер. X. Право. 1962. № 4. С. 70—76.

Белявский М. Т. Вопрос о крепостном праве и положении крестьян в «Наказе» Екатерины II//Вестник МГУ. Сер. IX. История. 1963. № 6. С. 44—63.

Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М.: МГУ, 1965. С. 145—175.

Милов Л. В. Наказ Екатерины II // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1966. Стб. 878; то же // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 17. М., 1974. С. 220.

Ransel D. L. Catherine II's Instuction to the Commission on Laws: An Attack on Gentry Liberals? // Slavonic and East European Review. Vol. 50. London, 1972. N 118. P. 10—28.

Омельченко О. А. Политическая теория в «Наказе Комиссии о составлении проекта нового уложения» Екатерины II // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1977. № 1. С. 77—92.

Kamendrowsky V. Catherine II's Nakaz. State finance and the Encyclopedie // Canadian-American Slavic studies. 1979. Vol. 13. N 4. P. 540—553.

Белявский М. Т. Накануне «Наказа» Екатерины II. К вопросу о социальной направленности политики «просвещенного абсолютизма» // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 31—47.

Грацианский П. С. Политическая идеология русского самодержавия во второй половине XVIII в. // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. М.: ИГП АН СССР, 1986. С. 28—36.

Поскоин В. В. Политико-правовое содержание Наказа Екатерины II // Актуальные вопросы истории политических и правовых идей. Сборник научных трудов. М.: ВЮЗИ, 1987. С. 66—78.

Комиссия о сочинении проекта нового уложения 1767—1796 гг.¹

Соловьев С. М. Рассказы из русской истории XVIII века. 1767 год // Русский вестник. Т. 35. 1861 (октябрь). С. 303—340.

Лонгинов М. Н. Материалы для истории Комиссии о сочинении проекта Нового уложения // Русский вестник. Т. 36. 1861. Приложение. С. 1—79.

Попов А. Н. Предположения депутатов екатерининской комиссии для сочинения проекта нового уложения о наследстве // Заря. 1870. № 1. Отд. 2. С. 74—107.

Шашков С. С. Опыты законодательных собраний в России // Дело. 1870. № 5. С. 1—17, отд. пагин.

Бланк П. Б. Екатерининская комиссия 1767—1769 гг. // Русский вестник. Т. 121. 1876. № 1, 2. С. 126—172, 511—566; т. 122. 1876 (март, апрель). С. 5—49. 549—585; т. 123. 1856 (май, июнь). С. 194—227, 711—744.

Прилежаев Е. М. Наказ и пункты депутату от Святейшего Синода в екатерининскую комиссию о сочинении проекта нового уложения // Христианское чтение. 1876. № 9/10. С. 223—265.

Барсов Н. К истории законодательных работ по духовному ведомству в царствование императрицы Екатерины II // Христианское чтение. 1877. № 11/12. С. 611—627.

Сергеевич В. И. Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. Т. 69. 1878. № 1. С. 188—204.

Дятин И. И. Екатерининская комиссия 1767 г. «О сочинении проекта нового уложения» // Юридический вестник. 1879. Кн. III. С. 269—302; кн. IV. С. 477—499; кн. V. С. 637—672; его же. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 333—385; отд. изд. — Ростов н/Д.: Донская Речь [1905].

Брикнер А. Г. Князь М. М. Щербатов как член «Большой Комиссии» // Исторический вестник. Т. 6. 1881. № 10. С. 217—249.

Брикнер А. Г. Большая Комиссия 1767—1768 гг. // Журнал министерства народного просвещения. 1881. № 9. С. 1—23; № 10. С. 260—287; № 12. С. 191—218.

¹ Литература по данной проблеме дается выборочно. Не приводятся издания по исследованию истории наказов сословий в Комиссию и многочисленные работы по социально-экономической истории XVIII в., где указы в Комиссию используются как исторический источник.

Brückner A. G. [Брикнер А. Г.] Zur Geschichte der Gesetzgebung in Rußland. — Die Gesetzgebende Versammlung von 1767—1768//Russische Revue. [СПб.] 1882. Т. XX. S. 424—459, 514—547; т. XXI. S. 31—51.

Brückner A. G. [Брикнер А. Г.] Die Verhandlungen der Großen Kommission in Moscau und St-Petersbourg. 1767—1768//Russische Revue. Т. XXII. [СПб.] 1883. S. 325—356, 411—432, 500—541.

Багалай Д. Н. К истории екатерининской комиссии для составления проекта нового уложения//Киевская старина. Т. 13. 1885. № 9. С. 1—30.

Липинский М. А. К истории русского уголовного права XVIII в.//Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Кн. 10 (декабрь). Отд. IV. С. 1—54.

Липинский М. А. Новые данные для истории екатерининской Комиссии о сочинении проекта нового уложения//Журнал министерства народного просвещения. Ч. CCLII. 1887. № 7. С. 225—293.

Фирсов Н. Н. Вопрос о белгах и разбойниках, поднятый в Комиссии для составления проекта нового уложения (1767 г.)//Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. 9. Вып. 1. 1891. С. 1—18; отд. изд. — Казань, 1891.

Щербина В. Эпизод при выборах в законодательную комиссию 1767 г.//Киевская старина. 1896. № 7/8. С. 20—24.

Маркевич А. И. Предположение о созыве комиссии для составления проекта нового уложения//Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XX. Одесса, 1897. С. 1—27.

Семенов Д. Городское представительство в екатерининскую эпоху по материалам Комиссии 1767 г.//Русское богатство. 1898. № 1. С. 120—154.

Латкин В. Н. К истории кодификации в России в XVIII в.//Журнал министерства юстиции. 1902. № 5. Ч. неоф. С. 19—45.

Крылов В. В. Екатерининская комиссия в ее отношении к духовенству как сословию//Вера и разум. 1903. № 8. Отд. церковный. С. 467—483; № 9. С. 553—584; № 10. С. 622—639; № 11. С. 695—723; № 12. С. 758—771.

Крылов В. В. Екатерининская комиссия по вопросу о расколе//Вера и разум. 1903. № 16. Отд. церковный. С. 207—222.

Воронов А. Г. Вопросы о родовых имуществах в депутатских наказах 1767 г.//Вестник права. 1905. № 1. С. 194—212.

Шаховской Д. И. Русский депутат XVIII в. (новые материалы для биографии князя М. М. Щербатова)//Минувшие годы. 1908. № 11. С. 256—287.

Алмазов П. А. А. И. Бибинов как маршал Большой екатерининской комиссии (исторический этюд)//Костромская старина. Т. VII. 1909. С. 1—11, отд. пагин.; отд. изд. — Кострома, 1909.

Кудряшов П. Отношение населения к выборам в екатерининскую комиссию//Вестник Европы. 1909. Т. 6 (№ 11—12). С. 99—120, 531—548.

Флоровский А. В. Из истории екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910.

Филиппов А. Н. Депутаты екатерининской комиссии и Правительствующий Сенат//Журнал министерства юстиции. 1910. № 7. Ч. неоф. С. 1—30; № 8. Ч. неоф. С. 1—23; отд. изд. — СПб., 1910.

Покровский И. М. Екатерининская комиссия о составлении проекта нового уложения и церковные вопросы в ней (1766—1771)//Православный собеседник. Казань, 1910. № 1—3; отд. изд. — Казань, 1910.

Веретенников В. И. К истории составления дворянских наказов в екатерининскую комиссию 1767 г.//Записки Харьковского ун-та. 1911. № 4. С. 1—32; отд. изд. — Харьков, 1911.

Пресняков А. Е. Дворянский и крестьянский вопрос в екатерининской комиссии//Великая реформа. Т. I. СПб., 1911. С. 204—217.

Флоровский А. В. Депутаты войска запорожского в Законодательной комиссии 1767 г.//Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXX. Одесса, 1912. С. 1—51, отд. изд. — Одесса, 1912.

Иваск У. Г. Злоключения депутата: к истории екатерининской комиссии. //Русский архив. 1912. № 6. С. 232—233.

Кизеветтер А. А. Происхождение городских депутатских наказов в екатерининскую комиссию 1767 г.//Исторические очерки. М., 1912. С. 209—241.

Лукомский В. Г. О депутатском значке членов Комиссии для сочинения проекта нового уложения//Гербовед. 1913. № 10. С. 173—174.

Флоровский А. В. Состав Законодательной комиссии 1767—1774 гг. Одесса, 1915.

Архангельский П. Г. Выборы в екатерининскую комиссию от крестьян Двинского севера (по погостным наказам)//Историческое обозрение Т. 20. СПб., 1915. С. 1—28.

Пчелин Н. Н. Екатерининская комиссия «О сочинении проекта нового уложения» и современное ей русское законодательство//Ученые записки Имп. Московского ун-та. Отд. юрид. Вып. 45. М., 1916; отд. изд. — М., 1915.

Флоровский А. В. К 150-летию Манифеста 14 декабря 1767 г.//Журнал министерства юстиции. 1916. № 10 (декабрь). Ч. неоф. С. 1—35; отд. изд. — Пг., 1917.

Максимович Г. А. Выборы и наказания в Малороссии в Законодательную комиссию 1767 г. Ч. 1. Нежин, 1917.

Крыльцов И. И. Отношение населения к екатерининской комиссии 1767 г. в лице «третьего рода людей»//Журнал министерства народного просвещения. 1917. № 7/8. Отд. II. С. 1—16.

Вернадский Г. В. Императрица Екатерина II и Законодательная комиссия 1767—1768 гг.//Сборник Общества истории, философии и социальных наук при Пермском ун-те. Вып. 1. Пермь, 1918. С. 1—23.

Флоровский А. В. Два произведения Екатерины II для Законодательной комиссии 1767—1774 гг.//Русский архив. 1917. № 2/3. С. 1—44.

Готье Ю. В. Из истории законодательной мысли XVIII в. Наказ Главной полиции в Уложенной комиссии 1767 г.//Россия и Запад. Вып. 1. М.: Academia, 1923. С. 103—106.

Бочкарев В. Н. Вопросы политики в русском парламенте XVIII века (опыт изучения политической идеологии XVIII в. по материалам Законодательной комиссии 1762—1768 г.). Тверь, 1923.

Флоровский А. В. Академия наук и Законодательная комиссия 1767—1774 гг.//Ученые записки, основанные русской учебной коллегией в Праге. Т. 1. Вып. 2. Прага, 1924. С. 103—176.

Крыльцов И. И. «Подлые люди» в составе Законодательной комиссии 1767—1774 гг.//Бюллетень Среднеазиатского гос. ун-та. Вып. 3. Ташкент, 1924. С. 57—60.

Крыльцов И. И. Из истории классовой борьбы в России XVIII в. «Третий род людей» в составе большой законодательной комиссии 1767—1774 гг.//Труды Белорусского гос. ун-та. Факт права и гаспарарки. Вып. 21. Минск, 1926. С. 129—147; отд. изд. — 1928.

Максимович Г. А. К вопросу о целях и методах изучения Законодательной комиссии 1767 г.//Известия Крымского педагогического ин-та. Том. II. Отд. VI. Симферополь, 1928. С. 5—23 отд. пагин.

Кнорринг Н. Н. Екатерининская Законодательная комиссия 1767 года в освещении иностранных резидентов при русском дворе//Сборник статей, посвященный П. Н. Милокову. Прага, 1929. С. 327—350.

Sacke Georg. Die Gesetzgebende Kommission Katharinas II. Ein Beitrag zur Geschichte des Absolutismus in Rußland. Breslau, 1940.

Цаголов Н. А. У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной аграрной революции в России//Вопросы истории отечественной науки. М.-Л., 1949. С. 613—625.

Сивков К. В. Наказ жителей Москвы депутату Комиссии 1767 г. и законодательная деятельность имп. Екатерины II в 60—80 годах XVIII в.//Ученые записки Московского гос. педагогического ин-та им. В. И. Ленина Т. 46. Вып. 2. М., 1949. С. 193—222.

Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М.: МГУ, 1965.

Rappmehl K. A. The problem of civil liberties in the records of the Great Commission//Slavonic and East European Review. L., Vol. 42. N 99. 1964. P. 274—291.

Coquin Francols-Xavier. La Grande Commission législative de 1767—1768. Paris, 1966.

Dukes Paul. Catherine the Great and the Russian nobility. A study based on the materials of the legislative commission of 1767. Cambridge: Univ. Press, 1967.

Morrison K. R. Catherine II's Legislative Commission: An Administrative Interpretation//Canadian Slavic Studies. V. 4. Toronto, 1970. N 3. P. 464—484.

Курмачева М. Д. Проблема образования в Уложенной комиссии 1767 г.//Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.: Сборник статей. М.: Наука, 1975. С. 240—264.

Жураковский Г. Е. Из истории просвещения в дореволюционной России. М.: Педагогика, 1978. С. 35—78.

Омельченко О. А. Комиссия о составлении проекта нового уложения 1767 г. и развитие русского права во второй половине XVIII в. (к постановке вопроса)//Очерки кодификации и новеллизации буржуазного гражданского права: Сборник научных трудов. М.: ВЮЗИ, 1983. С. 89—106.

Омельченко О. А. Церковь в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России//Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России: Сборник научных трудов. М.: ВЮЗИ, 1988. С. 24—92.

Омельченко О. А. К истории судебной политики «просвещенного абсолютизма» в России//Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве: Сборник научных трудов. М.: ВЮЗИ, 1989.

Законодательство Екатерины II 1780-х гг.

Шторх Г. Летописи царствования Екатерины II, самодержицы Всероссийской [пер. с нем.]. Ч. 1. Законодательство. СПб., 1801.

Петров П. Н. Екатерина II как законодательница//Северное сияние. 1863. Т. II. Вып. 12. С. 747—774.

Романович-Славатинский А. Р. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870; 2-е изд. — Киев, 1912.

Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 329—580.

К. Н. В. Дворянская грамота//Исторический вестник. Т. XIX. 1885 (март). С. 619—646.

Дитятин И. И. К истории жалованных грамот дворянству и городам 1785 г.//Статьи по истории русского права. СПб., 1896. С. 49—152.

Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1702—1855 гг. СПб., 1906. Рец.: Григорьев В. А.//Журнал министерства юстиции. 1907. № 1. Ч. неоф. С. 34—35.

Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909.

Кизеветтер А. А. Императрица Екатерина II как законодательница//Исторические очерки. М., 1912. С. 274—283.

Григорьев В. А. Зерцало управы благочиния (эпизод из истории Устава благочиния 1782 г.)//Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3/4. С. 73—103.

Флоровский А. В. К истории текста Жалованной грамоты дворянству 1785 года//Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3/4. С. 186—194.

Филиппов А. Н. К вопросу о первоисточниках Жалованной грамоты дворянству 21 апреля 1785 г.//Известия АН СССР. Серия VI. Т. XX. Л., 1920. № 5/6. С. 423—444; № 7/8. С. 479—498.

Шворина Т. И. Уголовное законодательство Екатерины II//Ученые записки ВЮИОН [ВНИИСЗ]. Т. 1. 1940. С. 191—235.

Законодательные и кодификационные проекты Екатерины II

Вишняков В. В. (вступ. зам. и публ.) Проект имп. Екатерины II об устройстве свободных сельских обывателей//Сборник Русского исторического общества. Т. 20. СПб., 1877. С. 447—498.

Коркунов Н. М. Два проекта преобразования Сената второй половины царствования имп. Екатерины II (1788—1794 гг.)//Журнал министерства юстиции. 1899. № 5. С. 139—171.

Лаппо-Данилевский А. С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование имп. Екатерины II//Журнал министерства народного

просвещения. 1897. Т. 309. С. 1—59; т. 310. С. 132—168; т. 311. С. 60—82; т. 314. С. 365—390; отд. изд. — СПб., 1897.

Туманов М. Н. Влияние русской литературы второй половины XVIII в. на общественные нравы, законодательную деятельность правительства и государственное управление. Керчь, 1905.

Григорьев В. А. Проект манифеста Екатерины II о престолонаследии// Журнал министерства народного просвещения. Ч. L нов. серия. 1914 (март). С. 121—125.

Омельченко О. А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в.//Проблемы истории абсолютизма: Сборник научных трудов. М.: ВЮЗИ, 1983. С. 25—62.

Омельченко О. А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII в.//Вопросы истории уголовного права и уголовной политики: Сборник научных трудов. М.: ВЮЗИ, 1986. С. 25—49.

Омельченко О. А. Идея конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России: неизвестный проект Екатерины II «О узаконениях вообще»//Проблемы политической и правовой идеологии: Сборник научных трудов. М.: ВЮЗИ: 1989. С. 71—108.

Омельченко О. А. Конституция «просвещенного абсолютизма» в России (неизвестные законодательные проекты Екатерины II)//Советское государство и право. 1989. № 8. С. 136—142.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Военно-уголовное уложение Швеции 1683 г. — 11
Военный устав 1716 г. — 8, 11, 14
Воинские артикулы 1715 г. — 11
Генеральный регламент, или устав коллегиям 1720 г. — 11, 12, 114
Генерал-прокурорский наказ 1767 г. — 43, 44, 49, 64
Дополнение к Обряду управления Комиссии уложения 1768 г. — 57
Жалованная грамота городам 1785 г. — 107—110, 111, 112, 125
Жалованная грамота дворянству 1785 г. — 102—107, 108, 111, 112, 125
«Зерцало правосудия» — 21, 39
Канцелярский устав Швеции 1661 г. — 12
Кодификационная комиссия Верховного тайного совета 1728—1730 гг. 10
Кодификационная комиссия Сената 1730—1744 гг. — 10—11
Комиссия о вольности дворянской 1763 г. — 31, 103
Комиссия о коммерции 1763—1764 гг. — 31
Комиссия о церковных имениях 1762 г. — 31
Комиссия уложения (Комиссия о сочинении проекта нового уложения 1767—1796 гг.) — 40, 96, 107, 108, 110, 111, 127, 128
Акты Комиссии
«Наставления» Дирекционной комиссии — 68, 69, 70, 73, 75, 78, 82, 86, 89, 132—134
Акт о титулах, поднесенных Екатерине II 27 сентября 1767 г. — 51
Уроки частной Комиссии о порядке государства в силе общего права (1768 г.)
См также: Дополнение к Обряду управления. Генерал-прокурорский наказ, Манифест 14 декабря 1766 г., «Наказ» Екатерины II, «Начертание о приведении к окончанию Комиссии уложения», Обряды о выборах, «Обряд управления» 70
Деятельность Комиссии
Собрание депутатов (Большое собрание) — 48, 50, 57, 60, 63—66, 74, 103
Дирекционная комиссия — 61, 63, 64, 67, 73, 74, 81, 86, 88, 94, 102, 132
Экспедиционная комиссия — 66
Частная Комиссия о разборе наказов и проектов — 62, 68—69
Частные комиссии
О порядке государства в силе общего права — 66, 69—72
О разборе государственных родов жителей — 64, 66, 72—74, 76, 77, 103, 107
О среднем роде людей — 74—75, 107
О городах — 65, 77—78, 104—106
Духовно-гражданская — 65, 83, 85
О юстиции (О правосудии) — 64, 65, 73—81, 97
О благоточии — 65, 81, 83, 99
О имениях («отчинная») — 64, 65, 88—90
О разных установлениях касающихся до лиц — 65, 84—87
О обязательствах — 65, 90—92
Для остережения противоречий между воинскими и гражданскими законами — 65, 91—92
О училищах — 65, 92

- О почтах и гостиницах — 65, 92
О размножении народа, земледелия, домостроительства и др. — 65, 92
О образе сборов и расходов — 65, 92
О рудокопании, бережении и растении лесов и о торговле вообще — 65, 92
Кормчая книга — 9
Манифест 18 февраля 1762 г. (о «вольности дворянской») — 26—28, 45, 104
Манифест 6 июля 1762 г. («обстоятельной») — 30
Манифест 14 декабря 1766 г. — 45, 104
Манифест 17 марта 1775 г. — 97, 104, 107
Манифест 28 июня 1782 г. — 98, 104
Морской устав 1720 г. — 9, 11
«Наказ» Екатерины II («Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения») — 32, 33—39, 42, 44, 48, 49, 51—55, 59, 66, 68, 73, 74, 79, 80—82, 84, 85, 92, 97, 98, 100, 104, 105, 107, 108, 110, 111, 117, 121, 124, 126, 130—131, 132, 133, 139
«Начертание о приведении к окончанию Комиссии сочинения проекта нового уложения» 1768 г. — 55, 65, 66—67, 68, 69, 72, 74, 77, 79, 81, 82, 83, 85, 88, 90, 131
Новоторговый устав 1667 г. — 6
Новоуказные статьи о разбойных и татебных делах 1649 г. — 6, 7
Новоуложенная комиссия Сената 1720—1727 гг. — 8, 9, 10, 17
Обряды о выборах в Комиссию уложения 1766 г. — 41, 42, 44—47
Обряд управления Комиссией уложения 1767 г. — 43—44, 46, 48, 58, 60, 64, 132
Палата об уложении 1700—1703 гг. — 7
Положение о маклере Швеции 1669 г. — 101
«Правда воли монаршей» 1722 г. — 35, 122
«Проект правам благородных» Комиссии уложения — 55, 73—74, 103
Пункты о вотчинных делах 1725 г. — 10
Ремесленный устав Пруссии 1733 г. — 107
Русская Правда — 12
Свод законов Шведского королевства 1734 г. — 9
Указ о форме суда 1723 г. — 21, 54
Указ о учреждении Императорского совета 1769 г. — 23
Указ от 22 сентября 1782 г. — 98, 104
Уложение 1649 г. (Соборное уложение) — 4, 6—10, 17, 24, 79, 127, 131, 132
Уложенная комиссия 1754—1766 гг. — 15—26, 103, 127, 128
Устав благочиния 1782 г. — 98—102
«Учреждения для управления губерний» 1775 г. — 81, 94, 97—99, 105, 107, 120, 135
-

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	4
§ 1. Источники права и формы закона в период становления и развития абсолютизма в России (первая половина XVIII в.)	4
§ 2. Попытки кодификации русского права в первой половине XVIII в	7
§ 3. Теоретическое и историческое в проблемах кодификации	12
Глава 1. Уложенная комиссия 1754—1766 гг.: Зарождение правовой политики «просвещенного абсолютизма»	15
§ 1. Создание и деятельность Комиссии	15
§ 2. Проект нового уложения: основные правовые принципы	19
§ 3. Манифест о «вольности дворянской» 1762 г.	26
§ 4. Формирование новых правовых начал в проектах комиссии	28
Глава 2. Законодательная программа «просвещенного абсолютизма»: Созыв комиссии о сочинении проекта нового уложения (1767 г.)	30
§ 1. Екатерина II и развитие идей правовой реформы	30
§ 2. «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения»	33
§ 3. Правовые основы деятельности Комиссии	40
§ 4. Выборы депутатов и состав Комиссии	45
Глава 3. Деятельность и проекты Комиссии уложения. I: Большое собрание депутатов — руководящие органы — организация кодификационной работы	49
§ 1. Деятельность Большого собрания депутатов (1767—1770 гг.)	49
§ 2. Организация и правительственное руководство Комиссии. Общий характер деятельности Комиссии и значение Большого собрания	57
Глава 4. Деятельность и проекты комиссии уложения. II: Работа частных комиссий	65
§ 1. Организационные принципы деятельности частных комиссий	66
§ 2. Законопроектная работа частных комиссий	70
§ 3. Комиссия уложения в 1772—1796 гг.	94

Глава 5. Законодательство второй половины XVIII в. и новые формы кодификации права	97
§ 1. Начало реализации и развития законодательной программы «просвещенного абсолютизма»	97
§ 2. Устав благочиния 1782 г.	98
§ 3. Жалованная грамота дворянству 1785 г.	102
§ 4. Жалованная грамота городам 1785 г.	107
Глава 6. Кодификационные проекты Екатерины II	111
§ 1. Законодательные проекты 1770-х — 1790-х годов и план «всеобщего законоположения»	111
§ 2. Проект Свода государственных установлений (конституция «просвещенного абсолютизма»)	118
Заключение	127
Приложение 1	130
Приложение 2	132
Приложение 3	134
Рекомендуемая литература по основным проблемам кодификации права в России в XVIII в.	140
Предметный указатель	149

Редактор *Е. Ф. Варварина*
Корректоры *М. Е. Генералова, Н. А. Сидорова*

Сдано в набор 22.06.89	Подписано к печати 01.11.89
Заказ № 1868	Объем 9,5 п. л. Тираж 1000 экз. Цена 53 к.

РИО ВЮЗИ, 2-й Волконский пер., 5/7

Типография ВНИИТЭМР, г. Щербинка

Цена 53 коп.

23 391